ISSN 2560-3752 (Online)

АСПЕКТ

ЖУРНАЛ
ЧАСОПИС
социальных и гуманитарных наук
друштвене и хуманистичке науке

Духовные герои Белой Руси

Духовни хероји Беле Русије

№ 3(3)
2017

БЕОГРАД - МИНСК

BELGRADE - MINSK

ASPECT

АСПЕКТ № 3(3) 2017

Журнал социальных и гуманитарных наук

Духовные герои Белой Руси

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПАМЯТИ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА-ВИЛЕНСКОГО ⇨

⇒ Бендин А.Ю. «Цели, средства и социально-религиозные силы восстания 1863 г. в Северо-Западном крае Российской империи» - стр. 3

⇒ Черепица В.Н. « Граф М.Н. Муравьев в Отечественной войне 1812 г.» - стр. 15

⇒ Протоиерей Александр Романчук. "Граф М.Н. Муравьев-Виленский: религиозные основания усмирения шляхетского мятежа 1863-64 гг.—стр. 21

⇒ Айрапетов О.Р. «М.Н. Муравьев Вильно – первые шаги, решительные действия».—стр. 26

⇒ Священник Алексий Хотеев. «Музей памяти Графа М.Н. Муравьева в Вильно (1901—1915 Гг.)» - стр. 36

⇒ Гронский А.Д. « Генерал-губернатор Михаил Николаевич Муравьёв-Виленский в историях полков Русской армии »— стр. 41

⇒ Киселев А.А. «М.Н. Муравьев и преобразование общей полиции в белорусских губерниях Северо-Западного края Российской империи в правление Александра II»—стр. 49

⇒ Загорнов А.А. «Судебная реформа в белорусских землях во второй половине XIX в.»—стр.55

⇒ Линкевич В.Н. «Политика М. Муравьева в отношении православия в Белоруссии».—стр. 62

⇒ Зеленковский И.Ф. «Граф Михаил Муравьев-Виленский как один из первых истинных «белорусизаторов» Белой Руси».—стр 65

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СВЯТИТЕЛЯ ГЕОРГИЯ (КОНИССКОГО) ⇨

⇒ Сомов С.Э. «Присоединение Восточной Беларуси к России 1772 года в речах Георгия Конисского».—стр. 70

⇒ Священник Алексий Хотеев. «Письма архиепископа Георгия (Конисского) издателю В.Г. Рубану: к характеристике могилевского святителя как проповедника.»- стр. 74

⇒ Шевченко К.В. «Один из самых достопамятных мужей минувшего столетия…» Святитель Георгий Конисский в публицистике А.С. Пушкина» – стр. 77

⇒ Табунов В.В. « Православная церковь и римско-католический костёл в борьбе за влияние на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий»— стр. 81

⇒ Протоиерей Георгий Соколов. «Жизнь и церковные труды Могилевской духовной семинарии(1856-1912)» - стр. 87

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

⇒ Аврутин А.Ю. «Боль, которая не кончается…О романе Николая Чергинца «Операция «Кровь»» - стр. 89

СВЕДЕНИЯ О ЖУРНАЛЕ «АСПЕКТ» - стр. 91

Международное научное электронное издание

Издается совместно:
- Центар академске речи
(Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs
- Научно-просветительский проект
"Западная Русь"
(Минск) http:// apadrus.su

Редакционный совет:

Александр Бендин (Минск)
Александр Гегальчий (Прага)
Александр Гронский (Минск)
Александр Киселев (Минск)
Анатолий Аврутин (Минск)
Валентина Теплова (Минск)
Всеволод Шимов (Минск)
Кирилл Шевченко (Минск)
Юрий Аверьянов (Москва)

Главные редакторы:

Др Зоран Милошевић (Београд)

Игорь Зеленковский (Минск)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија
http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com
ISSN **2560-3752** (Online)
Номер вышел в мае 2017 г.

ASPECT № 3(3) 2017

Humanities and Social science magazine

Spiritual heroes of White Russia

MATERIALS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE OF THE MEMORY OF M. N. MURAVYEV-VILENSKY. ⇨

⇒ Alexandr Bendin. “The goals, means and socio-religious forces of the uprising of 1863 in the North-Western region of the Russian Empire.” - page 3

⇒ Valeriy Cherepitsa “Valeriy Cherepitsa. Graph M.N. Murav'yev in the Patriotic ar of 1812" - page 15

⇒ Archpriest Alexander Romanchuk. "Graf M.N. Muravyev-Vilensky: religious bases of con ict of the sleihaket mine in 1863-64" - page 21

⇒ Oleg Airapetov. “M.N. Muravyev- in Vil'no - fi st steps, solving action ”. - page 26

⇒ Pr. Aliaksei Khatseyev. “Museum of the Graph M.N. Muravyev in Vilno (1901-1915)” - page 36

⇒ Alexander Gronskii “Governor-General Mikhail Nikolaevich Muraviov-Vilenskiy in histories of the regiments of the Russian army”. - page 41

⇒ Alexander Kiselev. "M.N. Muravyev and the transformation f the police in the belarus governments of the North-West edge of the Russian empire to the board of Alexander II" - page 49

⇒ Alexander Zagornov. "Judicial reform in the belarusian lands in the second half of the XIX century." - page 55

⇒ Viktor Linkevich. "The policy of M. Muravyev in regard to orthodoxy in Belarus." - page 62

⇒ Igor Zelenkovsky. “Graf Mikhail Muravyov-Vilensky as one of the fi st true "Belorusisers" of White Russia”. - page 65

MATERIALS OF THE SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE DEDICATED TO THE 300TH ANNIVERSARY OF THE SAINT GEORGIA (KONISSKY). ⇨

⇒ Sergey Somov. “The accession of Eastern Belarus to Russia in 1772 in the speeches of George Konysky”. - page 70

⇒ Pr. Aliaksei Khatseyev. “Le ers from Archbishop George (Konissky) to the publisher VG. Ruban: to the characterization f the Mogilev saint as a preacher.” - page 74

⇒ Kirill Shevchenko "One of the worthiest man of the last century ..." the St Georgy Konissky in the Pushkin's publicism” - page 77

⇒ Vasili Tabunov “The Orthodox Church and the Roman Catholic Church in the struggle for influence in the Belarusian lands in the late XIX – early XX centuries” - page 81

⇒ Archpriest Georgy Sokolov “Life and church works of Ivan Konstantin vich Pyatnitsky (1856-1912)” - page 87

LITERARY CRITICISM

⇒ Anatoly Avrutin. “Pain that does not end ... About the novel by Nikolai Cherginets "Operation Blood " - page 89

ABOUT MAGAZINE - page 92.

International esearch electronic publishing

Published jointly by:

- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs

- Scien fic and educational p oject "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editorial Council::

Alexander Bendin (Minsk);
Alexander Gegalchy (Prague);
Alexander Gronskii (Minsk);
Alexander Kiselev (Minsk);
Anatoly Avrutin (Min k);
Valentine Teplova (Minsk);
Vsevolod Shimov (Minsk);
Kirill Shevchenko (Minsk);
Yury Averyanov (Moscow)

Editor in Chief:

Zoran Milosevic (Belgrade)

Igor Zelenkovsky (Minsk)

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

http: /aspects.su/

aspect.journal@gmail.com

ISSN **2560-3752** (Online)

Issued in May 2017

ЦЕЛИ, СРЕДСТВА И СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ 1863 Г. В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.*

THE GOALS, MEANS AND SOCIO-RELIGIOUS FORCES OF THE UPRISING OF 1863 I N THE NORTH-WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE.

УДК – 94(476)

Александр Юрьевич Бендин
доктор исторических наук, профессор кафедры богословия Института теологии Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия)

Alexandr Bendin, PROF., PH.D. Ins tute of teology, Belarusian State University (Minsk, Belarus)

РЕЗЮМЕ. В статье ставится задача рассмотреть проблемы, связанные с целями польского восстания 1863 г. и средствами их достижения в Северо-Западном крае Российской империи. Проанализированы программные документы повстанцев и пропагандистские материалы. Анализируется социальный состав участников восстания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Северо-Западный край Российской империи, восстание, польское дворянство и шляхта, пропаганда, сепаратизм, католичество, ксендзы, уния, Православие, крестьяне.

ABSTRACT. The aim of the artic e is to consider the problems connected with the goals of the Polish uprising in 1863 and the means of achieving them in the North-Western region of the Russian Empire. The program documents of the insurgents and propaganda materials were analyzed. The social composition of the partic - pants in the uprising is analyzed.

KEY WORDS. North-western region of the Russian Empire, the uprising, the Polish nobility and the gentry, propaganda, separatis , Catholicism, priests, union, Orthodoxy, peasants.

В январе 1863 г. в Царстве Польском вспыхнуло вооруженное восстание, которое начало распространяться на территорию Северо-Западного края, затронув, прежде всего, Гродненскую и Ковенскую губернии[1]. Восстание 1863 г. вывело решение проблем колониального господства польской элиты из области оппозиционного сословно-этнического ирредентизма на уровень вооруженного противоборства с российским правительством[2].

Центральное руководство восстанием осуществляло подпольное «правительство», которое находилось в Варшаве. В Северо-Западном крае* начавшимся восстанием руководил подпольный Литовский провинциальный комитет, который подчинялся польскому «правительству». Несколько позже этот комитет, находившийся в Вильне, был преобразован в исполнительный отдел, управляющий провинциями Литвы[3].

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского.
http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html

1] Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. М., 1965. – С.XIII.

[2] О колониальных отношениях, существовавших в Северо-Западном крае, и о Северо-Западном крае, как внутрироссийской польской колонии, можно прочесть в статьях: Бендин А. Ю. Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX - начала XX в. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Минск, 2006. – С. 8-35; Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьев-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. Минск, 2006. – С. 53-77; Бендин А. Ю. Реформы графа М.Н. Муравьева как цивилизационный поворот в истории белорусского народа // Университетский вестник. «Цивилизационные основы государственности России и Белоруссии». Материалы международного круглого стола 29 марта 2016 г. Смоленск. Специальный выпуск. 2016. – № 1. (17) – С. 18-90.

* Употребление автором двух названий региона (Северо-Западный край, Белоруссия и Литва) обусловлено традицией, сложившейся в дореволюционной западнорусской историографии. В известной работе «Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края», говорилось о том, что «белорусы и литвины… населяют почти весь Северо-Западный край России, в иных случаях переступая за его пределы, а в других – не достигая их. Поэтому история Белоруссии и Литвы может быть отождествлена с историей Северо-Западного края России. См: Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПБ., 1890. – С. 1-2.

[3] Восстание в Литве и Белоруссии. – С. 12, 32.

«Красные» и «белые» руководители восстания рассчитывали добиться успеха с помощью иностранной военной интервенции в Россию западноевропейских государств и, прежде всего, Англии и Франции. Польские эмиссары уверяли своих западных союзников, что возрожденная Польша станет «играть роль стража Европы от нашествия *москвитян*, которое день ото дня становится очевиднее».

Пугая европейцев «московским вторжением в Европу», эмиссары убеждали их, что: «как национальная, так и географическая границы со стороны России составляют Днепр и Двина; что тут кончается европейский мир и начинается азиатский, монгольский; что между этими мирами нет никакого возможного союза, никаких отношений, никакой политики, никакого сближения, ни в нравах, ни в семейных связях, как между англо-саксонцами и краснокожими; что москвитяне (как теперь стараются называть русских) должны, во что бы то ни стало, быть отброшены в свои степи; что под этим только условием Европа будет спокойна от нашествия татарского варварства»[4].

В развернувшейся вооруженной борьбе восставшие польские радикалы демонстрировали свое «европейское», культурное превосходство перед отсталыми русскими «монголами» и «варварами». Польский Центральный комитет в «Манифесте 22 января 1863 г.» демагогически призывал «убогий и насилуемый народ московский» на «страшный погибельный бой, последний бой европейской цивилизации с диким варварством Азии»[5].

Внутри империи ставка делалась на приверженцев Римско-католической церкви - помещиков, шляхту, чиновников и разночинцев. Предусматривалось также разжигание крестьянских мятежей в Царстве Польском, Западном крае, включая и центральную Россию. Таким образом, обретение государственной независимости второй Речи Посполитой должно было осуществиться в результате разрушения Российского государства[6].

Политические цели восстания свидетельствовали о радикальной трансформации, которую претерпел польский ирредентизм 1861-1862 гг. Это движение не только кардинально изменило методы и масштабы борьбы с российским правительством, но и выдвинуло качественно новые политические и социальные лозунги. Теперь общей целью повстанцев стало отторжение Литвы, Белоруссии и части Малороссии от Российской империи и включение этих земель в состав независимого Польского государства в границах 1772 г.[7]

Российская политическая и интеллектуальная элита в лице лучших ее представителей глубоко осознавала степень угрозы, внутренней и внешней, которую представляло для России польское восстание, поддерживаемое западными державами и Папой Римским. Например, М.Н. Муравьев так определял цели польских повстанцев: «Увлекаясь … чувством непримиримой вражды к нам, и общим желанием своим и

[4] Прудон П. О польском вопросе // Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Сост. С. Шолкович. Вильна, 1885. – С. 85.

[5] Манифест Центрального комитета от 22 января 1863 года. См: ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 43; Побывавший в Вильне журналист газетыMorning-Herald, в статье, напечатанной 12 августа 1863 г., метко охарактеризовал восстание в Северо-Западном крае как «олигархическую революцию». «Мы видим, – писал он – что эта революция прибирает к рукам своим все атрибуты права и обязанности устроенного правительства, издает декреты, взимает подати, учреждает налоги и карает своих врагов. Мы видим ее с ножом в руках, но мы не в силах разорвать покров, прикрывающий ее лицо. Каждый ее шаг отмечается кровавым следом. Каждая прокламация этого мнимого правительства отличается ложью и основывается на лжи. Несмотря на то, в виду таких преступных сатурналий, нас уверяют, что мы свидетели святой борьбы, борьбы честного края, стремящегося оживить свою онемелую национальность, что мы видим перед собой серьезную попытку народа восстановить с оружием в руках свою политическую и религиозную свободу». См: Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. – С. 254.

[6] О попытках польской пропаганды спровоцировать крестьянские бунты в Великороссии сообщала в это время российская пресса: «В некоторых губерниях, большей частью вдоль Волги и ее притоков, захвачены эмиссары, развозившие и разбрасывавшие по селениям экземпляры фальшивого манифеста, будто бы изданного Государем императором в Москве 31 марта, и будто бы напечатанного в Санкт-Петербурге при Правительствующем Сенате….
В нем объявляется о бесплатной раздаче земель, об уничтожении всех податей, об упразднении всей армии и об отмене всех существующих гражданских властей». См: Виленский вестник. – 1863. – 23 мая; Тогда же весной 1863 г. в Поволжье была предпринята попытка военно-крестьянского восстания в поддержку польского мятежа. Организаторы Казанского восстания: Комитет русских офицеров в Польше, московское отделение «Земли и воли», литовский провинциальный комитет. Заговор был раскрыт. К следствию привлечено 40 человек: пятеро казнены, остальные сосланы в Сибирь. См: «Готов собою жертвовать…». М., 2008. – С. 397.

[7] РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 23.

всех ненавистников наших в Западной Европе, они беспрерывными крамолами своими, допущенными слабыми и ошибочными действиями начальства, постоянно стремились отторгнуть Западный край от России и, отодвинув нас к пределам Азии, обратить, как они презрительно выражаются, в прежнюю Московию; ибо они хорошо знают, что с лишением западных губерний, мы должны будем потерять и значение наше в Европе»[8].

Для реализации своих планов варшавскому «правительству» и его виленскому подпольному «отделу» предстояло решить важнейшую политическую задачу – создать такую высокую мотивацию, которая была бы способна вовлечь крестьянские массы в Литве и Белоруссии в антироссийское вооруженное восстание. Важная роль в решении этой задачи отводилась нелегальной «революционной» пропаганде, которой предстояло с помощью лозунгов патриотического, социально популистского, религиозного и русофобского характера придать сословно-клерикальному восстанию массовый, то есть, «национальный» характер.

Во главу угла подпольной пропагандистской работы ставилось распространение манифестов подпольного «правительства» и его литовского исполнительного «отдела». Считалось, что широкое распространение этих документов позволит привлечь массы русских крестьян к вооруженной борьбе против «москалей»*. Манифесты этого «правительства» обещали крестьянам Литвы и Белоруссии свободу, как «потомственной шляхте», и бесплатные земельные наделы, требуя взамен «защищать, польский край, гражданами которого они с сего дня являются»[9].

Вот, например, с какими соблазнительными призывами от имени польского национального «правительства» обращался к «братьям белорусам» подпольный Отдел, управляющий провинциями Литвы, 3 мая 1863 г.: «Польша восстала за вашу и свою свободу. Война с москалями ширится. Повсюду льется кровь. Бог благословит нас. Скоро будем свободны. Польское правительство сим объявляет всем повсеместно, что со дня провозглашения настоящего манифеста все равны, все сыны одной нашей польской Родины, что всем крестьянам навеки отдается земля, которой они до сих пор владели, без какой-либо барщины, чинша или отработки. А батракам, бобылям и кутникам, которые пойдут против москалей, даруется 5 моргов земли из казенных имений. Всем, кто пойдет в польские войска, навеки дается дворянство. ... Братья белорусы, настало доброе время. Пробудитесь и вы, и, призвав Бога в помощь, защищайте свободу, землю и веру вашу и Бог вам поможет»[10].

Содержание приведенного манифеста свидетельствуют о том, что патриотическая риторика, русофобия и социальный популизм с его подкупающими обещаниями немедленного дарования свободы, равенства, дворянства и бесплатных земельных наделов, были использованы пропагандой с целью мобилизации белорусских крестьян на вооруженную борьбу для достижения политических целей польских радикалов[11].

Одновременно с обещанием социальных «пряников» использовались и угрозы революционного «кнута». От жителей края под страхом предания военному суду требовалось не подчиняться российским законам и признать власть подпольного польского «правительства», так как «эта земля польская, а не русская»[12].

Особое усердие в деле «революционной» пропаганды проявил польский шлях-

[8] РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 171. – Л. 14.

* В официальных и неофициальных источниках этого времени этнонимы русский, белорусский и западнорусский используются как синонимы. Поэтому автор, опираясь на источники, также употребляет эти исторически применяемые этнонимы в качестве синонимов для определения этнической идентичности населения Северо-Западного края. Например, митрополит Литовский Иосиф Семашко писал о том, что в крае проживает ««население русское, белорусского или малороссийского наречия». См: Семашко И. митр. Записки Иосифа митрополита Литовского. Т. II. – СПб., – 1883. – С. 621.

[9] Восстание в Литве и Белоруссии. – С. 3-4; ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 44.

[10] Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 20. Как отмечал И.А. Никотин: «Сами помещики говорили, что с освобождением крестьян они были совершенно обеспечены, да мятеж помешал; поэтому коноводы мятежа оказали плохую услугу своим собратьям. Обещая крестьянам даровые наделы за участие в мятеже, они ничем не рисковали; в случае успеха «польской справы» можно было дать и по носу крестьянину. К счастью нашему, здравый смысл простолюдина не поддался обману и крестьяне, за весьма ничтожными исключениями, единодушно стали на сторону правительства и охотно поддержали его мероприятия по усмирению крамолы». См: Из записок И.А. Никотина // Русская старина. –1902. – № 11. – С. 324.

[11] Северная почта. – 3 марта. – 1863 г.; РГИА. – Ф. 908. – Оп. 1. – Д. 171. – Л.4.

[12] ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 10-12; Айрапетов О.Р. Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://zapadrus.su/bibli/istfbid/-1863-1864-/26-2012-10-16-16-11-50.html

тич Викентий Калиновский*, который в своих листовках, именуемых «Мужыцкая праўда», прибегал к явной лжи и лукавым демагогическим приемам, чтобы с их помощью спровоцировать крестьян на вооруженное выступление против российского правительства. В одной из листовок, он уверял крестьян, что: «Когда француз под Севастополем совсем разбил москаля, то для того, чтобы москаль не имел силы и денег, приказал народу дать вольность, не брать рекрутов и больших налогов. Москаль согласился на это, так как думал, что народ глупый и захотел его обмануть».

Калиновский широко использовал то несомненное преимущество над необразованными крестьянами, которое давало ему российское университетское образование. Пользуясь превосходством образованного над неграмотным, он внушал крестьянами, что «хитрый москаль» ничего мужикам дать не хочет. Поэтому только «польское правительство» обещает дать им «истинную вольность», «землю» и «веру наших отцов», то есть унию.

Тем более, что «француз, англичанин и целый свет идет нам на помощь», и что уже народ, со всей широкой земли нашей, «кто с ружьем, кто с косой идет на извечного нашего неприятеля, москаля поганого». И оказывается, что, «москаль», в данном случае, русские войска, «от наших кос как от огня убегает». Калиновский заявлял белорусским крестьянам, что они «поляки от веков вечных». Поэтому крестьяне должны взяться за «косу», чтобы «расстаться навеки с москалем поганым»[13].

Иными словами, крестьянам пытались навязать ложные представления о том, что только восстание против российского правительства сможет решить их острые социально-экономические проблемы. Пропагандируя примитивные идеи утопического мужицкого рая – «вольности», без налогов и рекрутов, Калиновский пытался спровоцировать некий аналог местной «махновщины», чтобы использовать ее разрушительное, кровавое начало против существующей законности и общественного порядка. Неизбежные в таком случае многочисленные жертвы и тяжелые социальные последствия социальной анархии, которые пришлось бы перенести крестьянам и их семействам, этого «революционера» совершенно не волновали.

Приманка регионально специфической, мужицкой «вольности» возникла потому,что идейные возможности подпольной пропаганды воздействовать на массовое сознание крестьян были существенным образом ограничены. В своем стремлении к максимальному расширению социальной базы восстания революционная пропаганда не могла эксплуатировать мотивы социальной ненависти к помещикам, которые обезземелили крестьян после издания освободительного манифеста 19 февраля 1861 г. Это было связано с тем, что польские помещики, составлявшие подавляющее большинство землевладельцев Северо-Западного края, являлись социально-экономической и политической опорой восстания.

Польская пропаганда, именуемая «революционной», в действительности не могла прибегнуть к лозунгам подлинно революционного, «черного передела» помещичьей собственности. На деле это привело бы к самым тяжким последствиям для финансового и материального снабжения повстанческих отрядов. Поэтому и понадобились привлекательные обещания о бесплатных земельных наделах, даруемых польским «правительством» за счет государственных и помещичьих земель, и конечно, соблазнительная приманка политически невнятной, но анархически заманчивой, мужицкой «вольности».

Не имея возможности использовать в пропаганде мощный и реально существующий фактор социальной ненависти, Калиновский сделал упор на пропаганду иной мотивации, стараясь разжечь у белорусских крестьян ненависть политическую, этническую и религиозную. В качестве объекта этой ненависти им был создан демонический образ «москаля» и «схизматика», представленного в качестве главного виновника всех крестьянских бед.

*. Свои показания, данные Виленской особой следственной комиссии, этот польский революционер подписывал как Викентий Калиновский, или Викентий-Константин Калиновский. См: Восстание в Литве и Белоруссии. 1863-1864 гг. – М., 1965. – С. 68-79.Белорусские националисты, формируя символический ряд своей героической мифологии, нарекли дворянина «польского происхождения» Викентия-Константинапростонародным «Кастусем», превратив его в ряженого белоруса. Возникший в результате мифотворчества образ революционно-демократического «Кастуся» оказался востребованным коммунистическим руководством БССР для политических нужд начавшейся в 20-е годы XX в. белорусизации. С этого времени и начинается политическая история этого мифа, ставшего одной из ведущих идейных опор белорусского национализма.

[13] ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 165, 123.

Этот примитивный пропагандистский продукт, предназначенный для крестьянского употребления, вобрал в себя враждебные представления о России, русском царе, великороссах и Православии, которые были присущи отнюдь не крестьянам, а польскому дворянству, шляхте и римско-католическому духовенству. То есть, тем привилегированным социальным группам, многие представители которых встали на путь вооруженной борьбы с российским правительством. Иными словами, Калиновский пытался ввести белорусских крестьян в заблуждение, навязывая им чуждую сословно-этническую мотивацию борьбы за независимость Польши.

Этот «революционер» стремился перенаправить энергию социальной ненависти, которую испытывали крестьяне к своим подлинным угнетателям – польским помещикам и шляхте, на сочиненного им «москаля», представляемого в роли заклятого врага мужицкой «вольности». С помощью идеологических манипуляций враг угнетателей – «москаль», превращался во врага угнетенных.

Пропагандистские методы, с помощью которых авторы «Мужыцкай праўды», пытались мотивировать крестьян на борьбу с российским правительством, позволяют сделать вывод, что Калиновский и его соратники объективно выступали в роли революционных провокаторов. С помощью русофобского образа «москаля» и соблазнительных пропагандистских приманок, выступающих в форме безответственных и щедрых социальных обещаний, они пытались заманить белорусских крестьян в самоубийственную ловушку польского восстания.

Эти листовки, написанные Викентием Калиновским и его соратниками на польской латинице нарочито примитивным, псевдонародным языком, белорусские историки-националисты гордо именуют «нелегальной, революционно-демократической, первой на белорусском языке газетой»[14].

Неприкрытая ирония этой ситуации заключается в том, что выступая под личиной «Яськи, хозяина из-под Вильно», Калиновский обращается в одной из этих листовок к белорусским крестьянам как «мужикам земли польской», причем, на том основании, «что живем на земле польской, что едим хлеб польский, мы поляки извечно»[15].

Если отбросить в сторону идеологически лукавый «революционно-демократический» ярлык этой «газеты», бережно сохраненный белорусскими историками от ушедшей в прошлое советской историографии, тогда придется сделать следующий нелицеприятный вывод. Это был откровенно лживый агитационный листок, издаваемый польскими «революционерами» для того, чтобы с помощью социальных и религиозных обещаний соблазнить белорусских крестьян на коллективное самоубийство во имя освобождения Польши. Во всяком случае, обещанные бесплатные наделы земли от польского «правительства» в тех условиях они могли получить разве что посмертно. Трудно было рассчитывать на иное вознаграждение за участие в сражениях с регулярными русскими войсками, а уж тем более на победу подпольного «правительства».

Следует отметить также, что мобилизационный эффект этой адресной пропаганды был минимален, не только в силу недостатка пропагандистских ресурсов и неграмотности крестьянства. У крестьян не было оснований верить своим польским угнетателям, которые рядились теперь в одежды незваных «освободителей». Созданный пропагандой русофобский жупел «москаля» ни вызывал, и не мог вызвать у русских (белорусы и малороссы) крестьян требуемой «революционерами» политической и этнической ненависти. Политический симулякр мужицкой «вольности», настойчиво предлагаемый Калиновским и компанией, особого интереса в массах не возбуждал. Соблазнительные обещания бесплатной земли, получаемой в будущем от неведомого варшавского «правительства», но за которые нужно было умирать сегодня, особого доверия не вызывали.

Главное же, заключалось в том, что у крестьян отсутствовали основные национально-патриотические мотивы освобождения Польши и Северо-Западного края от российской власти, которые, в свою очередь, служили решающим средством политической мобилизации для части польского дворянства, шляхты и римско-католического духовенства. Пропагандистские манипуляции, совершаемые революционными провокаторами для создания социально-политических мотиваций, *замещающих* от сут ст вовавшие у крест ьян польские национально-патриотические мо-

14] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 5. – Мінск, 1999. – С. 230.
[15] ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 114.

тивы, успеха не принесли. Русское крестьянство Литвы и Белоруссии не купилось на социальные приманки и политические симулякры Калиновского и польских пропагандистов, сохраняя в массе своей верность царю Освободителю Александру II.

В итоге, пропагандистскую кампанию по мотивированию русского крестьянства на антироссийское восстание польское подпольное «правительство» и его исполнительный литовский «отдел» безоговорочно проиграли.

Впрочем, некоторые крестьяне-католики, введенные в заблуждение соблазнами политической и религиозной пропаганды, вступали в отряды повстанцев и становились «косиньерами», так романтически именовали вооруженных косами мужиков подпольная польская пресса и западные либеральные издания. В действительности же, это были практически безоружные люди, обреченные на убой в столкновениях с регулярными, хорошо вооруженными и обученными русскими войсками.

Помимо своих непосредственных целей, эти провокационные, пропагандистские приемы способствовали возникновению социального хаоса, анархии, росту нелегитимного насилия и, в конечном счете, способствовали разжиганию среди населения Северо-Западного края гражданскойвойны между сторонниками России и Польши.

1. Религиозные знамена восстания.

В польском ирредентизме 1861-1862 гг., переросшем затем в вооруженное восстание, наряду с политическими мотивами и лозунгами, присутствовала и *религиозная составляющая*, выразит елями кот орой были радикально наст роенные ксендзы Царства Польского и Западного края. События восстания свидетельствовали о том, что политизированная часть католического духовенства, опираясь на авторитет священного сана, использовала религиозную пропаганду для призыва мирян к «священной войне» с Россией, которая была представлена как враг Польши - исторический, политический и религиозный.

Как отмечал исследователь восстания в Северо-Западном крае В. Ф. Ратч, «костел свою хоругвь обратил в знамя бунта», поэтому «мятеж пустил более прочные корни там, где гуще стояли костелы». Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что вооруженные выступления польских политических радикалов, именуемых «красными», поддержали христианские священнослужители, призванные своим священным саном к проповеди мира, любви, милосердия и законопослушности. Это произошло потому, что католическое вероучение было подвергнуто радикальной секулярной интерпретации, которая подчинила сакральные задачи церковного служения конкретным политическим целям достижения независимости Польши. В результате, идеология радикального польского национализма и участие в вооруженном мятеже получили религиозную санкцию политически ангажированного католического клира.

Возникший в рамках подпольной организации союз «красных», ксендзов и монашествующих был призван преодолеть узкий сословный характер восстания и обеспечить вовлечение в него максимального количества католиков из разных сословий и этнических групп. Эффективность религиозной мобилизации католической паствы польским костелом показали антиправительственные демонстрации 1861 г. Следствием этого опыта стали церковные призывы к «священной войне» с «москалями», которые вновь были рассчитаны на достижение мобилизационного эффекта, прежде всего, среди низших сословий и фанатично настроенного литовского населения Ковенской губернии[16].

Участие в борьбе за независимость Польши истолковывалось ксендзами как святое, жертвенное и богоугодное дело, необходимое для защиты католической веры и католических святынь от поругания их православными «схизматиками» и «москалями»[17].

«Громадное число лиц духовного звания фактически уличенных в сочувствии к

[16] ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 3-7,14, 30; Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 198.
[17] Байкова С. М. О движущих силах восстания 1863 г. – С. 250; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России – Т.1. – Вильна, 1867. – С. 129; Мосолов А. Н. Виленские очерки. – С. 107-108; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже. – С. 123-124, 129, 212-213; Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях. / Сост. Н. И. Цылов. – Вильна, 1866. – С. II, 105; Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева. / Сост. А. В. Белецкий. – Т.1. – Вильна, 1906. – С. XLIII, LII-LV; Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. / Сост. А. И. Миловидов. – Ч. 1. – Вильна, 1913. – С. XXXIX-XL, XLVIII-XLIX.

мятежу, – отмечал генерал-майор А.Л. Потапов в записке 1865 г. – ясно указывает, что духовенству польская пропаганда, преимущественно, обязана успехом. Оно было нравственным двигателей дела; под его покровительством в монастырях, костелах и других тайниках крамола созревала. Располагая такими могущественными орудиями как исповедь и присяга, духовенство беспрепятственно действовало на все сословия, раздувало фанатизм политический посредством фанатизма религиозного»[18].

О религиозной составляющей польского восстания писали дореволюционные историки, публицисты и очевидцы событий. Они характеризовали это явление как «ксендзовско-шляхетский», или «национально-религиозный мятеж», основываясь на том, что в восстании 1863 г. действия отдельных групп католических священнослужителей и монашествующих перестали соответствовать задачам религиозного служения и приобрели противоправный политический характер. Часть католического клира использовали свою духовную власть для манипулирования религиозным сознанием паствы в секулярных и преступных, с точки зрения действовавшего закона, сепаратистских целях.

В результате, возник феномен политизированного польского католичества, действия которого были направлены на мобилизацию рекрутов для повстанческих отрядов и обеспечение высокой религиозно-патриотической мотивации для вовлечения своих духовных чад в антиправительственную вооруженную борьбу[19].

Религиозная составляющая восстания 1863 г. не ограничивалась идейно-политической активностью радикально настроенных польских ксендзов и монашествующих. К ней следует отнести и попытки антиправительственной пропаганды использовать в польском восстании два религиозных фактора – униатский и православный.

Для выполнения этой задачи в качестве объекта для пропагандистских манипуляций было избрано местное православное духовенство и его паства. Как уже отмечалось выше, политическая пропаганда литовских «комиссаров» подпольного польского «правительства» содержала обещание восстановить Униатскую церковь, упраздненную на Полоцком соборе 1839 г.[20]

Вот как об этом писал агитационный листок «Мужыцкая праўда», подпольно издаваемый В. Калиновским: «Сказывают люди, что Святой Отец прямо из Рима прислал к нам свое благословение (но Москаль его задерживает), говорят, что пришлет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в Бога, Сына Его и Святого Духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходит в истинную веру дедов и прадедов. Потому, кто не перейдет в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!»[21].

На этом основании литовские «красные» рассчитывали привлечь бывших униатов, прежде всего, крестьян, в качестве «пушечного мяса» восстания, обреченного на гибель в сражениях с регулярной армией. Помимо задач инструментального характера, призыв к восстановлению унии был направлен и на провоцирование религиозного раскола среди православного населения края. Тем самым польская пропаганда стремилась разжечь конфликт между воссоединенной и древлеправославной частью Русской Церкви в собственных политических интересах. Подпольные «правительство» в своих воззваниях к православному духовенству Северо-Западного края «именем Польши» обещало «полную свободу и равенство перед лицом закона», «покровительство» и сохранение за священниками их приходов. Например, в листовке, обращенной к воспитанникам Литовской духовной семинарии, содержался призыв взяться за оружие и выступить «на брань за отечество, за права человечества, попранные бесчестно тираном, за свободу вероисповеданий, за свободу церкви вашей». В этих воззваниях отечеством православного духовенства и его паствы называлась Польша, а Северо-Западный край именовался «землей польской».

Тем же священникам, которые сохраняли верность российской монархии и счи-

18] РГИА. – Ф. 1282. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 37-38.
[19] Мосолов А. Н. Виленские очерки. С. 145; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже. – С. 214; Виленский вестник. – 12 февраля. – 1863 г.;Тесля А. А. «Польский вопрос» в передовицах М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки ТОГУ. – 2011. – Т. 2. – № 2. – С. 92-93; Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. / Сост. С. Шолкович. – Вып. 1. – Вильна, 1885; Виленский сборник. / Сост. В. П. Кулин. – Т.1. – Вильна, 1869; Русин. Голос Русского. Ответ «ксендзу-русину» // Вестник Юго-Западной и Западной России. – Т. IV. – 1864. – С. 28-29.
[20] Виленский вестник. – 1863 г. – 8 июня; Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 26, 30.
[21] Революционный подъем в Литве и Белоруссии. М., 1964. – С. 133.

тали своим Отечеством Россию, руководители восстания грозили суровым наказанием «по всей строгости закона». Законопослушных священников польские пропагандисты демагогически называли «слепыми орудиями царского деспотизма», «устрашенных гнетом московского насилия», которые «отреклись от отечества и подняли открытый бунт против него»[22]. Воссоединенным из унии православным священникам угрожали тем, что «святая Униатская церковь будет восстановлена в прежних своих правах». Тогда террор обрушится на тех священников, которые сохранят верность Православию. «Вы согрешили, братья, – говорилось в прокламации – помните же, что вас ждет наказание. … ибо месть поляков за святую веру ужасна. … Помните, братья, что настала минута мести за ваши преступления, и казни за грехи ваши»[23].

Таким образом, политическая пропаганда повстанцев стремилась внести разобщение и вражду в среду православного духовенства и мирян, и с помощью методов «кнута и пряника», «разделяй и властвуй», заставить их изменить законной российской монархии и встать на сторону восставшей колониальной элиты.

Сущность идейно-политических манипуляций, к которым активно прибегала польская пропаганда, заключалась в том, чтобы убедить православное духовенство и западнорусских крестьян в правомерности убийства русских солдат во имя освобождения Польши. Иными словами, следовало использовать православное население в качестве средства для разрушения своего единоверного российского государства во имя восстановления государства иноверного и иноэтничного. Согласно этим замыслам, духовенство и крестьяне, принадлежавшие к «господствующей» Церкви, должны были восстать против своего священноначалия и православного царя Освободителя, чтобы получить землю и «свободу вероисповедания» от восстановленной католической Польши.

Поэтому сепаратистское восстание 1863 г. в Северо-Западном крае правомерно рассматривать как попытку колониального реванша, предпринятого радикально настроенным дворянством и духовенством под знаменами польского патриотизма, социального популизма, воинствующего католицизма и русофобии.

Восстановление власти польского государства над русским населением Северо-Западного края должно было компенсировать дворянству утрату власти над личностью крестьянина, которую давало крепостное право, отмененное в 1861 г. императором Александром II. Для римско-католического духовенства освобождение Польши и присоединение к ней «забранного» Северо-Западного края означало восстановление прежнего господствующего статуса, которым оно обладало в Речи Посполитой. Решительным поражением Православия в крае должно было стать восстановление упраздненной в 1839 г. Греко-католической церкви.

Для политизированного польского духовенства религиозная составляющая восстания была связана на практике с антирусской пропагандой, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием повстанческих отрядов и посягательством на целостность Российского государства. Польские ксендзы, в нарушение присяги, данной российскому императору, зачитывали в костелах манифесты подпольного польского «правительства», призывая свою паству к восстанию, измене российскому монарху и подчинению новой «польской власти». Они приводили повстанцев к присяге нелегальному «правительству», участвовали в организации снабжения повстанческих отрядов, обеспечивали идейную и сакральную поддержку восстания, призывая, убеждая и вдохновляя католиков встать на путь вооруженной борьбы с Россией[24]. Тем самым осуществлялась не только мобилизация повстанцев, организация их снабжения и поддержки со стороны социальных «верхов» и «низов», но и высшая, то есть религиозная легитимация подпольного польского «правительства».

[22] Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 13. – С. 467-485; Литовские епархиальные ведомости. – 1863. – № 22. – С. 728; Вестник Виленского свято-Духовского братства. – 1913. – № 15-16. – С. 281-282.

[23] Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских ведомостях, Русском вестнике и Современной летописи. Выпуск первый. М., 1887. – С. 308-309.

[24] Виленский вестник. – 23 мая. – 1863 г.; Виленский вестник. –10 сентября. – 1863 г.; ГАРФ. – Ф. 811. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 30-32; ЛГИА. – Ф. 494. – Оп. 1. – Д. 128. – Л.6, 11-26; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1863. – Д.1785. – Л. 1-36; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 649. – Л. 1-2;Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 836. – Л. 3-4; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 929. – Л.164-165; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д.1138. – Л. 12-14; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 1352. Л.1-2; Ф. 378. (политическое отделение) – Оп. 1864. – Д. 1368. – Л. 1-4; Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. – С. 202.

Некоторые ксендзы возглавляли отряды повстанцев и принимали непосредственное участие в боевых действиях. Внесение религиозных мотиваций в вооруженную борьбу с российским правительством привело к росту жестокости и насилия, которые воплотились в различные формы террора против верных царю-Освободителю жителей Литвы и Белоруссии[25].

По словам Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева: «Католическое духовенство никогда еще так дерзко и беззаконно как ныне, не заявляло своих преступных действий: призыв к мятежу раздается с высоты костельных кафедр; речи, пропитанные духом ненависти и разрушения, оглашают своды католических святынь, и даже некоторые исступленные проповедники сами берутся за оружие, присоединяются к шайкам бунтовщиков и предводительствуют некоторыми из них.

Высшее же духовенство, владея главным и вернейшим средством к умиротворению края – призывом, во имя Божие, к порядку и законному долгу, умышленно бездействует, потворствуя, таким образом, кровавым смутам и беспорядкам»[26].

Таким образом, популистские обещания «вольности» и бесплатных земельных наделов для крестьян, пропагандистское насаждение русофобского образа «москаля», призывы ксендзов к защите католической веры и лозунги восстановления унии ставили своей общей целью торжество сословно-этнических и церковных интересов польского дворянства и Римско-католической церкви. Русскому населению Северо-Западного края отводилась роль послушного инструмента для достижения чуждых ему социально-политических и религиозно-этнических целей.

2. Социальный состав участников восстания в Северо-Западном крае.

Главной социальной силой восстания было российское дворянство «польского происхождения». Об этом свидетельствуют данные, которые приводит советский историк В. М. Зайцев, использовавший в своей работе такой базовый показатель, как количество репрессированных, характерное для каждого из сословий Северо-Западного края.

По подсчетам этого исследователя: «На долю дворянского сословия, составлявшего 5, 99 % населения Литвы и Белоруссии, приходится свыше 62 % всех репрессированных или один репрессированный на 43 человека…. Представители численно преобладающего крестьянского сословия составляют 22, 36 % всех репрессированных, а мещанского, второго по численности среди населения – 5, 72 %. У крестьян один репрессированный приходится на 1051, а у мещан – на 758 человек мужского пола»[27].

Данные исследования подтверждаются свидетельствами представителей российской администрации, которые непосредственно занимались вопросами подавления польского восстания и реформирования края[28]. Вот, например, как писал о роли «панов и шляхты» в восстании 1863 г. генерал-майор А.Л. Потапов в мае 1865 г.: «Участие их в последнем мятеже фактически доказанное, единодушно и громадно.

[25] Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1963 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 488, 491, 496; Муравьев М. Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863-1866 гг. // Русская старина. – 1882. – № 11. – С. 400, 406; Из бумаг графа М. Н. Муравьева. – СПб., 1898. – С. 44 – 45; Виленский вестник. – 1863. – 12 февраля, 1863. – 25 мая, 1863. – 1 июня; ЛГИА. – Ф. 378. – Оп.1866. – Д. 46. – Л. 12, 18, 33, 50, 72; Ф. 378. – Оп.1864. – Д. 2096. – Л. 5; Брянцев П. Д. Польский мятеж 1863 г. – Вильна, 1892. – С. 66-86, 144-154; Сидоров А. А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. – СПБ, 1903. – С. 228; Сборник распоряжений графа Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863-1864. / Сост. Н. И. Цылов. – Вильна, 1866. – С. 105-106; Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России – Т.1. – Вильна, 1867. – С. 123-124, 129, 212, 215; Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863-1864 гг. (Муравьевское время). – СПб., 1898. – С. 24, 33-34, 104-105, 111-115; Лясковский А. И. Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам). – Берлин, 1939. – С. 80-81.

Папа Римский Пий IX с самого начала событий 1863 г. стал выказывать сочувствие к восстанию, которое подняли польские «красные». Он обратился с личным письмом к императору Александру II, жалуясь на положение Римско-католической церкви в крае и на терпимые ею притеснения. Император в ответе римскому первосвященнику обвинил духовных лиц в соучастии в мятеже и в совершении преступлений. „Этот союз пастырей церкви с виновниками беспорядков, угрожающих обществу, — одно из возмутительнейших явлений нашего времени, – писал Александр II – Ваше святейшество должны не менее меня желать его прекращения». Однако Папа не внял справедливым доводам российского императора.

[26] Виленский вестник. – 1863 г. – 27 июня.

[27] Зайцев В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа). М., 1973. – С. 16.

[28] РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2-4; ЛГИА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; ЛГИА. (Политическое отделение). – Ф. 378. – Оп. 1864. – Д. 2102. – Л. 1-2.

За весьма немногими исключениями, они все помогали крамольному делу, подразделяясь, согласно образу мыслей и роду деятельности, на красных, белых, крайних, средних, аристократов и демократов, но, в сущности, вред их был одинаково силен, ибо успех красных обусловливался материальными средствами белых, к числу коих принадлежали крупные собственники, равно и сии последние без необузданных стремлений красных не решались выступить на арену крамольной деятельности»[29].

Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев в своем обращении ко всем сословиям Северо-Западного края прямо указывал на политическую враждебность, которую испытывало к российскому государству «дворянство здешнего края, называющее себя польским». От имени российского государства Муравьев объявлял всем сословиям края о целях, которые преследовало это дворянство в восстании 1863 г.: «Дворяне и помещики, ослепленные безрассудными мечтаниями о господстве над народом, который едва только успел, волей всемилостивейшего государя нашего, освободится из-под тяжелого их гнета, тайно и явно раздувают пламя волнений и принимают в них деятельное участие, которое в этом сословии сделалось до такой степени всеобщим, что предводители дворянства, спрошенные по моему приказанию, не решились указать лиц, на политическую благонадежность которых можно бы положиться»[30].

Деятельное участие в восстании приняло и служилое дворянство, занимавшее различные должности в администрации Северо-Западного края. Формально, эти люди, присягнувшие на верность императору, служили Российскому государству и получали жалованье из казны. На деле, эта влиятельная группа дворянства была далека от политической лояльности монарху, на службе которого она состояла.

Виленский губернатор С.Ф. Панютин в отчете императору за 1863 г. вынужден был отметить, что: «Почти невозможно указать ни одного присутственного места как в самом городе Вильне, так равно и в уездах, откуда бы чиновники, в большем или меньшем количестве, не уходили бы в отряды формирующихся мятежных шаек. Те же, которые остались на местах, участвовали в различных уличных демонстрациях, собирали и распространяли всякого рода возмутительные сочинения и публично издевались над всем православным и русским. Составляя в городах довольно многочисленный, и по своему положению вследствие занимаемых ими должностей и вследствие большего или меньшего образования, самый влиятельный класс людей, чиновники польского происхождения, напитанные ненавистью ко всему русскому, были в числе главных двигателей мятежа»[31].

Что же касается сословия крестьян, то их роль в восстании, по подсчетам В.М. Зайцева, была незначительной. Из лиц этого сословия, принявших участие в восстании, бывшие помещичьи крестьяне составляли абсолютное меньшинство. По словам генерал-адъютанта Н.А. Крыжановского: «Крестьяне до такой степени ненавидели помещиков, что готовы были скорее передушить их, чем идти вместе с ними. Из крестьян не помещичьих пошли в мятеж преимущественно вольные, безземельные люди, батраки, работники, кутники, но весьма мало хозяев»[32].

Мнение генерала Крыжановского было подтверждено историком А.И. Миловидовым, который писал, что: «в период наиболее сильной польской агитации и вербовки повстанцев (январь и февраль 1863 г.) в банды шли преимущественно безземельные крестьяне и при том из Ковенской губернии»[33].

Ведущая роль, которую играло в восстании «первое сословие» империи, казалось, должна была служить для низших сословий социальной легитимацией происходивших вооруженных выступлений против власти российского монарха. Следовательно, пример дворянства должен был способствовать вовлечению в восстание бывших крепостных крестьян. Однако для Северо-Западного края с характерными для него отношениями польского колониального господства, социальный авторитет «первого сословия» мог быть значим только для единоверной ему части католического крестьянства. И то, как выяснилось, безземельного, воспринявшего всерьез популистские обещания «красных» агитаторов.

Здесь следует обратить внимание на одну характерную деталь.Согласно тради-

[29] РГИА. – Ф.1282. – Оп. 1. – Д. 248. – Л. 42-43.
[30] Виленский вестник. – 1863 г. – 27 июня.
[31] РГИА. – Ф. 1267. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 54-55.
[32] ЛГИА. – Ф. 439. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 3 об.
[33] Миловидов А.И. К 50-летию освобождения крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1911. – С. 32.

ции, которая под воздействием марксистско-ленинской идеологии сложилась в советской историографии, главное внимание исследователей восстания 1863 г. было обращено на выявление социального состава его участников. Особенно важным представлялось доказательство широкого участия в восстании крестьян, однодворцев, безземельной шляхты, а среди дворян – преобладание бедного и деклассированного дворянства[34].

Такой репрезентативный социологический материал активно использовался для доказательства ленинских положений о «революционной ситуации» 1861-1862 гг., и о «революционно-демократическом» характере и целях восстания, особенно на его завершающем этапе. Не забывалась при этом и борьба «за равенство и свободу народов будущей Польши», которую якобы вели восставшие «революционные демократы». О ведущей роль в восстании «деклассированного дворянства» писала советский историк С.М. Самбук (Байкова): «Учащаяся молодежь, мелкое чиновничество, офицеры вели пропаганду среди крестьян, шли в повстанческие отряды. Они составили более 21 % всех участников восстания. Деклассированное дворянство, добывавшее средства к жизни трудом, являлось основной движущей силой восстания. На его долю приходилось более 70% всех участников повстанческого движения и революционных организаций Белоруссии»[35]. Отсюда проистекала и неизбежная в таком случае марксистская критика непоследовательного и соглашательского поведения «белых», то есть, дворян-помещиков, и апология вооруженной борьбы, которую вели «красные», или, «деклассированное дворянство».

Однако не следует забывать, что и «белых», и «красных» лидеров восстания, несмотря на их расхождения в тактике и социальных программах, объединяла общая цель – установление власти польского государства на территории «забранного» Северо-Западного края и объединение его с освобожденной Польшей. Следовательно, речь шла о восстановлении политического и колониального господства польского дворянского меньшинства (социальной элиты края) над русским крестьянским большинством, какие бы методы и риторика, – патриотическая, демократическая или популистская при этом не использовались.

Следует особо отметить, что практически все участники восстания, и богатые, и бедные, были католиками по вероисповеданию. За популистскими лозунгами «деклассированного дворянства» пошли не столько «социально близкие» ему представители низших сословий, сколько «религиозно близкие» единоверцы-католики. Православное крестьянство, численно доминировавшее в крае, принять участие в иноверной «польской справе» не захотело. И для этого были серьезные основания, правовые и религиозные. В тех условиях поверить заманчивым обещаниям «красных» агитаторов о бесплатной земле и присоединиться к восстанию означало на деле изменить законному, единоверному царю и подчиниться подпольному польскому «правительству».

М.Н. Муравьев, и А.Л. Потапов, располагавшие необходимой информацией и бывшие непосредственными участниками событий, были объективно правы, называя главным виновником восстания все польское дворянство и особенно его самую экономически влиятельную часть – помещиков.

Они справедливо указывали, что без деятельного участия этого ведущего «олигархического» слоя дворянства, восстание в крае не приняло бы столь опасных для государства размеров. Выходит, что любимое советскими историками «деклассированное дворянство», «социально близкие» и единоверные ему шляхта, разночинцы и люмпенизированные крестьяне играли в этом восстании роль *колониальной пехоты*, кот орая боролась за полит ические инт ересы *всего* дворянского сословия «польского происхождения».

В начале 1863 г. польский ирредентизм, взяв на вооружение новые методы борьбы, принял форму вооруженного восстания, направленного на отторжение от России Литвы, Белоруссии и части Малороссии. Указанный поворот событий коренным образом изменил политическую ситуацию в крае и отношение к действиям повстанцев со стороны правительства, российского общества и подавляющего большинства местного населения. С позиции этих вовлеченных в события сил, восстание воспринималось как вооруженный мятеж польских сепаратистов, который угрожал

[34] Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. М., 1965. – С. VII-X, Байкова С.М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии. // Историко-социологические исследования. М., 1970. – С. 230-240.

[35] Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск, 1980. – С. 20-21.

не только границам Российского государства, но и свободе, безопасности и православной вере русского народа (белорусов и малороссов), проживающего на его западных окраинах[36].

Политические радикалы Царства Польского, заявляя об освободительном характере своей вооруженной борьбы против российского господства, претендовали на выражение воли всего польского народа. Как показали дальнейшие события, претензии эти не имели под собой реальных политических оснований. Еще менее основательными были аналогичные политические амбиции польских пропагандистов Северо-Западного края. В этом регионе восставшие дворяне «польского происхождения» борясь против власти российского монарха, ставили своей целью отрыв от России ее западных окраин, население которых, за исключением Ковенской и части Виленской губернии, было по преимуществу русским и православным[37].

Это население во время трагических событий 1863 г. сохраняло верность императору Александру II и поддерживало правительство в борьбе за сохранение единства империи. Поэтому попытку дворянского меньшинства отделить непольские земли от России вопреки воле большинства российских подданных, на этих землях проживавших, вполне уместно определить, как сословно-этнический сепаратизм, принявший форму вооруженного мятежа против Российского государства. С этого времени феномен польского сепаратизма и исходящие от него политические угрозы для безопасности государства, стали решающим фактором, определявшим политику правительства в Северо-Западном крае Российской империи в 1863-1868 гг.[38].

[36] Об отношении российского правительства и общества к политическим целям восставших поляков проницательно точно высказался известный церковный историк И. К. Смолич: «Во время восстаний 1830 –1831 и особенно 1863 г. поляки требовали восстановления «древней Польши», Речи Посполитой, другими словами, они настаивали на возвращении им непольских земель. Подобные планы могли вызвать у русского правительства только ожесточение и уж никак не понимание. Да и русское общество, которое приветствовало отнюдь не все меры по подавлению восстания, не могла принять польских требований. Эта позиция общества, исторически вполне понятная, служило мощной поддержкой правительственной политике как сразу после восстания, так и в последующие десятилетия». См: Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Книга восьмая. Часть вторая. – М., 1997. – С. 284–285.

[37] В.К. Калиновский в своих показаниях Виленской особой следственной комиссии, утверждал, что главной целью восстания в крае было разрешение «польского вопроса». См: Восстание в Литве и Белоруссии. – С.75.

[38] Принявший в 1868 г. управление Северо-Западным краем генерал-губернатор А.Л. Потапов, начал постепенный отход от «системы» управления регионом, которая была установлена М.Н. Муравьевым в 1863-1865 гг.

ГРАФ М.Н. МУРАВЬЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА(*)

GRAPH M.N. MURAV'YEV IN THE PATRIOTIC WAR OF 1812

УДК 94(47).081

Валерий Николаевич Черепица , кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно, Белоруссия) .

Valeriy Cherepitsa, candidate of historical sciences, professor of the department of general history, Grodno State University Y. Kupala (Grodno, Belarus).

РЕЗЮМЕ. В статье исследуется участие будущего генерал-губернатора М.Н. Муравьева в Отечественной войне 1812 г.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Н.Н. Муравьёв, Отечественная война 1812 г., Бородинская битва.

ABSTRACT. The article xamines the particip tion f the future Governor-General M.N. Muravyov in the Patriotic ar of 1812.
KEY WORDS. M.N. Muravyov, The Patrio c War of 1812, the Battle o Borodino.

Изучение жизни графа М.Н. Муравьева на протяжении последних десятилетий чаще всего вращается вокруг его деятельности на военно-административных постах. Не желая подробно вдаваться в оценки того, что было сделано в этот период в крае, необходимо лишь отметить, что в суждениях исследователей на эту тему в последнее время все более и более вырисовывается тенденция к позитивной оценке роли этого крупного государственного и военного деятеля в исторической судьбе белорусского народа. На смену упрощенным и оскорбительным представлениям о нем, как о «людоеде», «вешателе, распространяемых в обществе деятелями русского революционного и польского национально-освободительного движения, а также либералами всех мастей, в общественное сознание проникают более глубокие и взвешенные трактовки т. н. «системы Муравьева». Сегодня читающей аудитории стали доступны не только «Записки графа М.Н. Муравьева», труды о нем историков историков XIX – начала XX веков, но собственные ранее неизвестные суждения графа о своей службе в крае в 1863-1865 годах.

Перед отъездом из Вильно в своей прощальной беседе с митрополитом Литовским и Виленским Иосифом (Семашко), М.Н. Муравьев в частности, сказал: «Я и моя система осуждена лишь теперь, когда мятеж подавлен. Я ведь знал, что система моих действий не будет нравиться. Но она, и ничто иное погасило мятежников. Рассмотрим, в чем меня обвиняют. Начнем с пустяков. Есть немало русских людей, которые по малому смыслу, а пуще всего ради холопства перед Европой, собиравшейся отнять у нас Польшу и Западный край из кожи лезут представить меня невежественным варваром…В самый разгар мятежа я получал по почте ежедневно множество анонимных ругательных писем на всех языках, изо всех стран Европы. Были прелюбопытные – их у меня целая коллекция с угрозами кинжала, яда, с вызовами на поединок, с карикатурами эшафотов и виселиц со мной. Угрозы были не совсем пустые: жонд за мою голову обещал сначала 25 тысяч рублей, а потом и больше.

Но так ли справедливы жалобы на мою жестокость? Вот статистика: 128 человек повешено или расстреляно, 972 сослано на каторгу. А знаете сколько повстанцами повешено и убито тех из числа местного населения, кто остался верен долгу? Более двух тысяч человек…Ни один из западноевропейских метяжей не был укрощен с меньшим числом жертв, чем польский бунт 1863 года».

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html

В заключение Муравьев сказал своему собеседнику: «Большая будет задача для будущего историка разобраться в различных россказнях обо мне, прежде чем сказать обо мне правду. Если бы я мог дать ему совет, я бы ему предложил добросовестно изучить архив виленского генерал-губернатора за эти два года и главное – остановить свое внимание на истории крестьянского дела при мне».

Заметим при этом, что хотя и с большим запозданием, но такие добросовестные историки нашлись. Именно они (Я.И. Трещенок, А.А. Комзолова, А.Ю. Бендин и др.) убедительно показали, что власть и система Муравьева не только подавляла и усмиряла. Она умиротворяла, устаивала, стремилась усовершенствовать управление. Генерал-губернатор М.Н. Муравьев был не только «вешатель», но и талантливый администратор и организатор. Внесенные по его инициативе изменения в ход крестьянской реформы в крае заметно улучшили положение белорусских крестьян по сравнению с центральными губерниями империи и содействовали ускорению социально-экономического развития Беларуси. Много им было сделано для народного образовании, культуры, православного храмостроительства. Как человек своего времени, Муравьев прекрасно понимал, что помимо *субъективных устремлений отдельных лиц и групп, существуют еще и объективные интересы государства и общества.

Государственный интерес России не мог допустить превращения Польши в плацдарм для антирусской политики, в открытые ворота для внешних вторжений как это уже неоднократно случалось в истории. О том, как разыгрывалось на белорусских землях «польская карта» граф прекрасно знал из своего опыта восприятий событий 1812 года, а также русско-польской войны 1830-1831 годов. Конечно же, он понимал, что России в будущем придется примириться с национальной Польшей, но с Речью Посполитой в 60-е годы она примириться не могла.

Что же касается самой Беларуси, то в 1863 году самостоятельным субъектом политики она еще не выступала. Для российских правящих кругов она была Западной Россией, отличавшейся от Центральной только преобладающим польским землевладением, влиянием католицизма и еврейской чертой оседлости. Так воспринимала ее и сама местная интеллигенция православной ориентации, составлявшая течение «западноруссизм». Для той Польши, которую мечтали возродить мятежники, Беларусь была «кресами всходними», восточными окраинами. Для православного белорусского народа места в этой Польше вообще не предусматривалось.

Так распорядилась история, что возродиться как этнос и как нация Беларусь смогла лишь в государственном союзе с Россией. Никакой альтернативы этому не существовало, и народ ощущал это на подсознательном уровне. Устремление польских повстанцев и национальные интересы белорусского народа решительно расходились. Впрочем, и с долгосрочными национальными интересами самого польского народа цели мятежников также не имели ничего общего. Их попытки возродить Речь Посполитую были историческим тупиком. Они олицетворяли давно изжившую себя идею «великой Польши от моря до моря» и были заведомо обречены на поражения. Как политик государственник и военный человек М.Н. Муравьев прекрасно это понимал.

Основу мировоззрения Н.М. Муравьева несомненно составляли высокие чувства гражданственности и патриотизма, которые формировались в нем с ранних лет под воздействием традиций семьи и армии, службе в которой генерал отдал большую часть своей жизни. Важное место в развитии качеств защитника Отечества сыграла в жизни Муравьева война 1812 года. К сожалению, в современной исследовательской литературе при изложении его биографии этот период освещается предельно лаконично, ограничиваясь лишь указанием на то, что будучи участником этой войны, он получил ранение при Бородино и едва не погиб. Другие подробности, связанные с этим фактом, как правило, почти не упоминаются, вероятнее всего, из-за нежелания представить облик исторического деятеля во всем его многообразии.

Сам М.Н. Муравьев о своем участии в Отечественной войне 1812 года никаких записей не оставил. Поэтому основным источником по данной теме следует признать мемуары его среднего брата Н.Н. Муравьева (1794-1866), переизданные московским издательством «Правда» в 1989 году. Затрагивали данную тему и биографы графа М.Н. Муравьева – Д.А. Кропотов, А.О. Турцевич, Е.Ф. Орловский, а также М.Н. Вахрушев – автор «Истории 101-го пехотного Пермского полка» (Спб, 1897)», шефом которого в 1860-е годы был генерал-губернатор Северо-Западного Края.

Первоначальное образование и воспитание М.Н. Муравьев, как и его старшие

братья Александр и Николай получил под руководством своей матери. О ее благотворном влиянии на него и братье М.Н. Муравьев впоследствии вспоминал: «Если мы вышли порядочными людьми, то всем этим обязаны единственно покойной матушке». Что касается отца, то Н.Н. Муравьев – основатель Школы колонновожатых, готовившей офицеров для Генерального штаба, очень мало имел времени для занятий с сыновьями. С Михаилом же он занимался вместе с учителем Гатто. Последний занимался с мальчика латинскому языку, арифметике, геометрии и географии, а отец преподавал ему историю, алгебру, геодезию и военные предметы. Наука давалась Михаилу нелегко, зато раз заученное запоминалось ему навсегда. Кроме того, у него рано обнаружилась способность быстро схватывать внешне отвлеченную идею и весьма остроумно переводить ее на практическую почву. Эта способность вызвала у нее огромный интерес к математике. Став в 14 лет студентом физико-математического отделения Московского университета, он основал городское общество математиков, целью которого стало бесплатное чтение популярных лекций по математике и военным наукам.

Проходившие в начале XIX века войны России с Францией, Швецией и Турцией, быстрое продвижение наполеоновский войск к границам империи активизировало здесь рост патриотических настроений, в том числе и в среде дворянской молодежи. Под их влиянием М.Н. Муравьев оставил университет и поступил в декабре 1811 года в Петербургскую школу колонновожатых. Здесь его способности были оценены по достоинству, давая ему возможность в будущем пойти по преподавательской стезе, но Муравьева это не прельщало. В январе 1812 года, после производства его в прапорщики по квартирмейстейской части, он вместе с братьями Александром и Николаем был отправлен для прохождения службы в Вильно при начальнике штаба Западной армии графа Л.Л. Беннигсене.

По прибытию в Вильно братья Муравьевы поселились в доме Стаховского на Рудницкой улице. Средства к существованию у них в то время были весьма ограниченные из-за денежных затрат на офицерское обмундирование, снаряжение и прочее, поэтому по словам Николая Муравьева, братья в ту пору «перебивались напополам с нуждой»: «Скоро начались увеселения в Вильне, балы, театры, но мы не могли в них участвовать по нашему малому достатку, а когда купили себе лошадей, то даже перестали в одно время даже чай пить».

В мае 1812 года М.Н. Муравьев вместе с братом своим Николаем был командирован в 5-й гвардейский корпус, который стоял тогда в местечке Видзы. С началом войны и вынужденного отступления корпуса вглубь страны братья перенесли вместе с войсками немало лишений. «С выездом нашим из Видз, - вспоминал М.Н. Муравьев, - мы почти все время были на коне и ни одного разу не жаловались на походную жизнь. Лошадей мы часто сами убирали и ложились отдыхать подле них в сараях, на открытом воздухе, около коновязи». Трудности походной жизни перемещались с выполнением братьями нелегких служебных обязанностей, включая участия в Бородинском сражении. В ходе его братья старались не упускать из виду друг друга, хотя жизнь каждого их них в ту пору висела буквально на волоске.

Вот как описывает эти тревоги, спустя годы, Н.Н. Муравьев: «Перед самой атакой кавалерии я находился с братом Александром в селении Горках, как прискакал с каким-то известием к главнокомандующему от Семеновского полка князь Голицын Рыжий, состоявший адъютантом при Беннигсене. Бурка его была в крови; обратившись к нам, он сказал, что это кровь брата нашего Михайлы, которого сбило с коня ядром. Голицын не знал только, жив ли брат остался или нет. Не выражу того чувства, которое поразило нас при сем ужасном зрелище и вести. Мы поскакали с Александром на левый фланг по разным дорогам, и я вскоре потерял его из виду».

Встревоженные участью брата, Николай и Александр осматривали груды мертвых и раненых, спрашивали всех о нем, но ничего в тот момент не могли о нем узнать, тем более, что вскоре «завязалось кровавое кавалерийское дело», в которое оба были вовлечены. 27 августа Александр еще до рассвета вновь отправился на поле сражения отыскивать тело Михаила, объездил буквально все поле, но не нашел его. Поиски продолжились и на следующий день. Вот как описывает их Николай Муравьев:

«28-го рано поутру мы снова отправились отыскивать брата Михайлу; ехали медленно, среди множества раненых и всех расспрашивали, описывая им приметы брата, но ничего не узнали. Наконец подпоручик Хомутов, который мимо ехал, сказал нам, что он 27-го числа видел брата Михайлу жестоко раненным на телеге, которую

вез московский ратник, и что брат поручил ему известить нас о себе. Равнодушие товарища Хомутова, не известившего нас о том накануне, заслуживало всякого порицания, и он не миновал упреков наших. Мы продолжали путь свой и разыскания. Проезжая через селения, один из нас заходил во все избы по правой стороне улицы, а другой по левой; но в этот день мы его не нашли. Я остался ночевать в главной квартире, Александр же поехал далее.

29-го числа я отправился в Москву. В горестном положении увидел я столицу. Повсюду плач и крик, по улицам лежали мертвые и раненые солдаты. Жители выбирались из города, в коем проявлялись уже беспорядки; везде толпился народ. Я прискакал в дом князя Урусова, полагая найти там отца и братьев. Старый кучер подъехал ко мне испуганный и, не узнав меня, принял лошадь. Я вбежал с шумом, но Александр, встретив меня, остановил: «Тише, тише, – сказал он, – Михайла умирает; у него антонов огонь показался, и теперь ему операцию делают». Осторожно вошедши в батюшкин кабинет, я увидел брата Михайлу лежащего на спине. Доктор Лёмер (Lemaire) вырезывал ему снова рану и пускал из нее кровь. Михаила узнал меня, кивнул головой, и во все время мучительной операции лицо его не изменилось. Приятель его Петр Александрович Пустрослев тут же находился. Дом был уже почти совсем пуст. Князь Урусов выехал с батюшкой в Нижний Новгород, куда все московское дворянство укрылось. В доме оставалось только несколько слуг наших и те вещи, которые не могли вывезти вскорости. Я вышел из комнаты раненого. Лёмер, окончив операцию, подал некоторую надежду на выздоровление брата, впрочем, очень малую.

К вечеру Александр рассказал мне случившееся с Михайлой, по его собственным словам. Во время Бородинского сражения Михайла находился при начальнике главного штаба Беннигсене на Раевского батарее, в самом сильном огне. Неприятельское ядро ударило лошадь его в грудь и, пронзив ее насквозь, задело брата по левой ляжке, так что сорвало все мясо с повреждением мышц и оголило кость; судя по обширности раны, ядро, казалось, было 12-фунтовое. Брату был тогда 16-й год от роду. Михайлу отнесли сажени на две в сторону, где он, неизвестно, сколько времени, пролежал в беспамятстве. Он не помнил, как его ядром ударило, но, пришедши в память, увидел себя лежащим среди убитых. Не подозревая себя раненым, он сначала не мог сообразить, что случилось с ним и с его лошадью, лежавшею в нескольких шагах от него.

Михаила хотел встать, но едва он приподнялся, как упал и, почувствовав тогда сильную боль, увидел свою рану, кровь и разлетевшуюся вдребезги шпагу свою. Хотя он очень ослаб, но имел еще довольно силы, чтобы приподняться и просить стоявшего подле него Беннигсена, чтобы его вынесли с поля сражения. Беннигсен приказал вынести раненого, что было исполнено четырьмя рядовыми, положившими его на свои шинели; когда же они вынесли его из огня, то положили на землю. Брат дал им червонец и просил их не оставлять его, но трое из них ушли, оставят ружья, а четвертый, отыскав подводу без лошади, взвалил его на телегу, сам взявшись за оглобли, вывез его на большую дорогу и ушел, оставят ружье свое на телеге. Михайла просил мимо ехавшего лекаря, чтобы он его перевязал, но лекарь сначала не обращал на него внимания; когда же брат сказал, что он адъютант Беннигсена, то лекарь взял тряпку и завязал ему ногу просто узлом.

Потом пришел к брату какой-то раненый гренадерский поручик, хмельной, и, сев ему на ногу, стал рассказывать о подвигах своего полка. Михаила просил его отслониться, но поручик ничего слышать не хотел, уверяя, что он такое же право имеет на телегу, при сем заставил его выпить водки за здоровье своего полка, отчего брат опьянел. Такое положение на большой дороге было очень неприятно. Мимо брата провезли другую телегу с ранеными солдатами; кто-то из сострадания привязал оглобли братниной телеги к первой, и она потащилась потихоньку в Можайск. Брат был так слаб и пьян, что его провезли мимо людей наших, и он не имел силы сказать слова, чтобы остановили его телегу. Таким образом, привезли его в Можайск, где сняли с телеги, положили на улице и бросили одного среди умирающих.

Сколько раз ожидал он быть задавленным артиллериею или повозками. Ввечеру московский ратник перенес его в избу и, подложив ему, пук соломы в изголовье, также ушел. Тут уверился Михайла, что смерть его неизбежна. Он не мог двигаться и пролежал, таким образом, всю ночь один. В избу его заглядывали многие, но, видя раненого, уходили и запирали дверь, дабы не слышать просьбы о помощи. Участь многих раненых! Нечаянным образом зашел в эту избу лейб-гвардии казачьего полка урядник Андрианов, который служил при штабе великого князя. Он узнал брата и

принес несколько яиц всмятку, которые Михаила съел. Андрианов, уходя, написал мелом по просьбе брата на воротах: Муравьев 5-й.

Ночь была холодная; платье же на нем было изорвано от ядра. 27-го поутру войска наши уже отступали через Можайск, и надежды к спасению, казалось, никакой более не оставалось, как неожиданный случай вывел брата из сего положения. Когда до Бородинского сражения Александр состоял в ариергарде при Коновницыне, товарищем с ним находился квартирмейстерской части подпоручик Юнг, который пред сражением заболел и уехал в Можайск. Увидя подпись на воротах, он вошел в избу и нашел Михайлу, которого он прежде не знал; не менее того, долг сослуживца вызвал его на помощь. Юнг отыскал подводу с проводником и, положив брата на телегу, отправил ее в Москву. К счастию случилось, что проводник был из деревни Лукина, князя Урусова. Крестьянин этот приложил все старание свое, чтобы облегчить положение знакомого ему барина, и довез его до 30-й версты, не доезжая Москвы. Михаила просил везде надписывать его имя на избах, в которых он останавливался, дабы мы могли его найти. Александр его и нашел по этой надписи. Он тотчас поехал в Москву, достал там коляску, которую привез к Михайле, и, уложив его, продолжал путь. Приехав в Москву, он послал известить Пустрослева, который достал известного оператора Лёмера; но когда сняли с него повязку, то увидели, что антонов огонь уже показался. Я приехал в Москву в то самое время, как рану снова растравляли...»

Н.Н. Муравьев подчеркивал, что М.Н. Муравьев не забыл своего спасителя: «Спустя несколько лет после сего Михайла приезжал в отпуск к отцу в деревню и отыскивал лукинского крестьянина, чтобы его наградить, но его не было в деревне: он с того времени не возвращался и никакого слуха о нем не было; вероятно, что он погиб во время войны в числе многих ратников, не возвратившихся в дома свои. Я слышал от Михайлы, что в минуту, когда он, лежа на поле сражения, опомнился среди мертвых, он утешался мыслию о приобретенном праве оставить армию, размышляя, что если ему суждено умереть от раны, то смерть сия предпочтительна тому, что он мог ожидать от усталости и изнеможения, ибо он давно уже перемогался. Труды его и переносимые нужды становились свыше сил. Если же ему предстояло выздоровление, то он все-таки предпочитал страдания от раны тем, которые он должен был через силы переносить по службе. По сему можно судить о тогдашнем положении нашем! Мы с Александром были постарее Михайлы и оттого могли лучше его переносить усталость и труды, но истощалось и наше терпение».

«Приехав в Москву, вспоминал Николай, - я разделся, чего давно уже не удавалось мне сделать, и нашел себя в плохом положении. В Смоленске еще открылись у меня на ногах цинготные язвы. Хотя я их несколько раз сам перевязывал, но в Москве с трудом можно было отодрать присохшие бинты. Платье и белье были на мне совсем изорваны и покрыты насекомыми. Я переоделся и от того одного уже почув ствовал облегчение. Однако денег у нас не было ни гроша, а надобно было отправить раненого брата в Нижний Новгород к отцу; надобно было ему достать в дорогу лекаря и снабдить кое-каким продовольствием. Я поехал к бывшему тогда в Москве полицмейстеру Александру Александровичу Волкову, двоюродному брату отца. У него во всех комнатах лежали знакомые ему раненые гвардейские офицеры, за которыми он ухаживал. На просьбу взаймы денег он вынул бумажник и дал мне счесть, сколько их у него оставалось. Я нашел 120 рублей, и он мне отдал половину. С 60 рублями я возвратился домой. Александр, с своей стороны, также достал несколько денег, и мы отдали их Михайле.

Заложив оставшуюся в сарае коляску парой, мы отправили на ней раненого. За ним же ехала телега с поклажей, а за телегой шли оставшиеся дворовые люди: старики, бабы и ребятишки. Пустрослев также отправлялся в Нижний Новгород; он поехал вместе с братом, и с ними известный врач того времени Мудров, который полюбил брата, лечил и спас его во второй раз от смерти. Александр проводил обоз сей верст 20 за Москву и там простился с Михайлою, не надеясь когда-либо с ним опять свидеться; потому что когда сняли перевязку, то нашли, что антонов огонь вновь открылся. С тех пор я более ничего о нем не слышал до времени обратного занятия нами Вильны.

Как известно, за Бородинский бой М.Н. Муравьев был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. В начале 1813 года, оправившись от ран, он вернулся в армию и, состоя при начальнике главного штаба русской армии, участвовал в битве под Дрезденом. Память о пережитом в «грозу 12-го года» не покидала братьев Муравьевых и в последующем. Вспоминая Бородинскую битву, чуть не унесшую жизнь Михаила, Н.Н. Муравьев писал: «В 1816 году я посетил Бородинское поле сражения и

нашел на нем еще много костей, обломки от ружейных лож и остатки киверов. Батареи наши еще не были срыты. Стоило только несколько взрыть землю на Раевского батарее, чтобы найти человеческие остовы. Я поднял одну голову со вдавлением в одной стороне (вероятно картечью) черепом и послал ее в Петербург к брату Михайле».

Судя по всему, тяготы и лишения тех военных лет закалили молодого офицера и выработали в нем те качества воина, которые стали важной составной частью его характера и всей последующей военно-административной деятельности. Заметим, что граф М.Н. Муравьев был единственным из гродненских губернаторов первой половины XIX века, который принимал непосредственное участие в войне 1812 года и заграничных походах русской армии в Европу

Использованная литература:

1. Черепица, В.Н. Михаил Осипович Коялович. История жизни и творчества. / В.Н.Черепица. – Гродно: ГрГУ,1998. - 247с.

2. Трещенок, Я.И. История Беларуси. Досоветский период. /Я.И.Трещенок. – Могилев: МГУ им. А. Кулешова, 2004. – с. 224-225.

3. Кропотов, Д.А. Жизнь графа М.Н.Муравьева в связи с событиями времени и до назначения его губернатором в Гродно. /Д.А.Кропотов. – Спб, 1874. – с. 3-17; История 101-го пехотного Пермского полка 1788-1897. Составил М.Н.Вахрушев, штабс-капитан 101-го пехотного Пермского полка. – Спб,1897. – с.224-225.

4. Турцевич, А.О. Краткий очерк жизни и деятельности графа М.Н.Муравьева. / А.О.Турцевич. – Вильно, 1898. – с.5-7; Орловский Е.Ф. Граф М.Н.Муравьев как деятель над укреплением прав русской народности в Гродненской губернии 1831-35 и 1863-65 гг. – Гродна: Губернская типография, 1898. - с.17-21.

5. Муравьев, М.Н. Избранные страницы 1800-1825. /М.Н.Муравьев. – М.: «Правда», 1989. – с.126-129.

ГРАФ М.Н. МУРАВЬЕВ-ВИЛЕНСКИЙ: РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВАНИЯ УСМИРЕНИЯ ШЛЯХЕТСКОГО МЯТЕЖА 1863-64 ГГ.(*)

GRAF M.N. MURAVYEV-VILENSKY: RELIGIOUS BASES OF CONFLICT OF THE SLEIHAKET MINE IN 1863-64.

УДК – 94(476)

Протоиерей Александр Романчук,

кандидат богословия, заведующий кафедрой церковной истории Минской духовной семинарии.

Archpriest Alexander Romanchuk,

Candidate of Theology, Head of the Department Church history Minsk Theological Seminary

РЕЗЮМЕ. Религиозно-культурные предпосылки успешного усмирения шляхетского восстания 1863-1864 гг..

В статье выявляются религиозно-культурные предпосылки вооруженного выступления сторонников восстановления Речи Посполитой польской, характеризуется их влияние на общее направление политики Российской империи в Северо-Западных губерниях во вт. пол. 1840-х и в 1850-е гг. Определяется главная причина успешности деятельности М.Н. Муравьева на посту виленского генерал-губернатора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Северо-Западный край Российской империи, восстание, польское дворянство и шляхта, пропаганда, сепаратизм, католичество, ксендзы, уния, Православие.

ABSTRACT. The article eveals the religious and cultural precondi ons for the armed support of the supporters of the restora on of the Polish-Polish Commonwealth, characterized by their in uence on the general direction f the policy of the Russian Empire in the North-Western provinces on Tuesday. floo . 1840's and 1850's. The main reason for the success of M.N. Muravyov as Vilna governor-general.

KEY WORDS. North-western region of the Russian Empire, the uprising, propaganda, separa sm, Catholicism, union, Orthodoxy

Усмирение шляхетского мятежа 1863-64 гг. стало самой яркой страницей государственной деятельности М.Н. Муравьева в Северо-Западном крае Российской империи. Его усилия в этот период охватывали практически все стороны жизни местного населения, том числе и религиозную. На первый взгляд конфессиональная политика Муравьева в 1863-65 гг., уже охарактеризована историками разных историографических школ с соответствующими их политическим и культурным взглядам оценками. В то же время здесь есть одна сторона, которая, как представляется, до сих пор не осмыслена, а именно, – какую личную религиозную цену заплатил Михаил Николаевич Муравьев за свой успех подавления бунта и почему такая цена от него потребовалась.

Чтобы ответить на эти вопросы нужно обратить внимание на хорошо известный факт – казни ксендзов, осуществленные по распоряжению виленского генерал-губернатора военными трибуналами. Как известно, первые две такие казни были проведены публично уже через неделю после приезда Муравьева в Вильно – 22 и 24 мая 1863 г., а всего до 1 января 1865 г. смертные приговоры были приведены в исполнение в отношении то ли 7, то ли 8 католических священников. При этом нужно особо отметить, что Муравьев не требовал от католического священноначалия снять с первых двух расстрелянных ксендзов сан, что делалось позднее. Они были казнены не столько как нарушившие закон граждане, сколько именно в качестве католических священников. При этом их обвинение состояло лишь в чтении манифеста революционного правительства и призывах людей поддерживать мятеж. Это было государственное преступление, но для него кара смертью и в то время, и сейчас представляется слишком суровой.

В истории белорусско-литовских земель убийства священников разных конфессий случались неоднократно. Этому способствовало пограничное положение края и частые войны, носившие выраженный оттенок межконфессионального противостояния. Как правило, священнослужителей убивали в разгар военных действий, в обстоятельствах всплеска эмоций, с яростью, сопровождавшейся дикими издевательствами над жертвами. В ряду таких печальных событий казни ксендзов в 1863 г. стоят

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html ,

особняком. Они были осуществлены в рамках строгой законности, без эмоций, с соблюдением всех формальных процедур, пусть и упрощенных в условиях военного положения. При этом известно, что вынесение и приведение в исполнение смертных приговоров в отношении представителей католического духовенства было задумано М.Н. Муравьевым еще до прибытия в охваченные мятежом губернии как хорошо рассчитанная мера по замирению края. Существует свидетельство, согласно которому сразу после своего назначение на должность виленского генерал-губернатора, прочитав донесение В.И. Назимова о положении дел в белорусско-литовских губерниях, Муравьев сказал своим обычным тихим голосом: «Первое, что я сделаю по приезде в Вильно, – это расстреляю ксендза»[1].

Какой для Михаила Николаевича была религиозная цена этой его меры? Он не мог не понимать, что все сделанное им в рамках его ответственности государственного деятеля не будет встречено обществом единодушно, будет подвергнуто жесткой, в некоторых случаях несправедливой критике, но будет понято. Однако, отправляя на смертную казнь первых двух ксендзов, он не только до крайности обострял градус борьбы, но и переводил ее в религиозную сферу, а это превышало его компетенцию. Фактически он поставил перед собой вопрос: имеет ли в глазах у Бога русский православный мир такую ценность, чтобы ради него карать смертью инославных христианских священников? Ответив для себя на этот вопрос утвердительно, виленский генерал-губернатор не мог рассчитывать на понимание ни со стороны современников, в том числе и православного духовенства, ни со стороны потомков. Это означает лишь одно, – отправив на казнь ксендзов, Михаил Николаевич выводил себя из-под человеческого суда и выносил это свое деяние на другой – Высший Суд, приговор которого никто не может предсказать.

Михаил Николаевич не был атеистом, для которого Суд Божий – это пустое понятие. Он был верующим человеком. О религиозных мотивах своей деятельности по усмирению мятежа 1863-64 гг. он не оставил пространных рассуждений. Тем не менее, в «Записке об управлении Северо-Западным краем», он сообщает, что размышляя о подходах к уничтожению бунта, ввиду особой трудности этого предприятия он решился на, как он пишет, «все самопожертвования, как материальные, так и моральные», что он «с полным упованием на Бога взялся за дело»[2]. «Самопожертвование моральное» в терминологии тех лет было равно самопожертвованию религиозному. Следовательно, «с упованием на Бога» Михаил Николаевич решился на то, чтобы в полной мере нести религиозную ответственность за свои действия. Иначе говоря, карая смертью католических священников, он осознанно превышал свою ответственность государственного сановника, пусть даже с диктаторскими полномочиями, выводил себя из-под человеческого суда и повергал свои действия перед Судом Божиим, т.е. сознательно ставил под вопрос спасение своей души.

Нуждается ли граф Михаил Николаевич Муравьев в наших оправданиях? Нет, не нуждается. Человек, который обдуманно с верой ставит себя перед Судом Творца, принадлежит уже не этому миру, но вечности. Все наши слова о том, что ксендзы были главной духовно-идеологической силой мятежа, что другие средства в отношении католического духовенства в тех обстоятельствах были уже исчерпаны и показали свою недостаточность, что мятежники, в свою очередь, жестоко убивали православных священников и тем самым тоже вынесли свои деяния на Суд Божий, что Муравьев казнями ксендзов быстро и эффективно достиг своих целей, а следовательно, не допустил значительно бóльших жертв, ничего для души Михаила Николаевича не значат. Все эти обоснования нужны нам, но не ему. Он с непоколебимой верой сделал то, что сделал и уже получил свое воздаяние, о котором мы узнаем только в конце времен. Можно лишь сказать, что как бы кто не относился к виленскому генерал-губернатору, как бы кто его ни поносил, но никто не вправе отрицать, что граф Муравьев-Виленский в 1863 г. сознательно с твердой верой совершил акт личного духовного самопожертвования.

Однако, осознав масштаб религиозной жертвы Михаила Николаевича, мы сталкиваемся с одним очень важным вопросом. Как известно, в таких драматических событиях обязательно кто-то виноват. Кто же был виновником того, что графу Муравьеву пришлось идти на религиозное самопожертвование и проливать кровь католических священников? Чтобы ответить на этот вопрос нужно, в первую очередь, дать ре-

[1] Михаил Николаевич Муравьев 1 мая 1864 // Русская старина. – 1883. – Т. 39. – С. 653.

[2] Муравьев, М.Н. Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863 – 1866 гг. / М.Н. Муравьев // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – С. 400.

альную оценку шляхетского мятежа 1863-64 гг.

Приходится сказать, что подавление вооруженного выступления сторонников восстановления Речи Посполитой не является поворотной точкой в исторической судьбе белорусского народа, как полагают многие историки. Дело в том, что мятежники проиграли не тогда, когда их отряды были разгромлены правительственными войсками, а тогда, когда белорусские православные священники (и воссоединенные из унии в 1839 г., и их дети – молодое поколение православных священнослужителей) не поддержали пропаганду ксендзов и шляхетских революционеров, не ответили согласием на их призыв возродить церковную унию. Наоборот они заняли твердую православную и проправительственную позицию. В результате М.Н. Муравьеву пришлось иметь дело не с широкомасштабным народным восстанием, а с мятежом представителей высшего сословия, не имевшим опоры в массах.

Можно с полным правом говорить о том, что события 1863-64 гг. на белорусских землях стали проверкой убеждений православного духовенства и его паствы. Но эти убеждения не могли сложиться за короткое время активной фазы мятежа. Они сформировались ранее. Это произошло в ходе подготовки и совершения воссоединения униатов с православными в 1839 г. Кроме того, взгляды православного белорусского духовенства выдержали испытание недальновидной конфессиональной политикой правительственных кругов Российской империи в 1840-50-е гг. Так что поворотным пунктом в истории белорусов, изменившим вектор их национально-культурного развития, нужно считать Полоцкий собор 1839 г., а не усмирение мятежа 1863-64 гг. Известно, что так полагал сам граф Муравьев, который в своих действиях по разгрому мятежников смог твердо опереться и на православное духовенство, и на православный белорусский народ. В этом он видел заслугу митрополита Иосифа (Семашко)[3].

Таким образом, мятеж 1863-64 гг. представлял собой драматичное и кровавое, но бессмысленное с исторической точки зрения событие. Оно случилось из-за недооценки правительственными кругами Российской империи последствий Полоцкого собора 1839 г. В целом Петербург не сумел оценить значение воссоединения униатов и воспользоваться его плодами. «Один раз, – пишет А. Пыпин, – прошла в крае сильная полоса исторического движения – это уничтожение унии (1839); этот знаменательный факт мог бы навести местное общество на новые мысли о положении народного вопроса, но бытовая рутина была еще так сильна, что это событие произвело, кажется, меньше впечатления и действия, чем можно было бы ожидать»[4]. Пожалуй, единственным российским чиновником, который осознал масштаб и значение совершившейся в Северо-Западном крае в 1839 г. перемены был камергер В. Скрипицын. В одном из своих рапортов, адресованных обер-прокурору Н.А. Протасову в 1839 г., он написал, что воссоединение униатов представляет собой не шаг на пути к интеграции белорусско-литовских губерний в имперское тело, а решающую победу России на этих землях[5]. Его голос услышан не был.

Неадекватная оценка важности конфессионального фактора российским правительством в 1840-50-е гг. не только затормозила и исказила развитие православной церковной жизни в Белоруссии. Она привела к тому шагу, который воодушевил польское латинское духовенство, а через него и польское патриотическое общество, дал толчок восстановлению польских сил, подорванных после подавления восстания 1830-31 гг. Одновременно этот шаг парализовал белорусское православное духовенство и дезориентировал представителей правительственных структур Северо-Западного края. Речь идет о заключении конкордата между Российской империей и Римской курией в 1847 г. Сам этот конкордат не давал католикам никаких привилегий и просуществовал недолго. Император Николай I заключил его в надежде приобрести влиятельного союзника в противостоянии европейской революции. Не более. В то же время порожденные союзом России и Рима тенденции оказались непредсказуемыми и неконтролируемыми. Они привели к прямо противоположным ожидаемым Николаем I результатам. После 1847 г. Православие на белорусских землях утратило инициативу и динамичность развития, которые оно приобрело сразу после Полоцкого собора 1839 г. В свою очередь представители государственной администрации после 1847 г. смысл своей деятельности могли видеть только поддержании видимого спокойствия в крае. Но этого мало, конкордат послужил причиной нарастания кон-

[3] Муравьев М.Н. Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863 – 1866 гг. // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – С. 631 – 632.

[4] Пыпин А.Н. История русской этнографии. С. 126.

[5] РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18. Л. 30 – 31 об.

фронтации между православным духовенством и высшим российским чиновничеством. Ведь расширение позиций Православной Церкви в белорусско-литовских губерниях реально раздражало католическую знать и дестабилизировало обстановку. В условиях, когда российская монархия рассматривала дворянство как свою главную опору, это заставляло высших чиновников края в большинстве случаев поддерживать местную шляхту, а не православные иерархию и духовенство. Отсюда закономерным выглядит то, что митрополит Иосиф (Семашко) в конце 1840-х и в течение 1850-х гг. не сумел выстроить не то чтобы конструктивные, но даже просто нормальные отношения с виленскими генерал-губернаторами. Причем, ни с консерваторами по своим убеждениям, ни с либералами.

Еще одним следствием недальновидности конфессиональной политики Российской империи стало оставление значительной массы белорусов в костелах, превратившихся там в «костельных поляков», потерянных для белорусского нарда и враждебных России, а также продолжение существования унии на Холмщине.

Таким образом, вооруженное выступление патриотов Речи Посполитой было подготовлено самим российским правительством. Среди прочих предпосылок трагических событий 1863-64 гг. в белорусско-литовских губерниях нужно называть недооценку правительственными кругами империи конфессионального фактора, приведшую к непродуманному заключению конкордата с Римом. Ответственность за это несет, вне всякого сомнения, император Николай I. Именно его ошибки, совершая религиозное самопожертвование, пришлось исправлять М.Н. Муравьеву. Образно говоря, конкордат с Римом в 1847 г. был написан не чернилами, но кровью тех ксендзов, которых виленскому генерал-губернатору пришлось поставить перед расстрельной командой в 1863 г.

В 1859 г. митрополит Иосиф (Семашко) сказал будущему Дмитровскому епископу Леониду, в то время архимандриту Заиконоспасского монастыря: «Не знаю, примет ли от меня Бог это дело (разрыв унии – А.Р.), но знаю, что я действовал искренно, без всяких посторонних видов»[6]. В этих словах архиерея-воссоединителя звучит настоящее православное смиренное понимание того, что нельзя предугадать суд Божий, а также указание на главное религиозное и нравственное основание его деятельности – искренность и бескорыстие. Думается, что такие же слова применительно к усмирению шляхетского мятежа 1863-64 гг. мог бы сказать о себе и граф Михаил Николаевич Муравьев-Виленский.

Итак, предприняв краткую и несовершенную попытку осмысления религиозного обоснования репрессивной политики графа Муравьева в отношении некоторых членов католического духовенства при усмирении шляхетского мятежа 1863-64 гг., хочется заметить, что привилегией сильного является как критический взгляд на себя самого, так и признание силы убеждений и величия духа противников. Православные не могут сказать – оправдан ли за казни ксендзов Судом Божиим виленский генерал-губернатор, но он действовал согласно законам государства и оказался способен взять на себя полную ответственность, даже ценой сомнения в спасении собственной бессмертной души. Указывая на этот факт, было бы чрезвычайно интересно узнать – какую религиозную оценку действиям мятежников, убивавшим в 1863-64 гг. православных священников, могут дать те, кто в наши дни восхваляет шляхетский бунт. Имена, сословное положение и католический духовный сан людей, вешавших представителей православного духовенства, хорошо известны. Так же хотелось бы познакомиться с мнением оправдывающих мятеж 1863-64 гг. по поводу духовного облика тех католических клириков, которые участвовали в боевых действиях повстанческих отрядов с оружием в руках.

Использованная литература:

1. Муравьев, М.Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа в 1863 – 1864 годах / М.Н. Муравьев // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – С. 387 – 432, 623 – 644.

2. Михаил Николаевич Муравьев 1 мая 1864 // Русская старина. – 1883. – Т. 39. – С. 653.

3.

3.

[6] Цит. по Сушков Н.В. Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России. С. 37.

3. Пыпин, А.Н. История русской этнографии / А.Н. Пыпин. – Минск : БелЭн, 2005. – 256 с.

4. РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18.

5. Сушков, Н.В. Воспоминания о митрополите Литовском и Виленском Иосифе и об уничтожении унии в России / Н.В. Сушков. – Москва : Университетская типография, 1869. – 39 с.

М.Н. МУРАВЬЕВ В ВИЛЬНО – ПЕРВЫЕ ШАГИ, РЕШИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ(*).

M.N. MURAVYEV- IN VIL'NO - FIRST STEPS, SOLVING ACTIONS.

УДК – 94(476)

Олег Рудольфович Айрапетов,

кандидат исторических наук, доцент, Факультет госуправления МГУ.

Oleg Rudolfovich Airapetov,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Faculty of Public Administra on MSU

РЕЗЮМЕ. В статье описывается положение дел в Северо-Западном крае Российской империи на начало польского восстания 1863-1864 г.г.. Дается характеристика края как «внутренней польской колонии», где польско-католическая элита угнетала бесправное белорусское крестьянство. Указывается, что причины такого положения в традиционном полонофильстве царского двора, и сильном влиянии польско-католических лобби в Петербурге. Такое состояние дел на начало польского восстания стало серьезной угрозой для империи. .

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Северо-Западный край Российской империи, восстание, польское дворянство и шляхта, сепаратизм, внутренняя польская колония.

ABSTRACT. The article describes the state of a airs in the Northwest Territory of the Russian Empire at the beginning of the Polish Uprising of 1863-1864. The descripti n of the region as an "internal Polish colony" is given, where the Polish-Catholic elite oppressed the powerless Belarusian peasantry. It is pointed out that the reasons for this situati n are in the traditional polonophilia of the royal court, and the strong infl ence of the Polish-Catholic lobby in St. Petersburg. This state of a airs at the beginning of the Polish uprising was a serious threat to the empire.

KEY WORDS. North-western region of the Russian Empire, the uprising, the Polish nobility and the gentry, separatism, I ternal Polish colony

1(13) мая 1863 г. император удовлетворил прошение Назимова об отставке.[1] В тот же день он получил благосклонный Высочайший рескрипт с заверениями о «всегдашнем неизменном благорасположении» и алмазные знаки ордена Св. Александра Невского.[2] Основные военные успехи над повстанцами были достигнуты именно при нем, после мая в крае было всего несколько крупных стычек с их отрядами.[3] Роман с дворянством начался во время теплой встречи Назимова в Вильно в феврале 1856 г. Однако продлился он относительно недолго, до 1861 г.[4] Заигрывание с первым сословием сыграло с Назимовым злую шутку. В начале восстания крестьяне Динабургского уезда(Динабург – б. Борисоглебск, переименованный в 1893 г. в Двинск, ныне Даугавпилс, Латвия)не дали мятежникам воспользоваться результатами нападения на транспорт с оружием. Его сопровождала небольшая команда отставных солдат, которая не смогла отбиться от внезапной атаки из засады. Т.к. предводителями повстанцев были местные помещики графы Платер и Моль (были захвачены крестьянами и впоследствии расстреляны в Вильно), они сумели представить все дело русским властям в нужном им свете.[5]

Отбитые телеги были отправлены в имение Платеров, где начался победный пир. Слухи о произошедшим быстро распространились по деревням, и крестьяне, теперь уже неожиданно для мятежников, напали на барскую усадьбу и отбили трофеи. После этого активность поляков в Полоцкой губернии резко пошла вниз.[6] Дворяне компенсировали это поражение другим путем. Опять пошли слухи о повто-

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html , [

1] Русский инвалид. 2/14 мая 1863 г. №95. С.407.

[2] Русский инвалид. 4/16 мая 1863 г. №97. С.415.

[3] Имеретинский А.К. Воспоминания о графе М.Н. Муравьеве.// Исторический вестник(далее ИВ). 1892. №12. С.607.

[4] Из записок Ивана Акимовича Никотина.// Русская старина(далее РС).1902. Том 109. Вып.1. С.72; 78.

[5] Бутковский Я.Н. Из моих воспоминаний.// ИВ.1883. №10. СС.79; 84-85.; Любарский И.В. В мятежном крае(Из воспоминаний).// ИВ.1895. №4. СС.165-166.; «Готов собою жертвовать…»… Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863-1866 гг. М.2008. СС.74-76.

[6] Кайгородов Д.Н. Из времен польского восстания 1863 г.(Воспоминания старого кадета-полочанина).// ИВ.1907. №6.

рении Галицийской резни. В результате Вильно запросил Петербург о присылке войск для борьбы с крестьянскими волнениями! Шеф жандармов генерал кн. В.А. Долгоруков и министр внутренних дел П.А. Валуев фактически поддержали эту просьбу. Активным защитником интересов польского дворянства был и петербургский военный губернатор ген.-ад. А.А. Суворов. Только вмешательство министра государственных имуществ генерала А.А. Зеленого, принявшего депутацию крестьян, остановило интригу.[7] Защита дворянства доходила до того, что русская власть фактически запрещала своим сторонникам бороться с ее противниками.

Такая ситуация была типичной. Результат был прискорбным. Северо-Западный край фактически превратился в польскую колонию, где с попустительства русских властей шел процесс насильственной абсорбции польским элементом остальных. «Западно-русские крестьяне до 1863 года, - вспоминал современник, - вообще не могли знать своей родины. Земля, на которой они жили, спокон века принадлежала не им. Облитая их потом и кровью – двумя великими историческими правами на обладание, - она принадлежала побежденным русскими полякам, которые, de facto, пользовались правами победителей над русскими племенами, живущими между Двиною, Наревом, Днепром и Вепржем.»[8] Польский язык и польская культура, католицизм – все это было признаком принадлежности к господствующему сословию, которое в основном было представлено поляками.[9] Рано или поздно этому надо было положить предел. «Динабургское» дело бросило тень на Назимова и его методу управления.[10]

25 апреля(7 мая) к императору был вызван ген. М.Н. Муравьев.[11] Генерал болел, с весны по осень 1862 г. он находился на лечении заграницей и собирался продолжить его. Свое назначение он принял с нелегким сердцем, зная о том, насколько сильны в Петербурге позиции сторонников уступок полякам, боявшихся развития крестьянского движения и даже настаивавших на принятии мер по защите польских помещиков от русских, белорусских и украинских крестьян.[12] В 1862 г. он был уволен с поста министра государственных имуществ в результате усилий Великого Князя Константина, сумевшего настроить против генерала императора.[13] Но наступало время устроения Северо-Западного края, и тут Муравьев оказался незаменим.[14] 1 (13) мая он был поставлен во главе Виленского генерал-губернаторства(Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская губернии). Тем же приказом генералу были подчинены Витебская и Могилевская губернии и войска, в них расположенные.[15]

Еще после подавления мятежа 1831 г. он составил план необходимых действий в «губерниях от Польши возвращенных». Считая, что он был вызван «слабостию и беспечностию местного начальства», он видел его основные силы в местной шляхте – «сословии буйном и развратном», в католическом духовенстве, в то время как местное крестьянство представляло собой «сословие более страдательное».[16] Разумеется, Муравьев считал необходимым оказывать всемерную поддержку православной церкви для усиления связи Белоруссии с Россией, и принять меры к ограничению возможности католических священников и монахов влиять на образование молодежи.[17] Особое внимание еще тогда генерал предлагал уделить оптимизации управления в этих губерниях, подчинения их власти Наместника, формирования гу-

[7] Берг Н.В. Польское восстание в 1863-1864 гг. Записки Н.В. Берга.// РС. 1879. Том 25. Вып.7. СС.516-517.
[8] Гейнс А.К. Мемуары о Польском восстании 1863-64 годов.// Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. СПб.1899. Т.3. С.166.
[9] Любарский И.В. В мятежном крае(Из воспоминаний).// ИВ.1895. №3. С.814.
[10] Берг Н.В. Польское восстание в 1863-1864 гг...// РС. 1879. Том 25. Вып.7. С.517.
[11] Майков П. Памяти графа М.Н. Муравьева.// РС.1898. Том 96. Вып.11. С.269.
[12] Граф Михаил Николаевич Муравьев. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа, 1863-1866.// РС. 1882. Том 36. Вып.11. СС.389; 391-399.
[13] «Готов собою жертвовать…»… С.79.
[14] Имеретинский А.К. Ук.соч.// ИВ. 1892. №12. С.611.
[15] Русский инвалид. 2/14 мая 1863 г. №95. С.407.
[16] Кропотов Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб.1874. Приложение XV к главе VIII. Записка о ходе мятежа в губерниях от Польши возвращённых и заключение о причинах столь быстрого развития оного, извлеченные из сведений, почерпнутых на месте происшествия и подлинных допросов. СС.504-505; 507; 511.
[17] Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева Виленского. Всеподданнейшая записка Могилевского гражданского губернатора Муравьева о нравственном положении Могилевской губернии и о способах сближения оной с Российской империею. Послана 22 декабря 1830 года.// Русский архив(далее РуА). М.1885. Вып.6. СС.161-170.

бернского чиновнического аппарата и полиции из «природных русских» и т.п.[18]

Муравьев последовательно проводил идею того, что перспективы разумной политики сводились к созданию эффективно действующей русской административной системы: «Но для сего необходимо предварительно образовать соответственное строгое полицейское управление – в губерниях и поручить главное управление оных особым наместникам, облеченным доверием Государя Императора и опытных в способностях, нравственных качествах и знающих с должною точностию местность и свойства обывателей.»[19] В 1863 г., во время встречи с императором он изложил ему свои мысли. Генерал считал, что в Северо-Западном крае и Польше необходимо ввести однообразную систему управления, неизменно строгую по отношению к мятежникам и повышению авторитета России.[20] На первом этапе главная задача сводилась к следующему: «открытие и задержание главных секретных деятелей мятежа и ограждение сельского населения, оставшегося верноподданным Вашему Императорскому Величеству, от насилий и неистовств мятежников, от которых страдала и личность, и собственность каждого…» Муравьев получил полное одобрение Александра II.[21]

Теперь эта программа могла быть реализована на практике. Для начала генералу пришлось взяться за самое простое и самое важное: «Мне надо было на первых порах рассеять польскую дурь и возродить в русских и в войске уверенность в непоколебимости предпринимаемых правительством мер. Словом, надо было восстановить правительственную власть и доверие к оной – без этого ничего нельзя было делать»[22] Действия Берга и Муравьева, в основу которых было положено сочетание репрессий по отношению к мятежникам и гарантия мира и спокойствия лояльным подданным, продемонстрировали твердую решимость власти прекратить революционный террор.

14(26) мая Муравьев прибыл в Вильно и вступил в командование войсками. Его первый приказ по округу гласил: «Смутам и мятежу, возникшим в здешнем крае, надобно положить предел. Обращаюсь к храбрым войскам, над которыми принимаю начальство, уверенный, что с помощью Божией, дружными усилиями нашим дерзкие крамольники скоро понесут заслуженную ими кару, и порядок, и спокойствие восстановятся в вверенном мне крае.»[23] Распоряжения генерал-губернатора к этому времени не просто игнорировались – их поднимали на смех.[24] Вскоре Муравьев принялся за дело. Назимова он считал человеком слабым и недалеким и не собирался продолжать его политику.[25] Одним из первых шагов генерала еще по дороге в Вильно была встреча с представителями дворянства в Динабурге. Здесь же был конфирмован смертный приговор графу Платеру.[26] По приезду в Вильно генерал распорядился освободить из тюрьмы старообрядцев Динабургского уезда.[27] Шеф жандармов округа, слишком далеко зашедший в покровительстве польскому дворянству, был уволен с занимаемой должности и отправлен в Петербург к вящему неудовольствию ген. Долгорукова.[28]

В отличие от своего предшественника Муравьев не заигрывал с польским дворянством и католическим духовенством, входил в детали управления, и не терпел ложь, недомолвки и незнание.[29] Генерал отличался завидной работоспособностью и трудился по 16 часов в сутки.[30] Особое внимание Муравьев уделял системе управления. Местные власти и полиция состояли в основном из поляков и были в

[18] Четыре политические записки графа Михаила Николаевича Муравьева Виленского. Записка 1831 года об учреждении приличного гражданского управления в губерниях, от Польши возвращенных и уничтожении начал, наиболее служивших отчуждении оных от России.// РуА. М.1885. Вып.6. СС.176-180.

[19] Кропотов Д.А. Жизнь графа М.Н. Муравьева в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб.1874. Приложение XV к главе VIII. Записка о ходе мятежа в губерниях от Польши возвращённых и заключение о причинах столь быстрого развития оного, извлеченные из сведений, почерпнутых на месте происшествия и подлинных допросов. С.518.

[20] Майков П. Памяти графа М.Н. Муравьева.// РС.1898. Том 96. Вып.11. С.269.

[21] Секретно. Отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865 г. Б.м. Б.г. С.1.

[22] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. С.400.

[23] Русский инвалид. 28 мая/9 июня 1863 г. №115. С.489.

[24] «Готов собою жертвовать…»… С.85.

[25] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. С.390.

[26] Виленские очерки. 1863-1865. (Из воспоминаний очевидца).// РС. 1883. Том 40. Вып.10. С.189.

[27] Войт В.К. Воспоминание о графе Михаиле Николаевиче Муравьеве. По случаю воздвигаемого ему памятника в г. Вильне.(рассказ очевидца). СПб. 1898 . С.9.

[28] «Готов собою жертвовать…»… С.91.

[29] Имеретинский А.К. Ук.соч.// ИВ. 1892. №12. СС.617; 619.

[30] Войт В.К. Ук.соч. С.11.

массе своей ненадежны.[31] Генерал считал необходимым заменить в администрации польский элемент русским.[32] «Вооруженным шайкам, - вспоминал его сотрудник, - он не придавал особого значения, называл их сволочью и сравнивал с ветвями и сучьями дерева, которые вырубаются, сохнут, падают, но на их месте вырастают другие, и дерево продолжает расти и разветвляться, пока корни его целы. На эти то корни и обрушился Муравьев.»[33]

Виленский католический епископ Красинский на встрече с новым генерал-губернатором не принял серьезно его предупреждений о смене политического курса и попытался отшутиться от требований о сотрудничестве с властью.[34] Следует отметить, что он не был столь шутлив, когда в 1860 г. призывал священников не допускать критики в адрес помещиков и служить «звеном любви, связывающих помещиков и крестьян». Нарушителям тогда епископ грозил карами и предупреждал о том, что не будет никакой защиты от светских властей.[35] Теперь, в 1863 г. он был полностью на стороне мятежа, не идя в осуждении его участников дальше шуток.[36] Тем не менее, он ожидал, что по всем вопросам, связанным с судьбой католических священников, будут предварительно советоваться с ним. Муравьев продемонстрировал свою позицию, утвердив смертный приговор ксендзу, с которого перед казнью даже не был снят сан.[37] Еще перед своим отъездом из Петербурга генерал был уверен в необходимости такого демонстративного наказания. По приезду он сразу же перешел от слов к делу.[38] «Духовное христианское лицо, - говорил Муравьев, - должно быть проповедником мира и любви, а коли он враг, то мне щадить его не приходится.»[39] Утром 22 мая(3 июня) в предместье Вильно был расстрелян викарный ксендз Лидского уезда.[40]

Казнь была публичной, о которой по всему городу возвестили барабанным боем и трубой, собравшими массу народа.[41] Ксендза и дворянина, уличенных в чтении манифеста мятежного правительства в костеле с целью возмущения крестьян казнили в полдень 24 мая(5 июня) на торговой площади.[42] Епископ протестовал и выпустил воззвание к пастве, заявив о том, что произошло надругательство над верой(повешения православных священников мятежниками не вызывали у него такой реакции), проклял всех, кто имел отношение к этому делу и потребовал выдать тело «покойного отца Агриппина» для предания земле «по закону христианскому». Понимая, что похоронам готовились придать характер политической демонстрации, Муравьев не пошел навстречу требованиям костела, а епископ был выслан из края. Католическое духовенство в ответ объявило церковный траур – богослужение было прекращено. Ксендзы ограничились только крещением и предсмертной исповедью, запретив даже похороны с церковным обрядом. Это вызвало известное смущение в народе, но светские власти не поддались на шантаж.[43] Запрет не привел к массовым протестам и поддержке восстания, на что был сделан явный расчет. Постепенно епископы начали снимать траур, последним был епископ Варшавский.[44]

В день казни была издана новая инструкция по введению военно-гражданского управления на территориях Литвы и Белоруссии – в уездах вводилось военно-полицейское управление, караулы и пропускной режим, проводилось разоружение населения, очищение края от нежелательных элементов, местные помещики должны были нести ответственность за появление мятежников в их владениях, ксендзы несли ответственность за чтение революционных прокламаций в храмах. Ссылки на принуждение со стороны революционеров не принимались, «…ибо служители алтаря еще менее других должны подчиняться сим угрозам.» Нарушителей ожидал арест,

[31] Секретно. Отчет графа М.Н. Муравьева… С.2.
[32] Войт В.К. Ук.соч. С.9.
[33] Имеретинский А.К. Ук.соч.// ИВ. 1892. №12. С.620.
[34] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. СС.402-403.
[35] Восстание 1863 года. Материалы и документы. Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861-1862 гг. С.219.
[36] Виленские очерки...// РС. 1883. Том 40. Вып.10. С.293.
[37] Имеретинский А.К. Ук.соч.// ИВ. 1892. №12. С.618.
[38] Ф. Михаил Николаевич Муравьев. 1 мая 1864 г.// РС. 1883. Том 39. Вып.9. С.653.
[39] Бутковский Я.Н. Ук.соч.// ИВ.1883. №10. С.104.
[40] Кулин В.П. Из записок Виленского старожила. Два эпизода из жизни Виленской гимназии в 1861 году.// РС. 1893. Том 79. Вып.7. С.79.
[41] Виленские очерки...// РС. 1883. Том 40. Вып.10. СС.195-196.; Воспоминания Константина Карловича Жерве.// ИВ.1898. №10. СС.50-51.; Заметки и поправки.// ИВ.1898. №12. С.1246.
[42] Московские ведомости. 31 мая 1863. №117. С.2.
[43] Потто [В.А.] Походные записки 1863 года против польских мятежников.// ВС. 1869. №6. СС.183-184.
[44] Потто [В.А.] Походные записки...// ВС. 1870. №3. СС.187-188.

военный суд, и секвестр имущества. Все они должны были понести наказание: «Клятвопреступниками и сугубо виновными считать всех принимавших участие в мятеже лиц без различия национальностей, ибо различие это не может и не будет допущено: все обитатели России, какого бы исповедания не были – подданные одного Государя и России и одинаково ответственны за нарушение верноподданнической присяги.»[45]

Генерал обратился к Красинскому с письмом, которое было придано гласности. Он обращал внимание на то, что часть ксендзов активно возбуждает народ, участвует в стычках с войсками, предводительствует шайками. «Все эти обстоятельства поставили меня в прискорбную необходимость, как уже известно Вашему Преосвященству, подвергнуть, по приговору военного суда, смертной казни двух ксендзов, обвиненных в нарушении долга верноподданнической присяги и содействии к мятежу; многие другие преданы также военному суду, - и с ними поступлено будет со всею строгостью законов.» Не желая и впредь прибегать к подобного рода мерам, Муравьев просил Красинского довести это до лиц духовного звания и добавлял: «почитаю долгом присовокупить, что закон, карая измену и нарушение верноподданнической присяги, не менее строг и к тем, которые, будучи поставлены в возможность предупредить преступление, делаются, по причине своего бездействия, соучастниками оного.»[46]

27 апреля(10 мая) рота 4-го Копорского полка захватила в плен С.Сераковского и Б.Колышко. Это были командир разбитого накануне отряда и его адъютант. Они были взяты вместе с остатками банды на отдаленной мызе в лесу, где и разместились, даже не выставив сторожевых постов.[47] Сераковский, действовавший под именем генерала Доленго, был символом особых надежд мятежников. О его планах ходили легенды, от него ожидали крупных успехов.[48] Пленный «генерал», как его называли подчиненные, был ранен. На вопрос, почему он не стал вести партизанскую войну, он не смог дать убедительного ответа. Командир л.-гв. Финляндского полка, к которому доставили пленных, назвал их гороховыми шутами и направил в Вильно.[49] 28 мая(9 июня) Колышко был повешен. Он был уличен в руководстве шайкой, участии в действиях против русских войск, разграблении сельских правлений, повешении лиц земской полиции.[50] Такая же судьба постигла и Сераковского, который до последнего демонстративно говорил о «сильной руке» в столице, которая его выручит. Все телеграммы заступников из Петербурга были проигнорированы.[51] Муравьев считал, что раз Сераковский вешал других – то и сам он должен быть повешен.[52] Генерал понимал – если за нарушение Присяги и дезертирство не будет наказан офицер Генерального штаба, моральное право наказания рядовых мятежников будет поставлено под вопрос.[53] До последнего момента Сераковский не верил в то, что будет казнен, пытался спорить с читавшим приговор, отбиваться от палачей и потерял сознание перед казнью.[54]

В Вильно никто не верил, что генерал-губернатор пойдет на такие невиданные до этого здесь меры. После решительных действий слова Муравьева стали воспринимать по-другому.[55] Красинский после этого предпочел сказаться больным и отправиться на воды в Друскеники.[56] Вскоре он был сослан с жандармом в Вятку.[57] «Высылка из края главного духовного деятеля мятежа, епископа Красинского и несколько примеров строгого взыскания с римско-католического духовенства, - писал

[45] Инструкция для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний.// Московские ведомости. 8 июня 1863 г. №124. С.2.
[46] Письмо Виленского военного губернатора, гродненского и минского генерал-губернатора, командующего войсками Виленского Военнооого округа и главнокомандующего в Витебской и Могилевской губерниях, генерала от инфантерии Муравьева 2-го к виленскому римско-католическому епископу Красинскому от 26 мая сего года за №333.// Русский инвалид. 4/16 июня 1863 г. №121. С.514.
[47] Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае. года в Северо-Западном крае(по воспоминаниям генерал-адъютанта Гонецкого).// РуА. 1899. №7. СС.395-396.
[48] Гулевич С. История лейб-гвардии Финляндского полка 1806-1906 гг. СПб. 1906. Ч.3. 1856-1881 гг. С.64.
[49] Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае…// РуА. 1899. №7. СС.396-399.
[50] Московские ведомости. 2 июня 1863. №119. С.2.
[51] Имеретинский А.К. Ук.соч.// ИВ. 1892. №12. СС.611-612.; Воспоминания Константина Карловича Жерве.// ИВ.1898. №10. СС.51-52.
[52] Шамшев И.И. Рассказы старого лейб-казака.// РС. 1878. Том 21. Вып.3. С.535.
[53] Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае…// РуА. 1899. №7. С.406.
[54] Шамшев И.И. Ук.соч.// РС. 1878. Том 21. Вып.3. С.537.; Виленские очерки...// РС. 1883. Том 40. Вып.10. С.197.; Воспоминания А.А. Ауэрбаха.// ИВ.1905. №9. СС.41-42.
[55] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. С.407.
[56] Имеретинский А.К. Ук.соч.// ИВ. 1892. №12. С.618.
[57] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. С.407.

Муравьев, - в скором времени ослабили его преступное влияние на местное население.»[58] Результат был очевиден: «Спевание в костелах прекратилось моментально, разные эмблемы польского угнетения в виде брошек и булавок(сломанный крест) и польских надежд в виде запонок в форме одноглавого орла и цветочных кокардок исчезли.»[59] Вместе с модой на эту бижутерию еще в 1862 г. пришла и другая – дамы начали носить траур по Польше. За ношение траура без справки о смерти в семье вводился штраф 25 руб., который при повторном нарушении удваивался.[60] Улицы городов расцвели дамскими нарядами, самые упрямые продолжали носить траур дома, что, естественно, не возбранялось.[61]

Генерал призывал действовать решительно и строго: «Сознавая, что скитающиеся теперь банды суть ни что иное, как шайки разбойников, не заслуживающих по их упорству и зверским поступкам, никакой пощады, я уже предписал тех, которые будут взяты в плен из этих бродячих разбойнических шаек, ежели сии последние учинили какое-либо неистовство или насилие над крестьянами или иным кем, судить полевым *уголовным судом в 24 часа*(разр. авт. – А.О.) и исполнять над ними смертные приговоры по конфирмациям военно-уездных начальников, донося об этом мне в тоже время.»[62] Воинские начальники получили приказы не ограничиваться перестрелкой с мятежниками, а энергично преследовать их вплоть до уничтожения банд. Те, кто не мог воевать подобным образом, подлежал замене.[63]

Летом 1863 г. было принято решение о направлении в генерал-губернаторство новых гвардейских частей. Гвардия стала основной опорой политики губернатора, его надежными, верными и инициативными помощниками.[64] Ссе изменилось. В июле в Вильно стали прибывать эшелоны 1-й гвардейской дивизии. Пехота усилила городские гарнизоны, охрану железных дорог, и вместе с казаками немедленно вступила в активные действия против повстанцев.[65] Выступая перед семеновцами, которых он направил в Гродно, Муравьев говорил: «Задача ваша – уничтожить престиж террора, произведенного агитаторами народного жонда. Вооруженное повстание сломлено, но его надо искоренить до тла. Виноваты не крестьяне, а помещики; из последних невиновных нет, - все мятежники или помогали мятежу.»[66]

Муравьев решительно и бескомпромиссно ответил на революционный террор репрессиями.[67] К июлю 1864 г. из края было выслано 177 католических священников, все расходы на содержание арестованных и сосланных ксендзов возлагались на католическую церковь. 7 ксендзов были расстреляны.[68] В наиболее напряженный период борьбы, с приезда Муравьева в Вильно в мае по сентябрь 1863 г. был казнен 31 чел., примерно столько же, сколько мятежники убили за один день в деревне Ремигола Поневежеского уезда.[69] Вообще же, с начала мятежа по декабрь 1864 гг. в генерал-губернаторстве было казнено 128 человек: «за измену долгу и присяге побегом из войск и вступлением в мятежнические шайки» - 24; «за участие в мятеже и совершение в оном: грабежей – 3; смертоубийств – 47; особенно деятельное участие в мятеже и долговременную бытность в шайках мятежников – 6; за предводительствование мятежнически шайками – 24; публичное чтение и распространение возмутительных манифестов и подговор жителей к восстанию – 7; бытность во главе распорядителей революционной организации и высшие распоряжение мятежным движением – 6; служение революционному комитету в звании жандармов-вешателей и полициантов для совершения убийств – 11.»[70]

Таким образом, большинство казненных понесли наказание за убийства(47) и деятельность в качестве палачей(11), что вместе с грабежами(3) и изменой присяге (24) представляет значительно более половины казненных(75 из 128). Лично Мура-

[59] Митропольский И.А. Повстанье в Гродне в 1863-1864 году. Из воспоминаний врача.// РуА. 1895. №1. С.138.
[60] «Готов собою жертвовать…»… С.95.
[61] Митропольский И.А. Ук.соч.// РуА. 1895. №1. СС.138-139.
[62] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С.69.
[63] Там же. С.45.
[64] «Готов собою жертвовать…»… С.92.
[65] Зноско-Боровский Н. История лейб-гвардии Измаловского полка. СПб.1882. СС.144-145.; Дирин П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб.1883. Т.2. С.195.
[66] Дирин П. Ук.соч. СПб.1883. Т.2. С.196.
[67] «Готов собою жертвовать…»… СС.111-112.
[68] Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.2005. СС.70-71.
[69] Сивинис А. Двадцать дней в Вильне.// Русский инвалид. 9/21 октября 1863 г. №215. С.940.
[70] Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. М. 1965. С.100.

вьев утвердил 68 смертных приговоров.[71] Из общего числа казненных служащими было 14 офицеров и 10 нижних чинов, 1 гражданский чиновник, 7 отставных офицеров и 7 нижних чинов, 7 ксендзов, 40 дворян, 10 шляхтичей, 4 однодворца, 8 мещан, 18 крестьян и 2 иностранца прусского подданства.[72] Очевидно, что наиболее активным элементом восстания были явно не крестьяне, что позволяет сделать достаточно очевидный вывод и о национальном составе движения, которое и сами его участники, и их противники со всем основанием называли польским. Разумеется, лидирующую роль в нем традиционно играло избалованное правительством дворянство. На этот раз снисхождения к нему не было. Ни принадлежность к аристократическим родам, ни связи в Петербурге, ни сан католического священника не помогали при смягчении приговора, если речь шла о грабеже или об убийстве офицера, солдата или чиновника, крестьянина или православного священника. Перспектива быть направленным в Вильно на суд Муравьева вызывала у повстанцев ужас.[73]

В июле 1863 г. местное дворянство направило к генералу делегацию с просьбой передать на имя императора адрес с выражением раскаяния и верноподданнических чувств. Наместник принял представителей высшего сословия, напомнив им об ответственности и заявил, что им следует доказать свою лояльность и готовность восстановить спокойствие в крае.[74] Разгром мятежа шел уже быстро, как отмечал современник, «в плен стали попадать повстанцы целыми бандами».[75] Пленные и арестованные мятежники препровождалась в тюрьмы. Режим их содержания там никак нельзя было назвать жестким – арестанты получали приличную пищу, их выводили на ежедневные прогулки, были разрешены передачи – как продовольственные, так и вещевые, допускалась переписка и передача книг.[76]

Для того, чтобы прекратить сплетни и небылицы, распространяемые в европейской, и особенно британской и французской, прессе, Муравьев даже допустил двух корреспондентов «Morning Herald» посетить тюрьмы, в которых содержались политические преступники.[77] Их было много. По приговорам военных судов с лишением прав состояния было сослано на каторжные работы 972 чел., на поселение в отдаленные места Сибири - 573, на поселение в менее отдаленные места Сибири - 854, определено в военную службу рядовыми 345, сослано в арестантские роты 864, выслано на водворение на казенных землях внутри Империи 4096 чел. (или около 800 семей), сослано на жительство во внутренние губернии по решению суда 1254 чел., из края было выселено 629 семей так называемой околичной шляхты. В административном порядке, по приказанию Муравьева, за пределы генерал-губернаторства было выслано 279 чел. В целом высланные из Северо-Западного края составили большинство(57%) всех репрессированных участников восстания 1863 г.(высланные из Царства Польского составили 38%, из Юго-Западного края - 5%).[78]

Разумеется, репрессиями защита крестьянского населения от мятежников не ограничивались. При полной поддержке Петербурга была проведена реформа, которая нанесла серьезный удар по основной социальной и экономической базе восстания - дворянству. В Царстве Польском к ее подготовке приступили осенью 1863 года, когда в Петербург из-за границы был вызван Н.А. Милютин. 31 августа(13 сентября) на аудиенции у императора он изложил Александру II свои взгляды на крестьянский вопрос в Польше, и 11(23) сентября был командирован в Варшаву для подготовки реформы. В октябре Н.А. Милютин вместе с ближайшими сотрудниками провел поездку по Царству, в ходе которой он встречался с крестьянами и уточнял на месте применимость своих первоначальных проектов на практике.[79] Очевидно, что к этому времени на положении в деревне сказалась политика, проводившаяся не только Бергом, но и Муравьевым. Как и Николай Милютин, они считали возможным полагаться только на крестьянство.[80]

Необходимо отметить, что это единство, как и поддержка Милютина императо-

[71] Комзолова А.А. Ук.соч. С.95.
[72] Восстание 1863 года. Материалы и документы. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг... С.99.
[73] Орлицкий С.С. Уголок восстания 1863 года(Из воспоминаний участника).// ИВ.1902. №1. СС.451-452.
[74] Виленские очерки...// РС. 1883. Том 40. Вып.11. С.395.
[75] Митропольский И.А. Ук.соч.// РуА. 1895. №1. С.137.
[76] Буланцов. Записки лазутчика во время усмирения мятежа в Польше в 1863 году. СПб.1868. С.42.
[77] Сивинис А. Двадцать дней в Вильне.// Русский инвалид. 1/13 октября 1863 г. №215. С.916.; Виленские очерки...// РС. 1883. Том 40. Вып.12. СС.580-581.
[78] Комзолова А.А. Ук.соч. СС.73-74.
[79] Костюшко И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М.1962. СС.79; 81; 87-88.
[80] Толбухов Е.М. В борьбе за русское дело(Эпизод из государственной деятельности К.П. фон Кауфмана).// ИВ.1909. №4. С.95.

ром возникли не сразу. В период подготовки и проведения реформы 1861 г. он находился далеко не на лучшем счету у Александра II.[81] Муравьев в это время выступал в поддержку интересов помещичьего землевладения и был противником группы «либеральной бюрократии». Это не помешало ему преодолеть разногласия и найти общий язык с братьями Милютиными в 1863-1864 гг. В белорусских губерниях Виленского генерал-губернаторства действительно возникла опасность повторения событий в австрийской Галиции в 1846 г., когда выступление польского дворянства вызвало эффект резонанса классовых, религиозных, экономических и культурных противоречий. Резня в России была недопустима, как невозможно было и сохранение прежних льготных условий привилегированного сословия.

Распоряжениями Муравьева польские помещики края были обложены временным 10% денежным сбором, поместья участников восстания обложили «усиленным» - 20-30% сбором, помещики русского и остзейского происхождения платили 5% сбор, позже сокращенный до 2,5-1,5%. Поземельный сбор с доходов всех помещиков Северо-Западного края составил 2,6 млн. рублей. За убытки, нанесенные революционерами крестьянам и другим сословиям, за материальный ущерб казне особыми сборами были обложены имения, на территории которых происходили нападения на русские власти и верных императорской короне людей. Таким образом, польское дворянство заплатило еще 800 тыс. рублей. Имущество активных участников движения секвестрировалось, к концу июня 1863 г. было секвестровано 369 имений, по материальной базе мятежа был нанесен мощный удар.[82] Сборы с дворянства, пусть и мятежного, встретили нарекания в столице, но все же неуклонно проводились.[83]

Из числа местных крестьян формировались «сельские вооруженные караулы», в них активно участвовали крестьяне белорусских и пассивно - литовских губерний. В них должны были участвовать 1/3 всех способных к службе в каждом селении. Огнестрельное оружие получали только десятники и сотники, остальные вооружались пиками, косами и топорами, а вне зоны активных действий - только палками и дубинами. Караулы должны были обеспечивать заставы на дорогах, прочёсывание лесов, поимку одиночных мятежников, извещение войск о скопищах и т.п. Они подчинялись полиции, в случае смерти или ранения на службе семья получала компенсацию в виде зачетной рекрутской квитанции. Караулы получали часть добычи из трофеев.[84] Стражник получал жалованье 10 коп. в день, не считая хлебного довольствия.[85] Хлебное довольствие доходило до 3 фунтов в день.[86] Финансирование сельских караулов осуществлялось за счет контрибуций с дворянства. Численность в среднем по уездам колебалась от 1 до 2 тыс. человек.[87]

Они получали право задерживать подозрительную шляхту, управляющих, арендаторов и т.п., и передавать их властям для дальнейшей проверки.[88] Участники караулов получали по 3 рубля за каждого безоружного мятежника, по 5 рублей – за каждого вооруженного и за захваченное оружие – от 50 коп. до 3 руб. в зависимости от вида трофея.[89] Реакция крестьян на введение сельских караулов была весьма позитивной. Старообрядцы Динабургского и Режицкого уезда вызвались в 2 недели сформировать конную сотню ополчения. Генерал-губернатор одобрил их намерение.[90] «Смело и без боязни, - обращался он к сельским стражникам, - станьте лицом к лицу против бунтовщиков, которых страх наказания гонит в леса, а грабеж и разбой вызывают оттуда на ваши селения.»[91] Формирование стражи, докладывал Муравьев, «исполнено с усердием и неподдельною преданностью Вашему Императорскому Величеству.»[92] Сельские караулы организовывались не только в Виленском генерал-губернаторстве, но и в Царстве Польском.[93] После того, как крестьян наделили

[81] Из записок Марии Агеевны Милютиной.// РС.1899. Том 99. Вып.1. СС.49-50; 65.
[82] Комзолова А.А. Ук.соч. СС.74; 76-77.
[83] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. С.429.
[84] Временные правила для образования в западных губерниях сельских вооруженных караулов.// Русский инвалид. 7/19 июня 1863 г. №124. СС.526-527.
[85] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863-1864. Сост. Н. Цылов. Вильна. 1866. С.184.
[86] Русский инвалид. 29 ноября/11 декабря 1863 г. №264. С.1112.
[87] Граф Михаил Николаевич Муравьев...// РС. 1882. Том 36. Вып.11. С.431.
[88] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С.20.
[89] Русский инвалид. 29 ноября/11 декабря 1863 г. №264. С.1112.
[90] Московские ведомости. 1 июня 1863. №118. С.3.
[91] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С.231.
[92] Секретно. Отчет графа М.Н. Муравьева… С.4.[
93] Восстание 1863 года. Материалы и документы. Переписка наместников королевства Польского январь-август 1863 г. С.248.

землей, их забитость и зависимость от помещиков исчезла.[94]

Появление эффективно действующей сельской стражи способствовало решению еще одной проблемы – увеличению безопасности коммуникаций. Стража активно помогала армии и полиции. 3(15) июня 1863 г. в ответ на заявление Польского революционного комитета о прекращении движения по Петербургско-Варшавской железной дороге генерал-губернатор издал циркуляр о рубке леса вдоль дорог и усилении караулов.[95] Каждая железнодорожная станция получила свой маленький гарнизон и была обнесена деревянным тыном.[96] От Динабурга поезда, следовавшие до Варшавы, сопровождала команда из 50 солдат при унтер-офицере. Обычно они ехали в специально отведенном последнем вагоне, а на остановках выставляли цепь. Одновременно под охраной сельской стражи рабочие команды начали высекать лес вдоль железнодорожного полотна – на 150, и у станций – на 300 саженей. К середине июля работы были завершены уже на 167 верстах вдоль линии Динабург – станция Подброзье, и активно велись на 111 верстах до Вильно.[97] Все эти меры способствовали значительному укреплению безопасности как железных дорог, так и телеграфных линий.[98]

Муравьев придавал огромное значение православию и русскому крестьянству. «Я говорю – русской народности и Православия, - отмечал он, - потому, что все дело наиболее заключается в сельском населении, которое в душе русское, но было загнано и забито. Паны называли его быдлом.»[99] При новом генерал-губернаторе положение стало меняться. 8 костелов и 2 монастыря, бывших ранее православными, были возвращены церкви.[100] В 1864 г. было закрыто еще 30 католических монастырей и большое число самовольно открытых среди православного большинства филиальных костелов и приходов.[101] Параллельно началось строительство и восстановление православных храмов. Только в Витебской и Могилевской губерниях было открыто 560 народных школ.[102] Для строительства этих школ Муравьев испросил у Зеленого согласие на безденежный забор дерева из казенных лесов и запасов. Министр государственных имуществ, естественно, согласился.[103]

Преподавание в народных школах Виленской, Гродненской, Минской, Могилёвской и Витебской губерний велось только на русском, Закон Божий преподавали только православные священники. В том случае, если помещик пытался помешать этому – он облагался штрафом от 200 до 600 рублей, а поддавшийся давлению учитель – до 100 рублей. Польские библиотеки закрывались, учебники по истории Польши и костела запрещены к ввозу в генерал-губернаторство.[104] Ранее обучение велось только на польском. «Главною ополячивающею силою было здесь, как и всюду в Белоруссии, – писал корреспондент «Русского инвалида», - *польское воспитание* (курсив автора – А.О.). Для того, чтобы уничтожить горькие плоды такого неестественного порядка вещей, надо, чтобы воспитание было народное, русское; чтобы ни слова польского не было допущено в наши училища. Чтобы не принуждали русских, на нашей земле, изменники чиновные говорить и *знать* (курсив авт. – А.О.) по польски…»[105] Началась активная деполонизация всей общественной жизни края. Даже за разговор на польском в присутственном месте вводились высокие штрафы.[106] К началу 1865 г. все учителя школ были русскими.[107]

Реформа 1861 г. была скорректирована с бо́льшим учетом интересов крестьян. Завершение выкупной операции проводилось с учетом переплат, сделанных ранее крестьянами.[108] Крестьянское землевладение было увеличено за счет возвращения земель, отнятых помещиками в 1846-1861 гг., и за счет наделения землей обез-

[94] Пономарев И.Н. Воспоминания о польском мятеже 1863 года.// ИВ.1897. №10. С.150.
[95] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С.87.
[96] Записки Ильи Васильевича Селиванова.// РС. 1880. Том 29. Вып.12. С.851.
[97] Лебедев П. Два дня в Вильно.// Русский инвалид. 2/14 июля 1863 г. №144. С.612.
[98] Воспоминания А.А. Ауэрбаха.// ИВ.1905. №8. С.691.
[99] Секретно. Отчет графа М.Н. Муравьева… С.10.
[100] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С.196.
[101] «Готов собою жертвовать…»… С.174.
[102] Войт В.К. Ук.соч. С.10.
[103] Русский инвалид. 17/29 ноября 1863 г. №255. С.1074.
[104] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... СС.25; 190-191; 227-228.
[105] Борис О-ш Частная корреспонденция «Русского инвалида». Августов, 3 ноября.// Русский инвалид. 10/22 ноября 1863 г. №249. С.1050.
[106] Войт В.К. Ук.соч. С.10.
[107] Граф Михаил Николаевич Муравьев....// РС. 1883. Том 37. Вып.2. С.303.[
108] Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева... С.11.

земеленных крестьян. Прежде всего, все безземельные крестьяне получили по 3 десятины, затем началось возвращение крестьянам земель по состоянию на 1846 год(в 1845-1847 гг. в Северо-Западном крае была проведена реформа инвентарей – описаны повинности и владения крестьян и помещиков).[109] В Виленской губернии «новые прирезки» составили около 2,5% размера крестьянского надела, в Ковенской - не более 3,5%, в Гродненской - 5,4%, в Могилевской - примерно 7,8%.[110]

В результате энергичных действий М.Н. Муравьеву и Ф.Ф. Бергу удалось достаточно быстро добиться перелома в настроениях колеблющегося польского крестьянства, и наградить литовских и белорусских крестьян за их лояльность. После этого восстание было обречено и быстро пошло на убыль.[111]

[109] Улащик Н.Н. О количестве земли, полученной крестьянами Белоруссии и Литвы при отмене крепостного права.// История СССР. 1961. №6. СС.118-121.
[110] Комзолова А.А. Ук.соч. С.91.
[111] Краткие известия о военных действиях в Царстве Польском и Виленском Военном округе.// ВС. 1863. №7. СС.313; 318-320.

МУЗЕЙ ПАМЯТИ ГРАФА М.Н. МУРАВЬЕВА В ВИЛЬНО (1901—1915 ГГ.)(*).

MUSEUM OF THE GRAPH M.N. MURAVYEV IN VILNO (1901-1915)

УДК – 93/94

Священник Алексей Хотеев,
преподаватель кафедры церковной истории Минской духовной семинарии , магистр исторических наук.

pr. Aliaksei Khatseyev,
lecturer of Church history department at the Minsk Theological seminary, Master of Historical Sciences.

РЕЗЮМЕ. В 1901 -- 1915 гг. в Вильно действовал музей М.Н. Муравьева, в котором хранились его бумаги и личные вещи, периодические издания и книги, относящиеся ко времени его правления в Вильно. Накануне немецкой оккупации в 1915 г. часть архивных материалов музея была вывезена в Москву. Значительная же часть еще оставалась в Вильно до 1950 -х гг., когда фонды бывшего Муравьевского музея были окончательно расформированы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Вильно, музей Муравьева.

ABSTRACT. In 1901 - 1915 years. In the Wilno Museum operated MN. Muravyov, in which he kept his papers and personal belongings, periodicals and books dati g back to his reign in Vilna. On the eve of the German occupation in 1915, part of the archives of the museum was taken to Moscow. A signi cant part remained in Vilna unti the 1950s, when the funds of the former Muravyov Museum were final y disbanded.

KEY WORDS. Vilna, the Muravyov Museum.

В марте 1898 г. помощник попечителя Виленского учебного округа А.В. Белецкий подал виленскому ген.-губернатору В.Н. Троцкому записку с предложением создать в городе музей гр. М.Н. Муравьева для изучения деятельности усмирителя польского мятежа 1863 г. В этой записке, между прочим, говорилось, что в тогдашнем русском обществе уже основательно подзабыли заслуги гр. М.Н. Муравьева, одновременно осуждающие голоса всемерно старались представить его деятельность в превратном виде. Чтобы уяснить себе настоящее значение деятельности виленского генерал-губернатора и сложность того времени, нужно работать с документами, хранящимися в разных архивах. Поэтому учреждение музея, где были бы максимально собраны памятники эпохи, должно было бы содействовать восстановлению его доброй памяти [8, с. 133—135]. Суждения А.В. Белецкого остаются актуальными и для нашего времени. Отмеченные помощником попечителя тенденции забывать или поносить имя гр. М.Н. Муравьева, существуют и сейчас. Поэтому в рамках нынешних чтений хотелось бы обратиться к опыту прошлого, чтобы извлечь для себя урок, как нужно заботиться о сохранении исторической памяти.

В самом деле, статуя того или иного исторического деятеля есть вещественный памятник, подверженный стихиям времени: природным катаклизмам, социальным и политическим потрясениям, когда скульптуры сбрасываются со своих постаментов. Иное памятник духовный, т.е. мыслимый образ исторического деятеля. Он не так поддается превратностям времени, если основан на прочном фундаменте исторических документов. Такова была позиция создателей Муравьевского музея в Вильно.

Виленский ген.-губернатор В.Н. Троцкий был почитателем М.Н. Муравьева и его политики. В 1897 г. его стараниями был открыт памятник Муравьеву напротив губернаторского дома (в настоящее время Дворец президента Литовской Республики). Поэтому поданная в марте 1898 г. записка А.В. Белецкого произвела желаемое действие: проект создания музея был одобрен губернатором и министром внутренних дел, после чего 9 июля 1898 г. последовало разрешение императора. Первоначально музей был создан при Виленской публичной библиотеке как особая экспозиция документов и предметов в читальном зале «А» [11, с. 11]. Для ее подготовки была

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html ,

образована комиссия под председательством А.В. Белецкого. В состав комиссии вошли: управляющий канцелярией виленского генерал-губернатора В.Т. Судейкин, прот. И.А. Котович, председатель виленской археографической комиссии Ю.Ф. Крачковский, военный следователь полковник А.В. Жиркевич, сотрудники губернаторской канцелярии А.А. Виноградов и В.С. Бартошевич, делопроизводителем стал преподаватель виленского реального училища И.Р. Поликарпович [8, с. 136]. В формировании музейной экспозиции уже на начальном этапе принял участие также член комиссии по устройству Виленской публичной библиотеки, преподаватель Литовской духовной семинарии А.И. Миловидов [3, с. 13].

Открытие музея для осмотра состоялось 17.04.1901., и в том же году вышла статья А.И. Миловидова о его истории с описанием его собрания [8]. Музей включал восемь отделов, из которых первый содержал архивные документы волостных и губернских учреждений, относящихся ко времени гр. М.Н. Муравьева и польского восстания 1863 г., второй отдел — книги, брошюры и периодические издания за этот же период, а остальные шесть отделов — различные рисунки, чертежи, виды храмов и административных зданий времени гр. М.Н. Муравьева, а также его личные вещи. Комиссия по устройству музея заботилась не только о помещении и экспозиции, но более всего о пополнении его коллекции. Особенно активно потрудился в этом отношении полковник А.В. Жиркевич (1857—1927), военный юрист и общественный деятель. Он объехал целый ряд городов и местечек для приобретения документов, «не считаясь ни с какими препятствиями и трудностями, не щадя денег, времени и сил» [13, s. 27]. Много материалов, касающихся польского восстания 1863 г., были переданы в музей именно благодаря ему. Немало было также получено документов и от частных лиц. Если в 1901 г., по описанию А.И. Миловидова, архивных документов насчитывалось 191 дело, а книг, брошюр и периодических изданий 170 наименований в 607 томах [8, с. 140—141], то в 1904 г. в Каталоге В.Г. Никольского их насчитывалось соответственно 220 дел и 220 наименований книг в 873 томах [9, с. 7]. В 1904 г. музей был переведен из библиотеки в соседнее здание. Правда, новое помещение было опять-таки небольшим, и в 1912 г. уже было переполнено [13, s. 53—54]. По подсчетам Р. Миницкого, ко времени эвакуации Муравьевского музея в 1915 г. общее число архивных дел доходило до 32 тыс. [13, s. 51]. Такое резкое увеличение числа архивных документов объясняется передачей в музей фондов политического отделения Архива виленского генерал-губернатора. Муравьевский музей превратился в крупнейшее собрание архивных документов по истории восстания 1863 г. во всем Северо-Западном крае.

Обработка разросшегося фонда требовала системной работы специалиста. В 1912 г. на должность заведующего музеем была назначен А.И. Миловидов, хорошо зарекомендовавший себя как библиограф, знакомый с архивной работой. Его обязанностью стало продолжение сбора документов о деятельности гр. М.Н. Муравьева в Вильно и организация археографической и публицистической деятельности. Он обращался к читателям «Литовских епархиальных ведомостей» с просьбой присылать в редакцию документы, письма, открытки, имеющие отношение к деятельности Муравьева [6, с. 6]. Из переписки историка становится известно, что он в разные годы обращался с соответствующими запросами к родственникам Муравьева и его ближайших сотрудников. Его корреспондентами были, в частности, гр. С.Д. Шереметев (родственник по линии супруги Муравьева) и А.И. Корнилова (дочь известного попечителя Виленского учебного округа) [10, д. 73, л. 1; д. 78, л. 1—6; д. 99, л. 1—3]. Что же касается каталогизации, то разросшийся архив музея так и не был до конца упорядочен из-за начала Первой мировой войны и последующей эвакуации. Решение о вывозе музея и план эвакуации был утвержден губернатором П.В. Веревкиным. Музейное имущество было упаковано в 86 мешков общим весом до 500 пудов. По свидетельству Миловидова, вывезена была наиболее важная часть документов музейного архива – политическое отделение фондов Виленского генерал-губернатора и рукописный отдел музея [12, с. 463, 465]. Экспонаты и архивные дела передавались на имя гр. Уваровой в Румянцевский музей в Москве. А.И. Миловидов должен был сопровождать груз [10, д. 98, л. 1—4].

Более половины материалов Муравьевского музея остались в Вильно и пережили военное лихолетье 1915—1920 гг. Затем архивная часть была описана польскими специалистами [13, s. 55—83]. Часть фондов в количестве 142 томов (акты уездных начальников Плоцкой губернии) была вывезена в Варшаву [13, s. 56]. После Второй мировой войны архив Муравьевского музея был расформирован, вопреки протестам литовской стороны [5, с. 333—337].

Нужно сказать также несколько слов об издательской деятельности заведующего музеем А.И. Миловидова. Им был подготовлен сборник документов под названием «Архивные материалы, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 годов в пределах Северо-Западного края» (Ч.1-2. Вильна: Губернская типография, 1913-1915), который был приурочен к пятидесятилетию восстания [1, 2]. По виду документов это тематическая археографическая публикация. Издание сопровождается предисловием, в котором автор-составитель рассказывает об обстоятельствах, вызвавших публикацию, дает характеристику самого восстания, отмечает опыты предшественников и обозначает принципы печатания документов. Кроме того, имеются указатели личных имен и географических названий. Издание задумывалась как продолжение опубликованного в 1906 г. А. Белецким «Сборника документов музея гр. М.Н. Муравьева» (Т. 1.) [4]. Сборник А. Белецкого также снабжен обширным предисловием, в котором характеризуется политика правительства со времени назначения виленским ген.-губерн. В.И. Назимова в 1855 г. до его отозвания с должности в 1862 г. Документы, изданные А. Белецким, охватывают период с февраля 1859 по февраль 1862 гг. Данная публикация имеет несколько недостатков в археографическом отношении: тексты приведены только на русском языке (иноязычные даны сразу в русском переводе без указания, что это перевод — № 26, 173, 235), не указывается место хранения печатаемых документов. Подавляющее большинство материалов «Сборника» А. Белецкого — официального характера (донесения, рапорты, отношения и под.), всего 235 номеров. Сборник материалов, подготовленный Миловидовым, избежал этих недостатков. В двух частях опубликованы 668 документов. Извлечения из архива политического отдела Виленского генерал-губернатора, рассекреченного и переданного полностью в Муравьевский музей, были напечатаны составителем впервые (это почти 2/3 всех изданных материалов). Хронологически документы охватывают период с января 1862 по декабрь 1864 г. Часть текстов повстанцев, сохранившаяся в оригинале на польском, французском и других языках, снабжена русским переводом, другая часть печатается только по русским копиям. Изданные материалы — официального происхождения. Это рапорты гражданских и военных начальников, циркуляры, ведомственная переписка, секретные донесения, инструкции и под. Наряду с этим А.И. Миловидов опубликовал также документы со стороны повстанцев, всего 41 номер (Ч.1 — № 30, 34, 42, 43, 48, 81, 82, 91, 115, 130, 197, 198, 244, 318, 320, 336-338, 346, 347; Ч. 2 — № 1, 17, 21—23, 54, 73, 144, 146-148, 179, 183, 197, 211, 239, 240, 242—244, 267, 281). В частности, целый ряд повстанческих листовок-прокламаций (Ч. 1. — 30, 34, 48, 51, 82, 91, 115)[1]. Это расширило круг источников по истории восстания.

Чтобы оценить объем выборки архивных документов Муравьевского музея в издании «Архивных материалов» Миловидова, можно обратиться к каталогу первого заведующего музеем В.Г. Никольского, изданному в 1904 г. Согласно его описанию, два отдела архивного собрания включали 220 дел (от одного до нескольких десятков документов в каждом), имеющих отношение к гр. М.Н. Муравьеву и его времени [9, с. 11—32]. Из них в первую книгу Миловидова вошли 16 документов, большая часть которых из дела № 21 (Россиенское полицейское управление). Остальные документы были извлечены для публикации из архива Виленского генерал-губернатора, особенно много из политического отдела этого архива, переданного в Муравьевский музей. Во второй части опубликованы 220 документов из ранних поступлений архива музея. Значительные извлечения сделаны из комплекса дел Штаба Виленского военного округа № 87 (военные действия в Гродненской губернии), № 89 (военные действия в Ковенской губернии), № 94 (военные действия в Виленской губернии), № 95 (военно-административные меры для усмирения мятежа в январе—марте 1864 г.). 61 документ напечатан из политического отдела архива Виленского генерал-губернатора и архива Виленского временного аудиториата[2]. Таким образом, за короткий срок после своего назначения заведующим Муравьевским музеем (в 1912 г.) А.И. Миловидов сумел уже в 1913 г. подготовить издание 387 документов для первой части, а в 1915 г. 281 документа для второй части «Архивных материалов». Подготовка текстов к печати шла параллельно с разбором поступившего в музей архива Виленского генерал-губернатора [1, с. LXIV, примеч.]. Для публикации историку необходимо было просмотреть 220 дел уже упорядоченной части архивного собрания музея и ок. 8000

[1] В Представлении Гродненского губернатора («Архивные материалы» Ч. 1, № 116) шла речь о распространении «Мужыцкай праўды». Однако историк не опубликовал листовку, хотя ее экземпляры в Муравьевском музее имелись [9, с. 21].

[2] Судебное учреждение военного ведомства.

дел недавно переданного в музей архива политического отделения. Спешкой в подготовке юбилейного издания объясняются отдельные недочеты публикации, в частности, печатание материалов «в дополнение» к каждой части, пропуски в указаниях на местонахождение документов, излишняя официальность их заголовков[3].

Цель издания Миловидова достаточно определенно обозначена в Предисловии к первой части сборника: поскольку в России и за границей появились многие книги на польском языке, тенденциозно освещающие события, своевременным стало «противопоставить произвольным самоизмышлениям авторов таких сочинений объективный документ, как основу исторической правды» [1, с. XXX]. С другой стороны, автор старался развеять распространенное у русской читающей публики мнение, что восстание «и без принятых впоследствии гр. М.Н. Муравьевым чрезвычайных мер, само собою должно было погаснуть, как лампада, в которой догорит все масло» [7, с. 341—342]. Таким образом, издание имело полемические задачи.

Чтобы объективно оценить археографическую значимость «Архивных материалов», подготовленных А.И. Миловидовым, нужно учесть, что через пятьдесят лет после восстания 1863 г. усилиями правительства и Комиссии по устройству Муравьевского музея в Вильно был собран огромный комплекс источников об этом событии. Восстание было подавлено не столько оружием, сколько решительными административными действиями гр. М.Н. Муравьева. После борьба за обладание краем была перенесена в сферу культуры, образования и науки. Западнорусская историческая школа отдавала предпочтение документальным источникам для решения спорных вопросов, поэтому внимание Миловидова как археографа ориентировано, в первую очередь, именно на них. Донесение, рапорт, инструкция не подвержены лирическим рассуждениям, их информация лаконична и точна. С этой точки зрения, приверженность автора-составителя официальным документам понятна. Однако, выясняя общее направление польского восстания, историк не раскрывает противоречия внутри самого повстанческого лагеря, например, самостоятельность действий его революционного крыла. Участие крестьян в подавлении восстания он также мог документально показать более основательно. Нужно учесть, конечно, что это был первый опыт археографического издания материалов по такой острой теме. Возможно, запланированные Миловидовым издания документов наряду с историей самого восстания восполнили бы отдельные пробелы его архивных публикаций. Остается только сожалеть, что работа, для которой автор пересмотрел практически все виленские архивы, так и не была доведена до конца.

В историографическом отношении представляют интерес следующие публикации в «Архивных материалах»: Коллективное заявление мировых посредников Гродненской губернии об отказе от занимаемой должности в 1863 г. (в копии) [1, с. 328—330], Правила для образования в Западном крае сельских караулов [1, с. 405—408], повстанческие Инструкции для воинских начальников и партизанских отрядов [2, с. 33—39], Положение о штабе народных войск [2, с. 39—41], текст повстанческой Присяги «польскому Отечеству против грабительского московского правительства» [1, с. 348—349]. В этих документах хорошо отражаются цели восстания и тактика обоих сторон. Нужно также отметить сделанные историком на основании данных о числе повстанческих отрядов и сведений об их составе расчеты количества участников восстания 1863-1864 гг. Имелась информация о деятельности 220 отрядов, общая численность которых была установлена (67957 чел.), и 62 отрядов с неустановленной численностью. Миловидов предположил, что состав каждого из последних составлял ок. 150 человек, следовательно, максимальное общее количество повстанцев было ок. 77 тыс. [2, с. LIII—LIV].

Таким образом, в Вильно в начале XX в. было основано крупнейшее собрание документов о деятельности гр. М.Н. Муравьева. Эта акция имела как политическое, так и культурное значение. Собранные материалы должны были объяснять поворот русской политики в Северо-западном крае при Муравьеве. При музее велась планомерная издательская археографическая деятельность. Опубликованные тогда материалы не теряют своей актуальности до сих пор. События Первой мировой войны и последующие политические перемены привели к переоценке роли гр. М.Н. Муравьева в истории края. Его имя стало одиозным как для поляков, восстанавливавших свою государственность, так и для революционеров-большевиков. Такие оценки до-

[3] Например, «Высочайше утвержденные, в 24 день апреля 1863 года, правила…» вместо «Правила…» [Архивные ч. 1, с. 405].

минируют и в современных политических реалиях, поэтому только остается сожалеть, что нет больше такого крупного собрания документов об эпохе Муравьева, которое наилучшим образом послужило бы изображению исторической правды о его деятельности.

Литература

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 годов в пределах Северо-Западного края. / Сост. А.И. Миловидов. // Виленский временник. Кн. VI. — Вильна: Губернская типография, 1913. — Ч.1. Переписка по политическим делам — 464 с.

2. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 годов в пределах Северо-Западного края. / Сост. А.И. Миловидов. // Виленский временник. Кн. VI.— Вильна: Губернская типография, 1915. — Ч.2. Переписка о военных действиях. — 466 с.

3. Белецкий, А.В. Открытие музея графа М.Н. Муравьева. / А.В. Белецкий. Вильна: Русский почин, 1901. — 31 с.

4. Белецкий, А.В. Сборник документов музея гр. М.Н. Муравьева. / А.В. Белецкий. Вильна: Русский почин, 1906. Т. 1. — 332 с.

5. Из истории архивов Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.): документы и материалы. / Сост. С.В. Жумарь, М.Ф. Шумейко. — Мн.: БелНИИДАД, 2015. — 438 с.

6. Миловидов, А.И. Знаменательный для Западно-русской Церкви юбилейный год. / А.И. Миловидов // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. Вильна, 1913. № 1. С. 4—6.

7. Миловидов, А.И. Из истории польского восстания. / А.И. Миловидов // Русская старина. СПб.: Общественная польза, 1903. Т. 115. № 8. С. 341—348.

8. Миловидов, А.И. Муравьевский музей в Вильно. / А.И. Миловидов // Виленский календарь на 1902 г. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1901. — С. 131—157.

9. Никольский, В.Г. Иллюстрированный каталог Музея гр. М.Н. Муравьева в Вильне. / сост. В.Г. Никольский. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1904. — 124 с.

10. Отдел рукописей библиотеки Вильнюсского университета — Ф. 36.— Оп. 1. — А.И. Миловидов.

11. Путеводитель по Виленской Публичной библиотеке. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1904. — 28 с.

12. Шумейко, М.Ф. «Вильну до ее оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев» (Записки старшего архивиста I отделения II секции ЕГАФ РСФСР А.И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР) // Археографический ежегодник: 2009–2010 годы. / [отв. ред. С.О. Шмидт] ; Археограф. комис. РАН; Фед. архив. агентство. М.: Наука. — 2012. — С. 458—459.

13. Mienicki, R. Archivum Murawjewskie w Wilnie. / R. Mienicki. Warszawa, 1937. — 86 s.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ МУРАВЬЁВ-ВИЛЕНСКИЙ В ИСТОРИЯХ ПОЛКОВ РУССКОЙ АРМИИ (*).

GOVERNOR-GENERAL MIKHAIL NIKOLAEVICH MURAVIOV-VILENSKIY IN HISTORIES OF THE REGIMENTS OF THE RUSSIAN ARMY

УДК 94(47).081

Александр Дмитриевич Гронский.
Ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального ис-следовательского института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. Кандидат исторических наук, доцент.

Alexander Gronskii
Lead Researcher of the Center for Post-Soviet Studies of Primakov Nati n-al Research Ins tute of World Economy and Interna onal Rela ons of the Russian Academy of Sciences. Candidate of Historical Sciences, Docent.

РЕЗЮМЕ. В статье исследуется образ виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва, отражённый в полковых историях русской гвардии.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Михаил Николаевич Муравьёв-Виленский, польское восстание 1863 – 1864 гг., русская армия, полковые истории

ABSTRACT. The artic e explores the image of the Vilna governor-general Mikhail N. Muraviov, who is described the regimental history of the Russian Guard.
KEY WORDS. Mikhail Nikolaevich Muraviov-Vilenskiy, Polish uprising of 1863 – 1864 years, russian army, regimental history.

История как процесс всегда объективна и неэмоциональна, но история как наука уже имеет своё субъективное наполнение, зависящее от подготовки специалиста, наличия исторических источников, их доступности, возможности адекватной интерпретации, наконец, просто от политической ангажированности самого историка. Ещё более субъективным является история как идеология. Такую историю часто делают не специалисты, а далёкие от науки идеологи, да и некоторые специалисты, становясь на службу определённой политической идее, вынуждены оригинально интерпретировать или даже фальсифицировать историю. В результате проведённых над историей идеологических опытов могут меняться оценки как исторических событий, так и отдельных их участников. Некоторые личности совершенно незаслуженно становятся национальными героями, другие низводятся до уровня палачей и оккупантов. Не обминул этот процесс и историю периода Российской империи.

Идеологически деформированными оказались многие фигуры прошлого. Одной из них можно назвать виленского генерал-губернатора Михаила Николаевича Муравьёва – эффективного руководителя, в короткие сроки подавившего в Северо-Западном крае Российской империи польское восстание 1863 – 1864 гг. Естественно, что для польского национализма М.Н. Муравьёв является фигурой отрицательной. Но такое же отношение к этому историческому персонажу было сформировано и белорусским национализмом, а также большевиками. В последнем случае всё логично. Большевики не могли поддерживать положительный имидж имперского чиновника, всеми силами стремившегося укрепить Россию и боровшегося с польским национально-освободительным движением. Для большевистских идеологов любое национально-освободительное движение было прогрессивным, даже если ради восстановления Польши повстанцы не церемонились с простыми белорусскими крестьянами, иногда лишая их жизни по простому подозрению в верности той стране, в которой крестьяне жили, или даже без всякого подозрения, видимо, для устрашения остальных. Мотивация белорусских националистов на первый взгляд кажется странной. Но, если учесть, что польское восстание 1863 – 1864 гг. было объявлено белорусскими националистами белорусским восстанием, а повстанческие лозунги вос-

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html ,

становления Польши были интерпретированы как призывы к независимости Белоруссии, логика белорусских националистов станет понятной.

Сам же М.Н. Муравьёв был достаточно неординарным человеком. Участник Отечественной войны 1812 г., он был ранен при Бородино, после чего всю жизнь был вынужден ходить с тростью. Был знаком с декабристами, но порвал с ними, отказавшись поддержать их идеи разрушения государственной системы; министр государственных имуществ; в разное время был витебским вице-губернатором, могилёвским, гродненским гражданским, а также курским гражданским и военным губернатором, вице-председатель Русского географического общества, член Петербургской академии наук, председатель комиссии по расследованию «дела Каракозова». Однако наиболее известным местом его службы оказался Северо-Западный край в 1863 – 1865 гг. Именно за эффективное подавление польского восстания 1863 – 1864 гг. М.Н. Муравьёв получил к своей фамилии дополнение «Виленский», а у своих противников прозвище «Вешатель». Именно это время стало тем периодом, который определил у современников и потомков симпатии и антипатии к фигуре М.Н. Муравьёва. Считается, что сам М.Н. Муравьёв сформулировал программу деполонизации белорусских и литовских территорий, ещё в период своей службы в Витебске, Могилёве и Гродно, когда ему пришлось участвовать в подавлении польского восстания 1830 – 1831 гг. Помимо того, в это же время М.Н. Муравьёв сделал достаточно много для того, чтобы в 1839 г. белорусские униаты возвратились в Православие. М.Н. Муравьёва оценивается различными исследователями и заинтересованными лицами зачастую с прямо противоположных позиций. Для подтверждения того или иного мнения используются различные источники. Однако до сих пор учёные не обращали внимания на один массовый вид источников – так называемые полковые истории.

Полковыми историями принято называть описание истории отдельных частей русской дореволюционной армии, в которых отражались все основные события существования части, начиная от её формирования и заканчивая периодом написания текста. Какого-то определённого шаблона для создания полковой истории не существовало. Авторы описывали события полковой жизни так, как считали наиболее нужным, интересным или информативным. Конечно, обязательно стоит учитывать, что любая полковая история так или иначе имеет вполне конкретную степень субъективизма. Ведь такие произведения призваны оставить от знакомства с ними положительное впечатление о воинской части. Степень субъективности каждой полковой истории различна, поскольку разные авторы по-разному видели наиболее интересные или показательные с их точки зрения сюжеты, по-разному подавали и структурировали материал, пользовались различными группами источников для написания истории полка. Некоторые полковые истории представляют собой серьёзные исследования, снабжённые научно-справочным аппаратом, основывающиеся на цитировании нормативных документов и других источников, воспоминаниях офицеров, привлечении исследований по конкретной проблематике. Основная масса информации, отражённой в полковых историях, посвящена формированию и развитию структуры воинской части, её участию в различных сражениях, описанию военного быта, изменений в униформе, биографиям отдельных лиц, служивших в полку. Помимо собственно полковой жизни в таких «историях» можно встретить разнообразную информацию, посвящённую тем периодам, в которые полк существовал, а также персоналиям, не связанным напрямую с жизнью полка, но оставивших яркий след в протекании того или иного события.

В целом, полковые истории можно разделить на две больших категории – краткие истории и истории более подробные. В первом случае книга так и называлась «Краткая история…» такого-то полка. Помимо таких кратких историй также существовали полковые памятки для нижних чинов, в которых иногда очень бегло описывалась история полка, а иногда такие памятки состояли всего лишь из перечисления сражений. Более подробное описание истории части находилось в книгах, созданных специально в канун юбилея. Чем далее в историю уходила дата формирования полка, тем, естественно, более «древняя» история описывалась. Особое внимание обращалось на те войны или сражения, в которых полк принимал более активное участие. Конечно, обязательно стоит учитывать, что любая полковая история так или иначе имеет вполне конкретную степень субъективизма. Ведь такие произведения призваны оставить от знакомства с ними положительное впечатление о воинской части. Степень субъективности каждой полковой истории различна, поскольку разные авторы по-разному видели наиболее интересные или показательные с их точки зрения сюжеты, по-разному подавали и структурировали материал, пользовались различны-

ми группами источников для написания истории полка. Также вполне закономерно, что краткие истории и тем более памятки для нижних чинов более субъективны, чем «пространные» тексты.

Для истории полков, участвовавших в подавлении польского восстания 1863 – 1864 гг. в Северо-Западном крае, такой значимой фигурой оказался виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв. Необходимо оговориться, что не все полковые истории частей, подавлявших восстание в крае, оставили упоминания о М.Н. Муравьёве. Чем ближе к Вильно – резиденции генерал-губернатора действовал полк, тем больше шансов у его солдат и офицеров было столкнуться собственно с Муравьёвым. И наоборот, в местах, отдалённых от Вильно, например, на юге Гродненской губернии, были известны лишь сведения о замене генерал-губернатора В.И. Назимова М.Н. Муравьёвым и доходившие из Вильно распоряжения нового начальника. Именно поэтому в полковых историях тех частей, которые квартировали вблизи Вильно и в самом городе, а также действовали в этих пределах можно встретить больше сведений о М.Н. Муравьёве. Особенно богата упоминаниями о виленском генерал-губернаторе история Лейб-гвардии Финляндского полка[1]. Более интересными, естественно, являются упоминания о человеческих и профессиональных качествах Муравьёва, цитирование его высказываний. Эти данные помогают восстановить образ политического деятеля, понять, как его самого и его деятельность оценивали военные, а также ознакомиться с заявлениями самого М.Н. Муравьёва, которые он делал перед офицерами.

В некоторых полковых историях о Муравьёве лишь упоминается. Т.е. данные о генерал-губернаторе не раскрывают его человеческие или управленческие качества, а попросту информирует читателя о событии. В частности, в краткой истории 9-го Староингерманландского полка, рассчитанной на нижних чинов, указано, что «Виленский округ, в котором находился наш полк, был объявлен на военном положении, и главнокомандующим округом был назначен граф Муравьёв»[2]. Такие же упоминания, к которым следует относиться не как к оценке, а как к информации, встречаются и в других полковых историях.

В одной из полковых историй, а именно в «Истории 101-го пехотного Пермского полка» помещена даже краткая биография М.Н. Муравьёва[3]. Это было сделано не случайно. Дело в том, что 9 июля (ст.ст.) 1863 г. М.Н. Муравьёв был назначен шефом полка. Биография шефа, естественно, достаточно идеалистична, однако неё нельзя назвать выхолощенной или лубочной. Так, в биографии указывается, что в детстве будущему виленскому генерал-губернатору тяжело давались некоторые науки, также упомянут его арест в связи с делом декабристов.

1 мая 1863 г. М.Н. Муравьёв был назначен виленским генерал-губернатором, а 14 мая он прибыл в Вильно, чтобы занять эту должность, сменив на ней В.И. Назимова. Замену В.И. Назимова М.Н. Муравьёвым в войсках восприняли положительно. «В высшем управлении северо-западного края произошла важная перемена: Генерал-Губернатор и Командующий Виленского военного округа Генерал-Адъютант Назимов прощался с вверенными ему войсковыми частями вследствие замещения своего Генералом Муравьёвым», – упоминалось в полковой истории Лейб-гвардии Финляндского полка[4]. Эта «важная перемена» стала поворотной в истории восстания. Сразу же по прибытии в Вильно М.Н. Муравьёв издал свой первый приказ в новой должности, который цитируется сразу в нескольких полковых историях:

«Прибыв в Вильно, вступаю в командование Высочайше вверенными мне войсками.

Считаю первым приятным долгом объявить по войскам, что Государь Император повелел мне благодарить их от Его Имени за их доблестную службу.

Смутам и мятежу, возникшим в здешнем крае, надобно положить предел.

Обращаюсь к храбрым войскам, над которыми принимаю начальство, уверенный, что с помощью Божией дружными усилиями нашими дерзкие крамольники ско-

[1] Гулевич С. История Лейб-гвардии Финляндского полка 1806 – 1906 гг.: В 4 ч., с атласом. Ч. 3. СПб.: Экономическая Типо-литография, 1906. 501 с.
[2] Мрочковский К.И. Краткая история 9-го пехотного Староингерманландского Генерала-Фельдмаршала Князя Михаила Голицина полка. Для нижних чинов 1703 – 1892 гг. М.: Типо-Литография В.А. Просина, 1892. С. 81.
[3] Вахрушев М.Н. История 101-го пехотного Пермского полка 1788 – 1897. СПб.: Тип. Е.А. Евдокимова, 1897. С. 177 – 179.
[4] Гулевич С. Указ. соч. С. 88.

ро понесут заслуженную ими кару, а порядок и спокойствие восстановятся во вверенном мне крае»[5].

Приказ описывал конечную цель, хотя и не сообщал о задачах войск по достижению этой цели. Цитирование первого приказа, видимо, не случайно, поскольку его содержание на практике оказалось не пустой декларацией, а вполне быстро и методично реализованными планами.

Некоторые офицеры, участвовавшие в подавлении восстания ещё в бытность генерал-губернатором В.И. Назимова, в момент назначения на эту должность М.Н. Муравьёва оказались в столице. Например, полковник Лейб-гвардии Павловского полка Тимофеев, назначенный флигель-адъютантом императора, был приглашён им на приём, где произошло назначение М.Н. Муравьёва виленским генерал-губернатором. Император представил Тимофеева Муравьёву и сказал, обращаясь к последнему: «Вот человек, который будет тебе полезен»[6]. Надо сказать, что Лейб-гвардии Павловский полк в самом деле оказался достаточно эффективным в деле борьбы с повстанческими отрядами.

Практически в каждой полковой истории отмечается эффективность мер, принятых М.Н. Муравьёвым для подавления восстания. В частности, в полковой истории 5го Донского казачьего полка указано: «[…] к общему благополучию к началу июня месяца появилась инструкция нового Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьёва». Это инструкция по устройству военно-гражданского управления. После инструкции в Северо-Западном крае «мятеж стал необыкновенно быстро утихать и, наконец, в Виленском округе войска уже имели дело только с теми партиями повстанцев, которые переходили из царства Польского. Инструкцией Муравьёва местные отряды и самая мысль об их организации были разбиты»[7]. В полковой истории Лейб-гвардии Финляндского полка сказано более кратко: Муравьёв «начал действовать сразу весьма энергично»[8]. Далее автор полковой истории финляндцев пишет: «Решительность и энергия Генерала Муравьёва подействовали весьма внушительно на мятежников и особенно на их главных руководителей – ксендзов, которые сразу почувствовали на себе строго карающую руку нового Генерал-Губернатора. Состоящим у него в подчинении как гражданским, так и военным начальникам Генерал Муравьёв давал безапелляционные приказания, исполнявшиеся всегда точнейшим образом». В частности, офицеры Финляндского полка получали приказы Муравьёва «взять самые деятельные и энергические меры для рассеяния и окончательного истребления шайки […], «предписываю вам непременно настичь, рассеять и совершенно уничтожить шайку […]», «не возвращаться дотоле, пока это поручение не будет вами исполнено»[9].

После предпринятых мер простые люди престали бояться общаться с войсками и рассказывать, где скрываются повстанцы. Этому очень способствовали уездные воинские начальники, назначенные из офицеров «Такая резкая перемена действий произошла от прямого и определённого взгляда на восстание нового Виленского губернатора [в тексте ошибка, М.Н. Муравьёв был генерал-губернатором – А,Д.] генерала от инфантерии М.Н. Муравьёва, который требовал, чтобы войска были в постоянном движении, не делая даром больших переходов; по пути отряды должны были осматривать деревни, местечки и учреждать в них земскую стражу. “Надо было, – говорил Муравьёв, – чтобы при этом жители постоянно видели войска, и в них свою защиту”»[10].

В то время, когда армейские отряды не преследовали повстанцев, они выполняли ещё одну функцию – сопровождали муравьёвских чиновников, которые зачитывали приказ генерал-губернатора «об устройстве земской стражи, организации администрации деревень, о мерах, которые должны были предприниматься против мятежников». Эффект не заставил себя ждать. Даже ксендзы стали сообщать русским

[5] Воронов П., Бутовский В. История лейб-гвардии Павловского полка. 1726 – 1875. СПб.: Типография М. Эттингера, 1875. С. 424; Мокринский Г.История 113-го пехотного Старорусского полка (1796 – 1896 гг.). СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1900. С. 254; Гулевич С. История Лейб-гвардии Финляндского полка 1806 – 1906 гг.: В 4 ч., с атласом. Ч. 3. СПб.: Экономическая Типо-литография, 1906. С. 89.

[6] Воронов П. Бутовский В. Указ. соч. С. 422 – 423.

[7] Пузанов В.В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. СПб.: Типо-литография П.С. Феокритова, 1913. С. 508 – 509.

[8] Гулевич С. Указ. соч. С. 89.

[9] Там же.

[10] Воронов П. Бутовский В. Указ. соч. С. 439.

[11] Воронов П. Бутовский В. Указ. соч. С. 440.

отрядам о перемещении повстанцев[11].

11 июня (ст.ст.) 1863 г. Муравьёв выпустил циркуляр, в котором требовал от начальников русских отрядов решительных действий. Не заводить «пустую перестрелку», дожидаясь, пока повстанцы не выдержат и сами отступят, даже не преследуя их, а действовать решительно, чтобы не дать возможности повстанческим отрядам снова собираться, после чего они «безнаказанно продолжают свои грабежи и бесчинства». Тех начальников русских отрядов, которые действовали нерешительно, Муравьёв приказал «отрешить от командования и о действиях их произвести следствия»[12].

Муравьёв требовал назначать командирами отрядов «людей более надёжных», которые «должны решительно действовать для разбития шаек и преследовать их по пятам, неотступно и настойчиво, до совершенного рассеяния и уничтожения», возложив ответственность за подобающее выполнение этого на командиров отрядов[13].

«Поставив весь административный строй на военную ногу, Генерал Муравьёв привлёк к участию в гражданском управлении многих офицеров гвардейского отряда, находившихся в Вильне. Хотя подобная мера практиковалась ещё Генерал-Адъютантом Назимовым, но Генерал Муравьёв ввёл её в систему; во главе каждого уезда стоял военный начальник, которому подчинялось как гражданское, так и военное управление над всем уездом, военный же начальник должен был и усмирять мятеж в подведомственном ему уезде»[14].

М.Н. Муравьёв конкретно разделял население Северо-Западного края на своих и чужих, зачисляя в эти категории практически целые социальные группы. Например, во враги были зачислены все польские помещики. Так, в июле 1863 г. Лейб-гвардии Семёновский полк прибыл в Вильно. Вскоре офицеры были представлены генерал-губернатору. Они явились на квартиру к М.Н. Муравьёву, где, после обычного представления, тот собрал офицеров вокруг себя и объявил, что полк направляется в Гродно. При этом М.Н. Муравьёв сказал: «Задача ваша – уничтожить престиж террора, произведённого агитаторами народного жонда. Вооружённое повстание сломано, но надо его искоренить дотла. Виноваты не крестьяне, а помещики; из последних невиновных нет – все мятежники или помогали мятежу. Для выполнения задачи будут посылаться подвижные колонны в составе одной роты с казаками. Кому из вас придётся командовать таким отрядом, прошу действовать по крайнему уразумению, поощряя крестьян и зорко следя за панами; при малейшем указании делать обыски у помещиков и не стесняться отыскиванием улик; а если даже и нет указаний, но вам покажется подозрительным, то немедленно отправлять под конвоем к военному начальнику, а уже его дело – отпустить или посадить. Таким образом восстановится пошатнувшаяся власть, и приниженное крестьянское население поднимет голову. Не бойтесь ошибки – помещиков правых нет. Вам предоставляю и вверяю выполнение моей задачи»[15].

Меры, предпринятые новым генерал-губернатором, достаточно быстро дали свой эффект. Это отмечено и в полковых историях, в которых указано, что М.Н. Муравьёв «действительно успокоил край и задушил последние вспышки восстания, и имя которого наводило трепет на самых бесстрашных повстанцев и долго жило и будет жить в памяти жителей северозападного края»[16], что «меры, предпринятые Михаилом Николаевичем против мятежного населения, разгромили мятеж, как справедливо выражается историк этой эпохи – Берг»[17], что «энергические и вполне целесообразные меры, предпринятые для усмирения мятежа генералом от инфантерии Муравьёвым, потушили мятеж в Литве»[18].

Для сравнения приводилось описание ситуации до назначения М.Н. Муравьёва генерал-губернатором. Эта ситуация не позволяла эффективно противодействовать восставшим. Так, «при той системе, какая была принята по усмирению края в течение первых двух месяцев» войска часто совершали утомительные передвижения.

[12] Гулевич С. Указ. соч. С. 89 – 90.
[13] Там же. С. 90.
[14] Там же.
[15] Дирин П. История Лейб-гвардии Семеновского полка: В 2 т., с альбомом. Т. 2. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. С. 195 – 196.
[16] Мокринский Г. История 113-го пехотного Старорусского полка (1796-1896 гг.). СПб.: Тип. Исидора Гольдберга, 1900. С. 254.
[17] Воронов П. Бутовский В. Указ. соч. С. 425.
[18] Там же. С. 450.

«Войскам приходилось безостановочно гоняться за мятежниками по всем направлениям». Это выматывало русские отряды настолько, что они «порою не могли поражать инсургентов». Это придавало мужества последним, и у населения закрадывалась мысль о возможной победе повстанцев. «Вольно или невольно население помогало бандитам скрываться»[19]. Более того, жители польского происхождения и в отсутствие повстанцев вели себя вызывающе и даже провокационно. Например, в Вильне Лейб-гвардии Финляндский полк столкнулся с тем, что поляки «позволяли дерзости» даже в отношении офицеров. Лишь жёсткие меры командира полка генерала И.С. Ганецкого заставили жителей польского происхождения более уважительно смотреть на военных[20]. Т.е. В.И. Назимов ничего не сделал для локализации брожений среди местного населения, что вынудило полкового командира решать данную проблему самостоятельно. Более того, генерал-губернатор смог допустить повстанцев даже в своё ближайшее окружение. В частности, в узкий круг доверенных лиц В.И. Назимова попал офицер Генерального штаба Сераковский, одновременно являющийся под псевдоним Доленго активным участником и одним из региональных руководителей восстания. «Известие, что Доленго тот самый капитан, которого генерал Ганецкий знал в лицо и с который пользовался особым доверием добродушного Владимира Ивановича Назимова, совещавшегося с ним о мерах против мятежа, крайне изумило командира Финляндцев»[21]. Офицеры-финляндцы не могли поверить, что прямо под носом у армии, жандармов и полиции в лесах недалеко от населённых пунктов собираются и тренируются повстанческие отряды[22].

Интересно отметить, что М.Н. Муравьёв приказал русским отрядам использовать новую тактику – действовать не большими группами, а малыми подразделениями, которые были более мобильны. Помимо того, большое количество постоянно передвигающихся малых отрядов создавало впечатление, что русская армия везде. Насколько эта тактика оказалась разумной, говорит то, что ещё при В.И. Назимове некоторые русские офицеры, основываясь на опыте недавних стычек с повстанцами, самостоятельно приходили именно к таким выводам. В частности, по причине того, что разбитые крупные повстанческие формирования (речь, в первую очередь, об отрядах Сераковского, Колышко и ксендза Мацкевича) «не решались соединяться в большие шайки и действовали разреженно, мелкими шайками, рассеявшимися по лесам», русские войска также «разбились на небольшие отряды, посылавшиеся одновременно во многие пункты, чтобы уничтожить восстание сразу в нескольких местах»[23]. Но, если до Муравьёва эта тактика применялась лишь некоторыми командирами, то после появления нового генерал-губернатора, она стала основной.

Практически все полковые истории сообщают, что М.Н. Муравьёв был достаточно щедрым на заслуженные благодарности при возвращении полков к месту постоянной дислокации после службы в Северо-Западном крае. Видимо, данная характеристика является не столько исключительно муравьёвской чертой, сколько неким стандартным механизмом поведения высших чиновников. Например, покидая свой пост, В.А. Назимов также благодарил части за «постоянную усердную службу, неутомимые труды и доблести»[24]. М.Н. Муравьёв не был исключением. В частности, он через полковое начальство или лично передавал благодарности солдатам и офицерам частей «за их усердную и ревностную службу во всё время пребывания в крае»[25], «за молодецкую службу в Виленском округе» и «за отменную храбрость и энергию»[26], за то, что солдаты «принимали деятельностное участие в подавлении мятежа, отличались мужеством и с самопожертвованием переносили труды и лишения боевой жизни»[27], что он «считает обязанным о молодецкой службе [...] донести до сведения Его Величества Государя Императора»[28]., «молодецкие подвиги [...] останутся навсегда памятными для всякого истинно русского»[29]. Однако, поми-

[19] Пузанов В.В. Указ. соч. С. 508.
[20] Гулевич С. С. 44 – 45.
[21] Там же. С. 76.
[22] Там же. С. 67.
[23] Там же. С. 90.
[24] Там же.С. 88.
[25] Богданович Е.В. История 4-го Лейб-гвардии Стрелкового Императорской Фамилии батальона. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1881. С. 100.
[26] Воронов П., Бутовский В. Указ. соч. С. 450.
[27] Богданович Е.В. Указ. соч. С. 101.
[28] История Лейб-гвардии Казачьего его величества полка. СПб.: [Без изд.], 1876. С. 490.
[29] Гулевич. С. 37.
[30] Там же. С. 110.

мо того, М.Н. Муравьёв имел привычку при награждении солдат говорить с ними, «поощряя на новые подвиги»[30]. Также генерал-губернатор объяснял солдатам, так и не побывавшим в сражении, что это тоже не плохо. В частности, когда командир Лейб-гвардии Павловского полка сказал генерал-губернатору, что рядовые роты Его Императорского Величества «приуныли», поскольку этой роте не довелось принять участия в боях с повстанцами, М.Н. Муравьёв специально обратился к солдатам роты: «Я очень этому рад, и благодарю Бога за то, что Государевой роте не пришлось марать молодецких штыков, которые пригодятся ещё для более важного дела. А вот за службу вашу, за образцовый порядок и дисциплину, которыми постоянно отличался полк ваш, ещё раз большое вам спасибо! Об этом я засвидетельствую перед Его Императорским Величеством, это Его порадует»[31]. Муравьёв посчитал необходимым сообщить командиру отдельного гвардейского корпуса «о примерном усердии и неутомимости означеных частей»[32]. В результате этих писем Муравьёва великому князю офицеры удостоились «искренней благодарности», а рядовые – «душевного спасибо»[33]. Помимо того, генерал-губернатор описывал боевые успехи подчинённых ему войск и в письмах императору[34].

М.Н. Муравьёв был уверен, что погибшие в период борьбы с повстанцами русские солдаты, заслуживают памяти. Поэтому «благодаря попечениям генерала от инфантерии Муравьёва и добровольным пожертвованиям участников похода» в Вильне была воздвигнута часовня[35]. Часовня была полностью построена и освящена уже после того, как Муравьёв покинул свой пост в Вильно, но вплоть до своего разрушения в Гражданскую войну, она связывалась с именем Муравьёва. На стенах часовни были выбиты имена погибших солдат и офицеров. (Надо сказать, что в списках часовни оказались не все имена. Часть имён была восстановлена нами по иным источникам[36])

Отдельно стоит упомянуть содержащиеся в истории Лейб-гвардии Финляндского полка характеристики М.Н. Муравьёва, данные ему командиром полка генералом И.С. Ганецкий, который хорошо знал генерал-губернатора, общался с ним и мог сделать некоторые личные выводы о его характере и мотивах принятых им решений. Вот как И.С. Ганецкий оценивал назначение М.Н. Муравьёва: «Вновь назначенный Генерал-Губернатором Генерал Муравьёв, хорошо знакомый с давних пор с северо-западным краем, прекрасно понял, как серьёзно было положение, в котором находилась тогда Польша и сопредельные с нею губернии; поэтому он решился придать надлежащее наполнение политике России в этом вновь назревшем и, казалось, неразрешимом вопросе. Его мужество, твёрдость убеждений и решительность в достижении намеченной цели – умиротворение северо-западного края и подавления там восстания – составляют поистине государственную заслугу перед Россией»[37]. Также генерал указывал, что заслуги Муравьёвы тем более значительны, так как «образ действий, им принятый в подавлении мятежа в Северо-Западном крае, находил себе весьма мало сторонников во влиятельных сферах, особенно в Петербурге. Только не многие, понимавшие истинное положение вещей в Виленском округе, были единомышленниками Муравьёва; в числе этих лиц был и известный московский митрополит Филарет, приславший Михаилу Николаевичу икону Архистратига Михаила, в благословение его деятельности в мятежном крае; при иконе было замечательное письмо архипастыря, где, между прочим, говорилось: “ваше назначение – есть уже поражение врагов отечества; ваше имя – победа”»[38]. Надо сказать, что и сам М.Н. Муравьёв в своих записках также указывает на серьёзное противодействие сво-

[31] Воронов П., Бутовский В. Указ. соч. С. 450.
[32] Богданович Е.В. История 4-го Лейб-гвардии Стрелкового Императорской Фамилии батальона. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1881. С. 101.
[33] Там же. С. 101 – 102.
[34] Воронов П., Бутовский В. Указ. соч. С. 452.
[35] Там же. С. 453.
[36] Гронский А.Д.«Не сохранилось даже полного синодика для поминовения этих защитников Отечества…»: Русские солдаты, погибшие в Северо-Западном крае в период Польского восстания 1863 – 1864 гг., и историческая память // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Том XV. М.: Модест Колеров, 2013. С. 419 – 453.
[37] Гулевич, С. 88.
[38] Там же. 89.
[39] «Готов собою жертвовать…». Записки графа Михаила Николаевича Муравьёва об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём мятежа. 1863 – 1866 гг. / сост., вступ. статья, коммент. К.В. Петрова. – М.: Пашков дом, 2008. С. 145.

ей политике большей части петербургского высшего света[39]. Но те, кто находился непосредственно в Северо-Западном крае, ИМЛИ другое мнение. Тот же И.С. Ганецкий в письме к князю К.Я. Шаховскому писал о М.Н. Муравьёве: «он первый понял, что такое и в каких мы обстоятельствах; видел в этом шляхетском движении не вспышку, а полную мерзейшую революцию, стремившуюся не более не менее, как к раздроблению России, и он первый, который не заботился, что скажет Европа, а говорил и говорит: ”у меня Император и Россия”»[40].

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в среде русской армии виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв воспринимался сугубо положительно. Армия видела в нём человека, который понимал, какие меры необходимо использовать для наиболее эффективного противодействия восстанию, чётко представлял ситуацию и знал, на какие категории населения можно опираться, а какие должны всегда находиться под подозрением, требовательно относился к подчинённым, но достаточно объективно расценивал их деятельность и старался оценить её по заслугам.

[40] Гулевич С. Указ. соч. С. 88 – 89.

М.Н. МУРАВЬЕВ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСАНДРА II(*).

M.N. MURAVYEV AND THE TRANSFORMATION OF THE POLICE IN THE BELARUS GOVERNMENTS OF THE NORTH-WEST EDGE OF THE RUSSIAN EMPIRE TO THE BOARD OF ALEXANDER II

УДК 94(47).081: 351.745 + 94 (476)

Александр Александрович Киселев,
кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных наук УО "Военная академия Республики Беларусь".

Alexander Kiselev,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences of the Military Academy of the Republic of Belarus.

РЕЗЮМЕ. в статье анализируются изменения в структуре общей полиции белорусских губерний в период правления императора Александра II. Показывается, что восстание1863-1864 гг. и преобразования генерал-губернатора М.Н. Муравьева принципиально не изменили полицейской организации в белорусских губерниях. Общая полиция не могла установить плотный полицейский контроль над населением белорусских губерний.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Общая полиция, реформа, белорусские губернии, польское восстание 1863-1864 гг., Российская империя.

ABSTRACT. In the artic e is analyzed changes in the structure of the general police of the Belarusian provinces during the reign of Emperor Alexander II. It is shown that the uprising of 1863-1864. and the transformation of Governor-General M.N. Muravyov basically did not change the police organiza on in the Belarusian provinces. The general police could not establish a tig t police control over the population of the Belarusian provinces.
KEY WORDS. General police, reform, Belarusian provinces, Polish uprising 1863-1864, Russian Empire

Изменения в структуре общей полиции после издания 25 декабря 1862 г. «Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» оказались в тени отмены крепостного права, судебной, военной и образовательной реформ, создания системы местного самоуправления и прочих преобразований эпохи Александра II. Проблема реорганизации полиции не приобрела первостепенного значения во внутренней политике российского правительства, несмотря на то, что именно на местных полицейских структурах МВД держалось не только обеспечение правопорядка, но все административное управление империей. Напомним, что с 1862 г. вместо земских судов, действовавших на основании «Положения о земской полиции» от 3 июня 1837 г., и городнических правлений по всей империи учреждались уездные и городские полицейские управления.

В белорусско-литовских губерниях Северо-Западного края Российской империи из-за польского восстания 1863–1864 гг. вопрос о полиции обрел особое значение. Перед властями стояла как политическая задача обеспечения лояльности империи местных полицейских чинов и организации управления в этом «проблемном» регионе, так и необходимость реформирования полицейских учреждений в целом. В этой связи представляет интерес в какой степени повлияла на развитие общей полиции административная деятельность виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева (1863– 1865 гг.)

Сомнения в лояльности полицейских чиновников у местных властей появились еще до польского восстания. В частности, в донесении начальника IV округа Корпуса жандармов генерал-майора А.М. Гильдебранта от 1 декабря 1861 г. констатировалось, что «на земскую полицию положиться нельзя: она состоит большей частью из поляков и, сверх того, связана с помещиками материальными интересами»[1]. В самом начале восстания в своем рапорте от 16 января 1863 г. жандармский штаб-офицер по Виленской губернии подполковник А.М. Лосев предположил, что полицейские чиновники-поляки «скорее будут агентами мятежников, нежели правительства»[2]. Сообщая о формировании в Виленской губернии повстанческих отрядов, в

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html ,

[1] Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг. М. 1964. С. 77.

[2] Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.: материалы и документы. М. 1965. С. 104.

донесении от 29 января 1863 г. А.М. Лосев утверждал, что «правительству рассчитывать на верность полиции положительно невозможно, ибо нельзя допустить, чтобы она, пред глазами которой составляются шайки мятежников, не знала и не могла бы предварительно доносить о том начальству». В своем донесении от 26 апреля 1863 г. жандармский штаб-офицер полковник Б.К. Рейхарт писал о том, что повстанцы хорошо осведомлены о нехватке войск в Минской губернии. Эта информированность обусловлена тем, что «во всех присутственных местах и канцеляриях они имеют своих агентов между служащими, которые большею частью поляки, а главное неудобство при теперешних обстоятельствах оказывается то, что полиция городская и земская, без малого изъятия, состоит из католиков, - впрочем и некоторые туземные православные (бывшие униаты) не лучше их, особенно у которых жены католички, - тому служит доказательством то, что нашлись между ними охотники присоединиться к повстанцам». Характеризуя ситуацию в Белостокском уезде Гродненской губернии 29 мая 1863 г., жандармский офицер майор С.И. Штейн обратил внимание на отсутствие сведений о повстанческом движении от чинов полиции. По его словам, «чиновники земской и городской полиции большей частью из здешних уроженцев, до ныне мало содействовали к открытию злоумышленников; одни увлечены общим в здешних местах сочувствием к восстанию, другие, находясь в отдаленных местах, где не находится наших войск, в случае нападения мятежников, могущих их защитить оружием, уклоняются от долга службы, из опасения быть умерщвленными мятежниками, при разъездах по делам службы». В отчете витебского губернатора В.Н. Веревкина за 1863 г. заявлялось, что «весь состав полиции того времени, сформированный почти преимущественно из одних католиков, значительно способствовал к постоянному закрытию виновных, а в случаях, когда действия крамольников и обнаруживались, то факты представляемы были не в надлежащем их значении»[3].

Сомнения в преданности престолу уездной полиции испытывал и виленский генерал-губернатор В.И. Назимов. В своем отношении к управляющему МВД от 23 февраля 1863 г. он писал, что полиция, подчиненная власти военных начальников, «поставлена в необходимость действовать согласно с распоряжениями начальства и преследовать злоумышленников, но за всем тем, сочувствуя стремлениям своих соотечественников-поляков, она не упускает удобного случая, чтобы способствовать им всеми зависящими от них мерами урываться от преследования правосудия»[4].

Сама идея об организации в белорусских губерниях на период восстания военно-полицейского управления с подчинением чинов уездной полиции власти офицеров русской армии была предложена генерал-губернатору В.И. Назимову 15 февраля 1863 г. начальником Виленской губернии М.Н. Похвисневым из-за «бездействия и малонадежности, в политическом отношении, многих из чинов земской полиции»[5]. Генерал-губернатор не стал откладывать дело в долгий ящик: 23 марта 1863 г. эта мера была приведена в действие на территории генерал-губернаторства и Витебской губернии. Впоследствии М.Н. Муравьев лишь усовершенствовал систему временного военно-гражданского управления.

Еще до прибытия в край на должность виленского генерал-губернатора М.Н.Муравьева главой Министерства внутренних дел П.А. Валуевым 17 февраля 1863 г. была санкционирована кадровая чистка полицейского аппарата. С этого времени главным подтверждением политической лояльности чиновника полиции становилась «без сомнений национальность избираемого лица», которая «представляет одно из главнейших ручательств, и потому коренное русское происхождение должно быть предпочитаемо туземному, в особенности римско-католического исповедания, отличающегося своим фанатическим направлением, столь враждебным основным законам империи»[6]. При генерал-губернаторе М.Н. Муравьеве и его преемниках эта кадровая политика получила дальнейшее развитие, причем даже подтвердившие на деле свою преданность монархии чиновники-католики в 1863–1864 гг. зачастую переводились на службу во внутренние губернии империи. В этом проявилась принципиальная установка М.Н. Муравьева на удаление с государственной службы в крае

[3] Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Т. 2: Мн. 1940. С. 490–491, 516, 527, 483.
[4] Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к Польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г.: с двумя хромолитографическими снимками и шестью цинкографическими факсимиле в тексте. Вильна. 1913. С. 297.
[5] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 172. Л. 24.
[6] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 18. Л. 20.

чиновников-католиков.

Однако вышесказанное не означает, что личный состав полиции в белорусских губерниях после польского восстания 1863–1864 гг. комплектовался исключительно выходцами из великорусских губерний. Замещение ими полицейских должностей оказалось серьезной проблемой, поскольку служба в Западном крае могла стать привлекательной лишь при наличии существенных льгот. 5 марта 1864 г. был принят указ о повышении на 50 % оклада чиновникам ведомства Министерства внутренних дел, переводившимся в Северо-Западный край. Данная мера не распространялась на чинов общей полиции, поскольку совсем недавно были утверждены новые штаты. Впрочем, «благонадежным русским полицейским чиновникам» по усмотрению генерал-губернатора выплачивалась 50 % надбавка от всего жалования, а не только от оклада[7]. Вместе с тем 21 ноября 1869 г. были утверждены «Правила о назначении и производстве процентной прибавки к содержанию и пособий чиновникам русского происхождения, служащим в западных губерниях», согласно которым полицейским чиновникам, поступающим на службу в губернии Северо-Западного края, выплаты с 1870 года не назначались. Вопрос о назначении процентных надбавок и пособий для чиновников, если они «будут того достойны», отдавался на усмотрение местного начальства и обязательно согласовывался с Министерством внутренних дел[8]. Эта мера делала весьма проблематичной возможность привлекать на полицейскую службу в западные губернии кадры из центральных регионов империи. Отнюдь неслучайно чиновники из внутренних губерний не составляли подавляющего большинства в полиции. Например, в 1880 г. в Гродненской губернии среди классных чиновников уездных полицейских управлений местные уроженцы составили 45 %, а городских полицейских управлений – 50 %. При этом выходцы из западных губерний были представлены на всех должностях, но составляли большинство в канцеляриях уездных полицейских управлений. Правда, за малым исключением все должности замещались лицами православного вероисповедания, что в глазах правительства являлось ручательством лояльности чиновников империи. Введенные при М.Н. Муравьеве процентные надбавки к жалованию не имели шансов на превращение в обыденную практику, поскольку выплачивались за счет контрибуционных сборов, которые изначально имели временный характер.

Восстание выявило массу проблем в организации полиции в белорусских губерниях. В основном их можно свести к тому, что при утвержденной штатной структуре было в принципе невозможно осуществить плотный полицейский надзор над населением не только в каких-либо политических целях, но и для обеспечения правопорядка. Интересно, что реорганизация местных полицейских структур МВД в белорусских губерниях произошла в самый разгар польского восстания 1863–1864 гг. и не учитывала политические обстоятельства. Принятые 17 февраля 1863 г. новые штаты 48 уездных полицейских управлений Минской, Виленской, Гродненской, Витебской и Могилевской губерний насчитывали 564 чиновника от исправника до регистратора. Под их ответственность попадало все сельское население и жители городов Северо-Западного края, в которых не было отдельного городского полицейского управления. Это не много ни мало пространство площадью приблизительно в 261995 кв. км с населением в 4161453 человек. Только одна Минская губерния составляла одну шестую часть Франции!

Разбираясь в причинах полной беспомощности уездной полиции в борьбе с повстанческими партиями авторы разработанной в окружении виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева аналитической «Записки об усилении уездной полиции» в губерниях Северо-Западного края были вынуждены признать, что главная причина неэффективности полиции коренилась в ее устройстве[9]. В записке перечислялись основные организационные дефекты уездной полиции: крайняя малочисленность полицейских чиновников при значительной населенности и размере площади стана, фактическое отсутствие в подчинении станового пристава штата нижних полицейских чинов: их обязанности исполняли выборные десятские и сотские от крестьянских общин. Оказалось, что в среднем на одного станового пристава приходилось несколько десятков тысяч жителей на пространстве не менее 1000 кв. км. В его подчинении были избираемые на год десятские и сотские из крестьян, которые либо не понимали своих обязанностей, либо просто саботировали эту повинность. Прав-

[7] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XIL. № 40655.
[8] ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XLIV. № 47700.
[9] ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 18. Л. 315–320.

да, в губерниях Западного края со времен Речи Посполитой повсеместно неофициально существовала должность ключвойтов, которых на русский лад именовали тысячскими и пятисотскими. Они были единственными более-менее дееспособными помощниками полицейских чиновников. Однако во время восстания их подозревали в нелояльности в силу того, что эти должности уездной полиции часто занимали беспоместные шляхтичи-католики. В итоге после длительной переписки 5 июля 1868 г. было принято решение о легализации должности ключвойта под названием тысячского. Единственным условием стало назначение на этот пост лиц православного вероисповедания, отслуживших в русской армии. Интересно, что такой вариант решения предлагался еще виленским генерал-губернатором В.И. Назимовым. Его преемник фактически поддержал такой способ институализации бывших ключвойтов. В принципе решение вопроса о сохранении этой должности в сельской полиции было единственным заметным решением в деле преобразования структуры уездной полиции белорусских губерний в 60-х гг. XIX в. Все остальные проекты от учреждения уездной полицейской стражи до введения должности помощника станового пристава оказались нереализованными. Интересно, что неудача по введению в белорусских губерниях уездной полицейской стражи во многом связана с позицией виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, который вопреки мнению подчиненных ему губернаторов настоял на создании уездных жандармских команд. К концу 60-х гг. XIX в. численность чиновников уездной полиции почти не изменилась от спроектированных 17 февраля 1863 г. штатов: в 1870 г. на службе в уездных полицейских управлениях находилось 569 штатных чиновников.

В 1870 г. с началом работы Комиссии о губернских и уездных учреждениях, призванной подготовить общеимперскую реформу полиции, губернаторам, в том числе западных губерний, было предложено изложить свое видение недостатков уездной полиции и возможных способов их устранения. Все губернаторы признавали несостоятельность уездных полицейских управлений. Самую категоричную оценку дал виленский губернатор Е.П. Стеблин-Каменский, заявив, что преобразования 1862 г. имели «характер только внешний, коснувшийся исключительно административных частей», но «коренного же преобразования не было»[10]. По расчетам минского губернатора В.Н. Токарева в среднем на одного станового выпадал участок площадью в 2450 кв. верст с населением в 33600 душ. При таком пространстве и населенности даже самый ответственный становой пристав попадает в ситуации, когда выполнение служебных обязанностей «становится иногда невозможным»[11]. Витебский губернатор П.Я. Ростовцев признавался в том, что «в некоторых станах есть уголки, где о приставе знают лишь понаслышке»[12]. Губернаторы направили целый ряд предложений: от упразднения управлений или кардинальной перестройки принципов их работы до учреждения полицейских стражников вместо совершенно непригодных к полицейской службе десятских и сотских. Однако эти проекты не привели к каким-либо подвижкам. Спустя несколько лет виленский генерал-губернатор П.П. Альбединский в своем всеподданнейшем отчете об управлении Северо-Западном краем за 1874–1877 гг. констатировал, что «действующие ныне штаты полиции вовсе не соответствуют современным потребностям. Преимущественно страдают в этом отношении штаты земской полиции, в состав которой входят некоторые органы, как например: тысячские, сотские и десятские, как давно уже отжили свое время»[13].

Единственным важным изменением в структуре уездной полиции в правление Александра II после 1862 г. стало введение в Российской империи с 9 июня 1878 г. института урядника, который по своему положению приблизительно соответствовал околоточному надзирателю городской полиции. Введение этой должности, несомненно, увеличило силы уездной полиции в большинстве губерний империи: становые получали нового подчиненного, который в числе прочих своих обязанностей мог руководить десятскими и сотскими выборными от крестьян. Однако в западных губерниях положительный эффект от этой меры оказался меньше. Это обусловлено тем, что обязанности урядника в основном совпадали с кругом задач тысячских, а их количество, например, в 1867 г. в губерниях Северо-Западного края составляло 660 человек, а после закона 1868 г. не должно было превышать 3-х человек на один стан. В результате появление урядников не воспринималось как кардинальное улучшение

[10] РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 23. Л. 24.
[11] Там же. Л. 522.
[12] Там же. Л. 150.
[13] Отдел рукописей РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 98.

ситуации: в 5 белорусско-литовских губерниях предусматривалось всего 657 их должностей.

Чуть лучше обстояло дело в городских полицейских управлениях в силу незначительной площади городов, немного более дееспособной по сравнению с выборными от крестьян полицейской командой. Неслучайно в проектах по улучшению положения уездной полиции часто можно встретить отсылки на организацию полицейской службы в городах. В Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниях по штатам от 17 февраля 1863 г. полагалось 8 городских полицейских управлений в составе 72 чиновников. В течение 1863–1864 гг. по ходатайству местной администрации, поддержанной виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым, были открыты городские полицейские управления в Пинске, Белостоке и Полоцке, а также расширен штат и повышена разрядность большинства управлений для увеличения жалования чиновникам.

Однако и в городах полиция далеко не всегда могла отслеживать протестные настроения и им противодействовать, бороться с уголовными и административными правонарушениями. В этом отношении ярким примером является постановка полиции в административной, политической и культурной столице Северо-Западного края Вильно. В частности, на весь город с населением более 64000 человек по утвержденным МВД 17 февраля 1863 г. штатам приходилось всего 18 полицейских чиновников и 112 нижних чинов, то есть плотность полиции составляла 2 чел. на 1000 жителей. Это, по всей видимости, максимальный показатель для городов Северо-Западного края в этот период: например, для Минска плотность полиции составляла 1,8. Впрочем этот критерий условен, поскольку не учитывает тот факт, что весь состав полиции никогда не находился на улице, так как полицейская команда дежурила посменно. Только в результате спешных действий виленского губернатора С.Ф. Панютина и виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в течение 1863–1864 гг. был увеличен состав полицейской команды, налажено ведение контроля над перемещением жителей в городе с учреждением домовых книг и адресного стола. Кроме того, было рационализировано разделение города на новые полицейские участки и размещение полицейских постов. От домовладельцев потребовали нанять дворников, обеспечить освещение улиц перед входом в дом и вывеску указателей с названиями улиц и номерами домов. Для дворников и сотрудников полиции были разработаны должностные инструкции. Все эти меры, безусловно, улучшили эффективность полицейской службы, и часть из них была распространена на остальные города края. Отчасти благодаря им удалось быстро задержать одного из самых непримиримых руководителей польского восстания в крае К. Калиновского. После того как в распоряжение жандармов попали сведения о приблизительном адресе и фамилии, под которой скрывался Калиновский, его арест в Вильно не потребовал больших розыскных усилий, поскольку последний для проживания был вынужден зарегистрироваться под фальшивой фамилией В. Витоженца.

Вместе с тем многие преобразования осуществлялись благодаря контрибуционным сборам и личной административной власти генерал-губернатора, поэтому неслучайно накануне своей отставки М.Н. Муравьев предписал учредить специальную комиссию для разработки штата Виленского ГПУ. Впрочем, комиссия была сформирована и приступила к работе только в 1867 г. при генерал-губернаторе Э.Т. Баранове. За модель при разработке полицейского устройства взяли преобразования, проведенные в полиции Санкт-Петербурга. Однако как только проект был подготовлен, его подвергли критике за несоответствие текущему законодательству и финансовым возможностям государственного и городского бюджета. В итоге за основу были приняты предложения виленского полицеймейстера М.И. Федорова, поддержанные генерал-губернатором А.Л. Потаповым. Интересно, что проект был отправлен на экспертизу начальнику столичной полиции обер-полицеймейстеру Ф.Ф. Трепову. Последний заметил, что при предлагаемом жаловании эта реформа обречена на неудачу, поскольку «столь скудные оклады … не приведут без сомнения ни к улучшению состава должностных лиц, ни к исправлению самого способа отправления полицейской службы»[14]. Эти скептические замечания остались без последствий, и 12 июля 1868 г. новый штат в составе 20 полицейских чиновников и полицейской стражи из 39 околоточных надзирателей и 132 нижних чинов получил утверждение.

[[14] ЛГИА. Ф. 378. Д. 24. Л. 182.

В конце правления Александра II в Вильно проживало уже чуть более 88000 горожан, а в штате полиции числилось 24 полицейских чиновника, 39 околодочных надзирателя и 132 нижних чина, т.е. 2,2 полицейских на 1000 жителей. Этот состав при условии, что полиция по-прежнему не только обеспечивала правопорядок, но и являлась исполнительным органом местной администрации, был недостаточным. По мнению виленского губернатора Е.П. Стеблин-Каменского, объем полицейской работы поставил «настоящий штат полиции в невозможность относиться с должною исполнительностью к делу, хотя бы при самом искренне честном направлении, при самой усердной и настойчивой деятельности каждого из них». В городском полицейском управлении чиновники с трудом исполняли 50 % всех видов обязанностей. Положение усугублялось низким размером жалования классных чиновников и городовых так, что оказалось «невозможно иметь сколько-нибудь соответствующих своему назначению ни участковых приставов и их помощников, ни околоточных и городовых». Виленский губернатор Е.П. Стеблин-Каменский был вынужден констатировать, что «во всей губернии между полицейскими чинами не только нет ни одного с высшим образованием, но даже почти ни одного получившего среднее образование». Полицейские чиновники «очень мало дорожат службой и заботятся только о том, чтобы приискать место, более обеспечивающее их существование, отчего состав постоянно меняется и должности замещаются лицами из разных других ведомств и нередко такими, умственное развитие и нравственное направление которых далеко не соответствует цели учреждения государственной полиции»[15]. Все это роняло престиж представителей российской власти в глазах местного населения края и не позволяло эффективно обеспечивать управление и охрану общественного порядка.

Таким образом, в правление Александра II полиция существовала в условиях временных преобразований в преддверии будущей реформы. Неслучайно в законодательных актах того времени часто встречалась оговорка о временном характере вводимых штатов или изменений. В белорусских губерниях Северо-Западного края, где в силу политических последствий польского восстания 1863–1864 гг., казалось бы, следовало ожидать мер по усилению состава и численности полиции, российские власти не пошли по пути создания разветвленного аппарата общей полиции. В деле преобразования полиции виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев выступил не столько как реформатор, сколько последовательный и профессиональный администратор, улучшивший работу и отчасти организацию местной полиции. При этом в ряде начинаний он оказался продолжателем инициатив, предложенных во время руководства его предшественника В.И. Назимова. Единственным существенным моментом стало замещение подавляющего большинства штатных должностей чиновниками православного вероисповедания. После отмены военного положения и снижения контрибуционных сборов были отменены дополнительные выплаты для чинов полиции, переводившихся на службу из внутренних губерний. Низкий престиж и материальная обеспеченность полицейской службы, сравнительная малочисленность полицейских чиновников затрудняли повседневное управление и ослабляли контроль государства над бывшей мятежной окраиной империи. В советской историографии Александра II любили критиковать за непоследовательность и компромиссный характер проводимых им реформ из-за присущих императору опасений подорвать основы своей самодержавной власти. На примере же преобразований общей полиции в белорусских губерниях можно скорее сказать, что правительство царя-освободителя гораздо больше интересовалось и занималось реформами, чем укреплением своей «властной вертикали» на местах.

[15] РГИА. Ф. 1316. Оп. 1. Д. 132. Л. 11, 7, 6, 12.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.(*).

JUDICIAL REFORM IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

УДК 94(47).081

Загорнов Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина.
Zagornov Alexsander, Candidate of Historical Sciences, Docent of Department of Theory and History of State and Law, Brest State University named A.S.Pushkin.

РЕЗЮМЕ. Статья посвящена подготовке и реализации судебной реформы 1864 г. на белорусской территории. Опираясь на широкую источниковую базу определено, что формирование мировой юстиции, комплектование адвокатуры, деятельность суда присяжных имели ряд особенностей. Делается вывод о том, что ограничения преобразования суда и отступления от принципов судебного реформирования в большинстве своем носили антипольский характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Реформа, суды, присяжные, юстиция, полонизация.

SUMMARY. The article is d voted to the preparation and implementation f the judicial reform of 1864 on the Belarusian territory. Based on a broad source base, it was determined that the formation f the world justice, the acquisition f the bar, the activi s of the jury had a number of peculiarities. he conclusion is drawn that the limitations f the transformation f the court and the deviations f om the principles of judicial reform were mostly of an antipolish nature.

KEY WORDS. Reform, courts, juries, justice poloniza on.

Судебная реформа 1864 г. стала существенным элементом преобразований, проводимых в ходе модернизации Российской империи во второй половине XIX века. Организационно и функционально правосудие должно было решить ряд государственных задач, часть из которых выходили за пределы юридической плоскости. Последовательное обеспечение самостоятельности судов, введение новых принципов в судопроизводство призвано было повысить, в том числе, и авторитет официальной власти.

Создание единого правового пространства являлось важным моментом существования Российской империи, так как позволяло обеспечить целостность государства, что было актуально для такого специфического региона, каким являлся Северо-Западный край[**].

Центральная власть исходила из представлений о территориях, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского, как исконно русских, поэтому главной задачей здесь считалось восстановление утраченных позиций и укрепление государственного единства Российской империи. К тому же, правительство настораживали «повадки всевозможного европейничанья» местного дворянства [9, с. 38].

Основным условием решения указанной задачи было устранение польского влияния. Этим диктовалась необходимость проведения активной и последовательной политики деполонизации белорусских губерний.

Назначение М.Н. Муравьева виленским генерал-губернатором произошло в условиях активных антиправительственных действий, когда решалась судьба не только Царства Польского, но всех западных губерний. Существовала реальная возможность повторения сценария Крымской войны, но уже в новых условиях, что означало опять противостояние с европейской коалицией. В этой ситуации фактор времени имел крайне важное значение, а предупреждение втягивания во внутренний конфликт внешних сил становилось ключевой задачей, от решений которой за-

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html ,

[**] Под белорусской территорией понимается Минская, Могилевская, большая часть Гродненской (Гродненский, Брестский, Волковыский, Кобринский, Пружанский, Слонимский уезды), большая часть Витебской (Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Полоцкий уезды), часть Виленской (Вилейский, Дисненский, Лидский, Ошмянский уезды) губерний, составивших вместе с Ковенской губернией Северо-Западный край

висела территориальная целостность империи. Поэтому быстрое подавление восстания 1863 г. и устранение польского влияния в белорусских землях рассматривалось правительством как меры по сохранению государственности.

Вопрос о польском влиянии сохранял свою остроту на протяжении всего периода преобразований государственных институтов. Как весьма точно отзывался современник, у правительства при решении этой проблемы «не оказалось ни традиций, ни ясного сознания своей роли» [9, с. 96]. Данный вопрос определил, во многом, и специфику реформирования судебной сферы. Возможность повторения вооруженных выступлений, антирусские и антиимперские настроения среди части местного дворянства, отсутствие ясной и долговременной политической программы правительства в отношении этой территории ограничили раскрытие всего потенциала, заложенного в судебной реформе.

После восстания 1863 г. противодействие всему польскому становится сердцевиной правительственной политики, что, безусловно, сказывается и на готовящемся судебном реформировании.

Восстание привело к тому, что все северо-западные губернии были объявлены на военном положении и управлялись по чрезвычайным циркулярам и распоряжениям. При этом, однако, власти не отказались от проведения судебной реформы здесь, предполагая, что единство таких преобразований на всей территории империи укрепит государство. Следует подчеркнуть, что подготовительные работы по изменению судебной сферы велись с использованием различных источников, анализировалось и систематизировалось законодательство и судебная практика ряда западноевропейских стран, обращалось внимание и на опыт, имеющийся в различных частях империи, в том числе и в западных губерниях.

Правительство стремилось постепенно адаптировать край с центральными губерниями империи. Судебная реформа, среди других, способствовала включению этой территории в единый государственный организм.

Для создания более благоприятных условий для такого включения Могилевская и Витебская губернии (1869 г.), а также Минская (1870 г.) были отделены от Виленского генерал-губернаторства. Такое административно-территориальное разделение должно было обеспечить скорейшую политическую и организационную ассимиляцию данных земель с центром России.

От политики примирения с поляками власть перешла к жесткому противостоянию.

При этом признавалось, что бывшие земли Речи Посполитой для государственно-правовых изменений подготовлены лучше, чем центральная часть империи. Как свидетельствовали современники, еще в 1863 г. Александр II говорил Н.Милютину, что, хотя он признает возможность представительной формы правления, но «не может дать его бунтующим полякам, не давая верноподданным русским», которые, по его словам, были еще не готовы для такого рода изменений [10, с. 266].

Задача сохранения целостности империи, актуализируемая памятью о восстании 1863 г., стала диктовать введение ограничений при проведении судебных преобразований на белорусской территории, которая могла даже лучше их усвоить благодаря опыту своего развития.

Как писал представитель высшей администрации Северо-Западного края «… здесь судебная реформа встречена будет с особой симпатией и потому еще, что она заключает в себе много начал общих со Статутом Литовским, искони действовавшим и так еще недавно отмененным» [6, л. 2 об.].

Кроме того, и министром юстиции, и виленским генерал-губернатором отмечалось, «что реформа будет иметь огромное влияние на экономическое состояние западных губерний, что, вместе с тем, она послужит к достижению тех политических целей, к коим стремится правительство, – к прекращению обособленностей польской и еврейской национальностей» [1, с. 153].

Предполагалось, что само учреждение новых судов и повышение русского участия в них показало бы, что «с введением в крае более совершенных учреждений значение отдельных национальностей все более и более умаляется, а поэтому польской и еврейской народностям при дальнейшем развитии государственных учреждений не остается ничего другого, как слиться окончательно с господствующим в крае племенем» [1, с. 153].

Считалось, что при гласности судопроизводства русский язык вытеснит польский и только судебной реформой можно положить сильное русское начало, которое необходимо для подчинения его влиянию «враждебных русским интересам религиозно-национальных особенностей страны» [1, с. 153]. Запрет официального использования польского языка в Северо-Западном крае должен был способствовать этому процессу. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев своим циркуляром от 1 января 1864 г. воспретил пользоваться им в официальной переписке и в присутственных местах [8, с. 40]. При этом, в целом на территории Российской империи польский язык не запрещался.

Глубокое преобразование судебной системы требовало кардинальных изменений в кадровой политике, так как местных кадров, лояльных власти, явно не хватало.

Известно, что к маю 1864 г. в Северо-Западный край по призыву генерал-губернатора приехало более 1000 чиновников из внутренних губерний, а «в течение всего управления М.Н. Муравьева прибыло свыше 3000 человек» [14, с. 62]. Далеко не все они подходили для службы и значительная часть из них была отправлена обратно [14, с. 62-63].

Чтобы изменить ситуацию с комплектованием судебных учреждений, особенно местного уровня, правительство предпринимало законодательные меры по усилению русского землевладения в Северо-Западном крае.

Указ от 5 марта 1864 г. предоставлял льготы русским помещикам при покупке имений в западных губерниях [11].

В 1865 г. были установлены пониженные цены на конфискованное имущество для увеличения притока русских помещиков в Западный край [12].

10 декабря 1865 г. вышел указ о запрещении полякам приобретать имения в 9 западных губерниях [13]. Все сделки, противоречащие этому закону, считались недействительными. Допускалось только наследование по закону. Высланные в связи с восстанием 1863 г. владельцы секвестрированных имений обязывались в течение двух лет продать их лицам русского происхождения или обменять их на имения в другой части империи [2, с. 135-141].

После официального введения в действие Судебных уставов в 1864 г. подготовительные работы по преобразованию судебной системы на белорусской территории ускорились. Например, генерал-губернатор Северо-Западного края К.П. фон Кауфман в сентябре 1865 г. предложил гродненскому губернатору, чтобы председатели палат уголовного и гражданского судов и прокурор в соответствии с инструкцией министра юстиции представили сведения по введению судебных уставов в Гродненской губернии «с условием, конечно, некоторых временных отступлений, вызываемых настоящим положением края, не вполне еще соответствующего всецелому применению гласного, основанного на выборном начале, судопроизводства» [7, л. 2].

Среди ограничений судебной реформы выделяется установление принципа назначения мировых судей вместо выборности. По мнению генерал-губернатора, если этого не сделать, то в мировые учреждения попадут в основном представители «полякующего еще дворянства и шляхты» и польское влияние в крае только усилится [7, л. 3]. Еще одно предлагаемое для обсуждения отступление заключалось в существенной корректировке формирования суда присяжных и адвокатуры. Так, помимо общих условий, закрепленных уставами, присяжные заседатели и поверенные должны были быть «православного вероисповедания и хорошо умеющими читать, писать и говорить по-русски» [7, л. 1]. Таким образом, усиливался «русский элемент» в целом и, особенно, обеспечивалось его определяющее влияние в суде. Отзывы председателей гражданского и уголовного суда Гродненской губернии, а также губернского прокурора позволяют определить подходы к разрешению «польского вопроса» на белорусской территории. С одной стороны, например, указывалось, что недопущение местных юристов «из поляков» в адвокатуру противоречило бы «всем юридическим понятиям и в особенности состязательному началу, проводимому реформою» [7, л. 12 об.]. С другой, предлагалось самым существенным образом ограничить, иногда до полного исключения, участие «лиц польского происхождения» в судебных учреждениях, особенно в системе местных судов.

Одним из представителей этой точки зрения был гродненский губернский прокурор Миловецкий, который в своем отзыве писал, что «при выборном начале мировые судьи в западных провинциях, без сомнения, будут, по большей части, состоять

из лиц польского происхождения, столь враждебных для России», «эти лица будут одними из самых усерднейших деятелей польской пропаганды». Поэтому, «должности мировых судей в Западном крае необходимо заместить лицами русского происхождения, подобно тому, как это сделано в западных губерниях в отношении мировых посредников» [7, л. 14–14 об.].

Важным моментом судебного реформирования, по мнению прокурора, является, как и указывал генерал-губернатор, формирование состава присяжных заседателей. Предлагалось расширить права крестьян по избранию в заседатели. В частности, допускать не только крестьян, занимающих какую-либо должность в органах крестьянского самоуправления, но также просто авторитетных и влиятельных. Обращает на себя внимание, что данное предложение касалось и православных, и католиков, так как крестьянство, в целом, проявило лояльность правительству во время восстания 1863 г. и поэтому заслуживало доверия.

Такое расширение прав крестьян позволяло ограничить или, во всяком случае, уравнять возможности достаточно многочисленной «прежней польской шляхты, обращенной в последнее время в податное состояние» и проживающей в сельской местности, быть избранной в присяжные заседатели [7, л. 15 об.].

Таким образом, администрация Северо-Западного края считала, что важнейшим компонентом судебной реформы на подведомственной территории являлось противодействие польскому влиянию и в этом смысле решение «польского вопроса» виделось в ограничении участия местного ополяченного дворянства в формировании новой судебной системы.

Иллюстрацией роста антипольских настроений среди высших чиновников на белорусской территории, вызванных, в первую очередь, конечно, восстанием 1863 г., может служить отзыв гродненского губернатора генерал-губернатору края по вопросу введения судебной реформы. Так, он подчеркнул, что «находясь в западных губерниях довольно долгое время и постоянно следя за достоинством чиновников-поляков, я положительно знаю, что с такими юридическими качествами, каких требует закон, служащих, особенно по судебной части почти не было» [4, л. 55-55 об.]. Мнение губернатора подтверждало общую установку на ограничение положений судебных уставов в части формирования мировой юстиции (назначение вместо выборов), комплектования адвокатуры (ограничение польского участия, что противоречило осторожно высказанному мнению местных юристов о существующей здесь традиции организации защиты вплоть до 1840 г.), учреждения суда присяжных (расширение прав крестьян избираться в состав присяжных заседателей, снизив имущественный и образовательные цензы).

Примечательно, что судебным преобразованиям, проводимым в этой части империи, некоторым высокопоставленными чиновниками придавалось большое значение не только в плане совершенствования правосудия и приведение его в соответствии с западноевропейским уровнем, но, в более широком контексте, как средство распространения русской культуры.

В качестве примера можно привести автора всеподданнейшей записки о введении судебной реформы в Северо-Западном крае, поданной императору в 1869 г. Автором, скорее всего, являлся генерал-губернатор края. В частности, он писал, что изменения в судебной сфере следует рассматривать «как могущественное орудие для полного обрусения края». Новые судебные учреждения «с мировым институтом и исключительно русским составом, чиня суд и правду, получат не только гражданское, но и бытовое значение». При этом «язык же русский, при условии гласности и судоговорения, неминуемо вытеснит польский и сделается общеупотребительным» [6, л. 2 об. 3]. В записке содержалось также положение о службе лиц польского происхождения в судебном ведомстве на территории края. Автор исходит из того, что запрещение служить – это, конечно, несправедливо, а допустить – расширить их «вредное влияние». Поэтому целесообразнее не разрешать полякам занимать должности в судебных палатах, окружных и даже мировых судах [6, л. 5-5 об.].

Правительство решило вводить судебные уставы на данной территории постепенно и к тому же со значительными отклонениями от первоначального плана. Вначале были организованы мировые учреждения отдельно от общих, что нарушало целостность судебных преобразований.

Мировые суды

По основным законодательным актам судебной реформы мировому суду отво-

дилось важное место. Так, в четырех судебных уставах данному суду было посвящено: «Учреждение судебных установлений» – первый раздел (из девяти); «Устав гражданского судопроизводства» – первая книга устава (из трех); «Устав уголовного судопроизводства» – полностью.

Таким образом, в общем законодательном объеме мировой суд превосходил другие новые судебные учреждения, что свидетельствовало о высокой роли, которая отводилась ему в реформируемой судебной системе.

Важным моментом подготовки к введению мировой юстиции на территории Беларуси был сбор и публикация судебно-статистических сведений и мнений лиц судебного ведомства о применении судебных уставов.

Обобщая собранные судебно-статистические сведения специальная комиссия при департаменте министерства юстиции определила основные параметры введения мировой юстиции на белорусской территории. Комиссия указала на невозможность допустить здесь выборность мировых судей. Их увольнение и назначение должно быть предоставлено на усмотрение министра юстиции, чтобы избежать ошибочных кадровых решений и освободить судей от влияния местной администрации [15, с. 11].

По губерниям необходимо было определить следующее количество мировых судей: по Гродненской – 36, по Минской – 32, по Витебской – 33, по Могилевской – 39, по Виленской – 24 [15, с. 43, 47, 50, 66, 68].

В соответствии с «Временными правилами об устройстве мировых судебных установлений в девяти западных губерниях впредь до введения земских учреждений» утвержденных 23 июня 1871 г. мировые судьи не избирались, а назначались правительством [5, с. 21].

Мировые суды были открыты: в Виленской губернии – 1 марта 1872 г., Витебской и Могилевской – 2 апреля 1872 г., Гродненской и Минской – 20 апреля 1872 г. [5, с. 18].

Отсутствие выборности судей было обусловлено, в первую очередь, недоверием правительства к местному дворянству, а формальным поводом явилось то, что в крае еще не были введены земства, при участии которых и должны проходить выборы мировых судей [3, с. 21].

Следствием такого положения дел при формировании мировой юстиции стало сохранение влияния администрации на систему местных судов, что явно противоречило одному из основных принципов судебного реформирования.

От кадрового состава этих судов, также как и общих, напрямую зависел успех преобразований судов на белорусской территории. Поэтому в одном из решений Государственного Совета четко указывалось, чтобы министр юстиции назначал на судебные должности исключительно лиц «непольского происхождения» [8, с. 85].

Для расширения круга кандидатов на должность мирового судьи специально был снижен имущественный и образовательный ценз [5, с. 21-24]. Это давало возможность привлекать к занятию указанной должности всех подходящих по своим качествам чиновников и землевладельцев русского происхождения, прибывающих в край.

В каждом уезде для составления списков кандидатов в мировые судьи образовывались временные уездные комиссии (по распоряжению губернатора и под председательством уездного предводителя дворянства). Их состав был следующим: мировой посредник по выбору уездного мирового съезда, уездный исправник, полицмейстер, чиновник ведомства государственных имуществ, городской голова, кроме того, включались еще все мировые посредники уезда и местный уездный судья (ст. 2). Составленные комиссиями списки поступали губернатору и, «по совещании его с предводителями дворянства губернским и уездным губернского города, городским головою сего города, губернским прокурором и председателями судебных палат, представляются, с заключением сего присутствия, министру юстиции» (ст. 4) [5, с. 22-24]. В соответствии с временным расписанием участковым мировым судьям было предусмотрено: для Виленской губернии – 28, Минской – 36, Витебской – 35, Могилевской – 35 [5, с. 31].

В целях повышения привлекательности должности мирового судьи в западных губерниях был использован материальный фактор. Так, ежегодный оклад участкового мирового судьи в этих губерниях составлял 2000 рублей (при штатном определении в

1500 рублей), а с 1 июля 1874 года был повышен еще на 700 рублей [5, с. 32].

При введении мирового суда антипольский аспект проявился очень четко, определяя, по сути, форму и характер мер правительственного противодействия возможному восстанию. Так, минский, витебский, могилевский, гродненский губернаторы в отношениях министру внутренних дел в 1871 г. просили сохранить в действии распоряжения о запрещении употреблять польский язык в официальной переписке в государственных и общественных учреждениях, о запрещении обучать крестьян польской грамоте, о запретах распевания польских патриотических гимнов, ношения траура как политической демонстрации, употребления польских национальных эмблематических знаков, открывать публичные библиотеки польских книг, крестных ходов вне костелов и т.д. [1, с. 156].

Суд присяжных

19 июня 1877 г. император Александр II утвердил мнение Государственного Совета о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. в полном объеме в 9 западных губерниях, к которым относилась и белорусская территория. Закон был обнародован в августе.

В нем говорилось и о суде присяжных, формирование состава которого на данной территории регулировалось с отступлением от общих правил.

Состав временных комиссии по каждому уезду при отсутствии земских учреждений формировался особым образом: в него входили уездный предводитель дворянства, все местные мировые судьи, мировые посредники, уездный исправник и полицмейстер [5, с. 2].

Важно отметить, что и проверка списков присяжных заседателей, составленных уездными комиссиями, отличалась от порядка, закрепленного ст. 94-96 Учреждения судебных установлений. Так, например, губернская комиссия, в состав которой входили, помимо губернатора, губернский предводитель дворянства, председатели местных окружного суда и съезда мировых судей, прокурор окружного суда, имела право исключать из списков кандидатуры без указания причин (указание причин требовалось по ст. 94). Более того, постановления комиссии по исключению из общих списков присяжных заседателей не подлежали обжалованию, что в свою очередь противоречило ст. 95-96 УСУ [5, с. 2].

Следующим, отличительным от общего порядка, был вопрос о количестве евреев, вносимых в список присяжных заседателей, что вообще не было отражено в главе 2 «О присяжных заседателях» УСУ.

Так, отмечалось, что при составлении очередных и запасных списков присяжных заседателей необходимо было соблюдать, чтобы число евреев, вносимых в эти списки, «соответствовало процентному отношению общего числа их в каждом уезде к численности всего населения уезда» [5, с. 2].

Старшина присяжных заседателей обязательно должен был быть избираем из «лиц христианских исповеданий» [5, с. 3].

Суд присяжных был краеугольным камнем реформы уголовной юстиции Российской империи. Само участие присяжных заседателей уже предполагало демократическую процедуру судебного разбирательства и противоречило обвинительному уклону в сфере уголовного судопроизводства.

Этот институт стимулировал состязательность процесса, совершенствовал создание доказательной базы, повышал профессиональный уровень юристов, положительно влиял на рост правового сознания населения.

Заключение

Правительство считало, что недостаточно высокий уровень благонадежности дворянства белорусской территории, обусловленный, прежде всего, сохранением польского влияния, не позволял провести здесь судебную реформу «без изъятий».

Только в 1883 г. на белорусской территории начали действовать окружные суды и открылась Виленская судебная палата. Таким образом, через 19 лет после официального провозглашения судебных уставов они в полном объеме были распространены на указанных землях. За это время изменилась политическая ситуация в стране, а некоторые положения судебной реформы подверглись значительной корректировке.

Преобразования 1864 г. кардинально изменили судоустройство и судопроизводство. В судебной сфере утверждались новые демократические принципы и институты. Эти порядки вступили в противоречие с основами государственной власти – абсолютистской формой правления и сословным строем.

Подготовка и осуществление судебной реформы на белорусской территории были тесно связаны с решением «польского вопроса». В его разрешении преобладали запрещения и ограничения, к тому же, как показала практика, проводимые непоследовательно из-за колебаний правительственного курса.

Сама судебная реформа должна была соответствовать главной цели правительственной политики – укреплению позиций центральной власти в этом регионе. Ослабление польского влияния было ее важнейшей составляющей.

По существу, антипольский компонент, включающий в себя запрет полякам занимать судебные должности, назначение мировых судей, ограничение польского участия в составе коллегии присяжных заседателей, распространение русского языка в судопроизводстве определил специфику судебных преобразований в этой части империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Белевич, Ф.Р. Судебная реформа 1864 г. и политика русского самодержавия по отношению к лицам польского происхождения в Белоруссии / Ф.Р. Белевич // Материалы к IX конференции молодых ученых. Общественные науки / Минск, 1964. – С. 64-70.

2 Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 272 с.

3 Марыскин, А.В. Судебная реформа 1864 года и особенности ее проведения на территории Белоруссии : автореф. дис. …канд. юрид. наук. / А.В. Марыскин. – М., 1985. – 24 с.

4 Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 6. Д. 451.

5 Певзнер, Б.В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае / Б.В. Певзнер. – Житомир: Волынская губернская типография, 1880. – 351 с.

6 Российский государственный исторический архив (далее РГИА). – Ф. 1405. Оп. 534. Д. 851.

7 РГИА. – Ф. 1405. Оп. 64. Д. 5784.

8 Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С.М. Самбук; редактор В. П. Панютич; Академия наук БССР, Институт истории. – Мн.: Наука и техника, 1980. – 221 с.

9 Филевич, И.П. Польша и польский вопрос / И.П. Филевич. – М.: Б/и, 1894.

10 Чубинский, М.П. Судебная реформа. / М.П. Чубинский // История России в XIX веке. Эпоха реформ. – М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2001. – С. 234-270.

11 Полное собрание законов Российской империи, 2 собр., T.XXXIX, № 10656A.

12 Полное собрание законов Российской империи, 2 собр., T.XLII, № 42328A.

13 Полное собрание законов Российской империи, 2 собр., T.XL, II отд., № 42759.

14 Комзолова, А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М. : Наука, 2005. – 383 с.

15 Судебно-статистические сведения и соображения о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. Спб.: Сенат.тип., 1866. Ч.3. – 390 с.

ПОЛИТИКА М. МУРАВЬЕВА В ОТНОШЕНИИ ПРАВОСЛАВИЯ В БЕЛОРУССИИ.(*).

THE POLICY OF M. MURAVYEV IN REGARD TO ORTHODOXY IN BELARUS.

УДК 94(47).081

Линкевич Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Linkevich Viktor Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General and Slavic History of the Grodno State University named after Yanka Kup la.

РЕЗЮМЕ. В статье исследуется конфессиональная политика российских властей в Северо-Западном крае. Указана роль, которую в этой политике играл император Александр II, генерал-губернатор М.Н. Муравьёв и другие российские чиновники.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. М.Н. Муравьёв, Православие, Римокатолицизм, восстание 1863 – 1864 гг. митрополит Литовский Иосиф (Семашко)

SUMMARY. The article xamines the confessional policy of the Russian authorities in the North-West Territory. The role played in this policy by Emperor Alexander II, Governor-General M.N. Muravyov and other Russian official
KEY WORDS. M.N. Muravyov, Catholicism,the uprising of 1863 - 1864, the Metropolitan of Lithuania Iosif (Semashko)

В середине XIX в. в Белоруссии, являвшейся составной частью Российской империи формально «господствующей» и «первенствующей» верой было православие. В этой связи православное духовенство обладало монополией на осуществление миссионерской деятельности и пользовалось определенной поддержкой со стороны светских властей. В то же время прозелитизм в отношении православного населения запрещался. Тем самым как бы создавались благоприятные условия для расширения православия.

Однако в реальности ситуация в тогдашнем Северо-Западном крае была гораздо сложнее. В силу того обстоятельства, что представители привилегированного сословия белорусских губерний – дворянства, а также значительная часть местных чиновников выступали носителями польскости и придерживались римско-католического вероисповедания, православная церковь здесь не только не ощущала должной государственной поддержи, но и в ряде случаев испытывала стеснения. На это неоднократно указывал и литовский митрополит Иосиф (Семашко). Так, в частности, в секретном рапорте на имя обер-прокурора Синода Протасова от 10 января 1855 г. церковный иерарх отмечал «что православные в сказанных двух губерниях (авт. Виленской и Гродненской) состоят почти из одних крестьян, а почти все помещики принадлежат римско-католическому вероисповеданию и так называемой польской касте. Следовательно, православные вполне зависят по крепостному праву от сих иноверцев и инородных помещиков» [1, с. 543]. Среди чиновников разного уровня абсолютное большинство также составляли иноверцы. «Таким образом, – делал вывод И. Семашко, - православное население Виленской и Гродненской губерний, числом почти в 700 тыс. народа, зависит почти совершенно от произвола римлян, господствующих от оных посредством помещиков и посредством местных правительственных и судебных властей. Духовенство православное в такой же зависимости, и посредством своих прихожан, и по необходимым житейским потребностям» [1, с. 545].

Ситуация усугублялась и неудовлетворительным материальным положением основной части духовенства и таким же состоянием православных храмов. Неслучайно М. Коялович в 1962 г. с горечью писал: «Я видел теперь ещё целые десятки церквей, которые остаются закрытыми за неимением средств к их возобновлению, и еще более таких, в которых хотя совершается богослужение, но среди такой бедности и с такими затруднениями, что, право, если бы не видел это сам, то не поверил

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html

бы» [2, с. 197]. И в этой связи нельзя не согласиться с утверждением российского исследователя С. Римского о том, что нищета духовенства, особенно сельского и жалкое состояние православных храмов «резали глаз» в сравнении с бытом католических пасторов и костелом [3, с. 225]. Предпринятые ранее меры по исправлению такого положения в силу их половинчатости, кое-где непродуманности и непоследовательности при реализации не дали желаемого результата. В итоге само правительство вынуждено было признать, что положение православия далеко не соответствует тому, какое должна занимать господствующая церковь в крае [4].

Польское восстание 1863 – 1864 гг. наконец заставило российские власти принять конкретные меры по деполонизации тогдашнего Северо-Западного края и его интеграции с основной частью Российской империи. Особая роль в этом важном деле отводилась православной церкви. Активным сторонником и проводником в жизнь данного курса стал виленский генерал-губернатор Михаил Николаевич Муравьев, который справедливо полагал, что без православного духовенства осуществление намеченных целей невозможно.

Сразу же после усмирения восстания М. Муравьёв выступил с целостной программой мер по укреплению в крае русских начал. В записках на имя царя от 14 мая 1864 года и от 5 апреля 1865 года он развил собственные воззрения на сущность правительственной политики в крае. В числе первых мер им было названо «возвышение и упрочнение православия как носителя русского народного духа» [3, с. 245]. По его проекту поддержка официальной церкви должна была выражаться в мерах по материальному обеспечению за счет правительства; в передаче народного образования в руки духовенства; в отпуске 500 000 руб. на строительство православных храмов; учреждении в Вильно духовной академии и замене бывших униатских священников духовными лицами из внутренних губерний России.

Эти предложения были одобрены Александром II. Вскоре последовал ряд указов и распоряжений по поддержке православия. Так, 28 августа 1863 года попечитель Виленского учебного округа А.П. Ширинский-Шахматов издал распоряжение об освобождении детей православного духовенства от платы за обучение. 6 октября 1864 года появился закон, разрешивший принимать в северо-западных губерниях на гражданскую службу детей церковнослужителей – низшей части клира.

Было принято решение о материальной поддержке православного духовенства. На эти цели было выделено 115 тыс. руб. 25 мая 1864 года царь утвердил предложение Синода об увеличении ассигнований на выплату окладов священнослужителям. Их жалование в 1864 году почти удвоилось. Городские священники стали получать по 400 руб., а сельские – около 220 руб.[4, с. 247 – 248]. Была оказана денежная помощь духовным лицам, потерпевшим от восстания [5, с. 64] .

Кроме того, в каждом приходе были созданы церковные советы, задачей которых стало наблюдение за ходом строительства и ремонта церквей, пополнение ризниц, забота о храмах и духовенстве. Они получили право проводить сборы по приговорам приходской общины. В результате развернулась активная храмостроительная деятельность. За короткий период (с 1863 по 1865 г.) за счет государственных средств и многочисленных народных пожертвований были возведены 98 новых церквей, отремонтированы – 126, перестроены из костельных зданий – 16, из каплиц 3, а также построены 63 часовни [6, с. 21 – 22]. Среди них следует отметить построенные в это время Свято-Симеоновский собор в Бресте, церковь преп. Марии Египетской в г. Вилейка (нынешняя Минская обл.), Свято-Михайловскую церковь в г. Щучине (Гродненская обл.), Свято-Николаевскую церковь в г. Горки (Могилевская обл.) и другие сохранившиеся до наших дней храмы-памятники архитектуры [2, с. 201]. Новые церкви благодаря М. Муравьеву были оснащены иконами и богослужебной утварью [2, с. 200].

Одновременно с расширением сети православных храмов принимались меры по возврату в православие так называемых «совратившихся». Переходы католиков в православие приняли массовый характер. За несколько лет после восстания 1863 года в целом по Российской империи православие приняли более 80 тыс. человек. Большая часть этих переходов приходилась на Литовскую (Виленская, Гродненская и Ковенская губернии) и Минскую епархии – соответственно 30 и 37 тысяч человек [5, с. 72]. Временами переходили целыми семьями или даже приходами [7, с. 4]. Такие действия всегда встречали всяческую поддержку со стороны М. Муравьева. Так, например, в октябре 1864 г. православие приняли жители государственного имения Куродичи (270 чел.). Вскоре последовало распоряжение виленского генерал-губернатора об устройстве там православной церкви и организации прихода, а также

передаче местному духовенству необходимого имущества и учреждении сельского приходского училища. Минскому архиепископу были высланы 400 мельхиоровых наперстных крестиков для раздачи новообратившимся крестьянам [8, с. 343 – 344].

Еще одним важным мероприятием правительства в западных губерниях стало усиление русского элемента в местном административном аппарате. На место чиновников-поляков (политически неблагонадежных) назначались чиновники, имевшие русское происхождение и православное вероисповедание, прибывшие из внутренних губерний России. Эта акция начала проводиться еще в период восстания, но касалась главным образом служащих учреждений, имевших отношение к крестьянам. После усмирения восстания по инициативе М. Муравьёва, санкционированной Западным комитетом и утвержденной Александром II, решено было во всех местных государственных учреждениях усилить русско-православное присутствие. Для проверки благонадёжности назначаемых на должности требовалось предоставлять генерал-губернатору все сведения не только о них, но и о членах их семьи, особенно о жёнах, главным образом о вероисповедании последних. В 1865 году эта работа была в основном завершена.

Аналогичные меры были приняты и в отношении учебных заведений. М. Муравьев полагал, что образование должно содействовать утверждению в народной среде веры предков и поэтому необходимо подчинить школы православному духовенству, что и было сделано. Одновременно шло пополнение кадров учителей за счет воспитанников семинарий из великорусских губерний, которые сюда прибыли по приглашению виленского генерал-губернатора [9, с. 194]. Определенные положительные изменения произошли и в конфессиональном составе учащихся школ. Так, например, число учеников православного вероисповедания в гимназиях увеличилось на 33 %, а католического – уменьшилось на 56 % [10, с. 37].

Таким образом, благодаря энергичной и целенаправленной деятельности Михаила Николаевича Муравьева авторитет и влияние православия в Белоруссии значительно возросли. Однако не все из того, что было намечено, удалось осуществить до конца. Должность генерал-губернатора М. Муравьев занимал недолго, а последующие начальники Северо-Западного края должной решительности и настойчивости в проведении избранного курса в большинстве своем не демонстрировали.

Список источников и литературы

1. Иосиф (Семашко). Записки Иосифа, митрополита Литовского. В 3 т. / Семашко Иосиф. – СПб.: тип. Императорской академии наук, 1883. – т. 3. – 1883. – 606 с.

2. Носко, М.М. Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев и православное храмостроительство в Беларуси / М.М. Носко // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. – Мн.: Экономпресс, 2006. – С. 196 – 202.

3. Римский, С.В. Православная церковь и государство в XIX веке / С.В. Римский. – Ростов н/Д.: АООТ «Ростовское книжное издательство», 1998. – 336 с.

4. Комзолова, А. Западный Комитет (1862–1864 гг.) и виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев / А. Комзолова // Западная Русь научно-просветительское интернет-издание [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа:htt //zapadrus.su/zaprus/istbl/748-zapadnyj-komitet-1862-1864-gg-i-vilenskij-general-gubernator-m-n-muravev.html. – Дата доступа: 05.11.2016.

5. Канфесіі на Беларусі (п. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор'ева [і інш.] – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

6. Миловидов, А. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при графе М.Н. Муравьеве / А. Миловидов. – Вильно, 1913. – 51 с.

7. Литовские епархиальные ведомости за 1868 год. – Вильно, 1868. – С. 102 – 103.

8. Пятчыц, А. Пашырэнне праваслаўя ў Беларусі ў сярэдзіне – другой палове XIX ст. / А. Пятчыц // Беларускі гістарычны агляд. – 2000. – т. 7. – с. 327 – 350.

9. Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 272 с.

10. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века / С.М. Самбук. – Минск.: Наука и техника, 1980. – 224 с.

ГРАФ МИХАИЛ МУРАВЬЕВ-ВИЛЕНСКИЙ КАК ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ИСТИННЫХ «БЕЛОРУСИЗАТОРОВ» БЕЛОЙ РУСИ.(*).

GRAF MIKHAIL MURAVYOV-VILENSKY AS ONE OF THE FIRST TRUE "BELORUSISERS" OF WHITE RUSSIA.

.

УДК 930.85(008)

Игорь Федорович Зеленковский, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

РЕЗЮМЕ. В статье рассмотрены вопросы русификации и белорусизации их формы и цели. Дано определение белорусскому национализму как криптополонизму. Дана характеристика роли графа Муравьева в белорусском духовном возрождении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Граф Муравьев-Виленский, крипотполнизм, белорусизауция, русификация

SUMMARY. The article onsiders the issues of Russi cation nd Belarusianization f their form and purpose. The defin tion f Belarusian nationalism as cryptopolonism is given. Characteristics o the role of Graph Muravyov-Vilensky in the Belarusian spiritual revival are given.

KEY WORDS. Graph Muravyov-Vilensky, cryptopolonism, Belarusianiza on, Russi catio

С девяностых годов двадцатого века появилась возможность пересмотра многих концепций советской историографии, осью, и одновременно жестким футляром которой, был «Краткий курс истории ВКП(б). Были открыты для исследований многие источники, без анализа которых, невозможна объективная оценка как прошлого, так и современного ландшафта общественно-политической жизни.

В изучении исторической роли графа Михаила Николаевича Муравьева-Виленского также открылись, во многом намеренно забытые факты, показывающие многогранность его личности, бывшей многократно сложнее того примитивного портрета «вешателя», который первыми нарисовали даже не польские мятежники, а российские либералы-западники. Этот портрет «держиморды» и «душителя революционных масс» затем усилился мазками советской историографии. Последние четверть века в Белоруссии, стараниями ряда литвинствующих национально-центричных историков был создан окончательный образ ужасного и кровавого «палача» белорусов. То есть, перед нами пример политической кухни по рецептуре еще со времен польских мятежей. Сегодня белорусской националистической пропагандой состряпано чудовище, подобное Дракуле, но российского происхождения. Цели понятны. Но, как голливудский Дракула далек от исторического Влада Цепеша, так в еще большей степени «людоед–вешатель белорусов» не имеет ничего общего с реальным графом Михаилом Муравьевым-Виленским.

Среди множества обвинений в адрес графа Муравьева есть и такое, что он был одним из основных и последовательных русификаторов Северо-Западного края, и тем, якобы, затормозил становление и развитие белорусской национальной культуры.

Поскольку в республике Беларусь сейчас постоянно, и особенно в националистических кругах, звучит тема белорусизации, то, говоря о Муравьеве, следует коснуться этого актуального вопроса, попутно рассмотрев, чем же являлась русификация в Северо-Западном крае в 19 веке, какую роль она сыграла в развитии белорусской культуры, и что из себя представляет сама белорусизация.

Да, русификация белорусских губерний была частью политики царского правительства. Правда, она была крайне непоследовательной и скорее вынужденной, в ответ на нелояльность польской шляхты. Русификацию следует рассматривать не как простое внедрение русского зыка в школьную программу и делопроизводство, а как целый комплекс мер по возвращению белорусов из польско-католического культур-

*.Текст доклада на международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского. http ://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2016-g/gr-mv.html

ного засилья к своим истокам - к православной традиции. В программу русификации также входило просвещение белорусского крестьянства с целью появления из его среды интеллигенции и чиновничества, для которого русское государство было бы своим.

Славянофилы 19 века русификацией считали возвращение к «духовным началам», в данном случае православию. Иван Сергеевич Аксаков утверждал, что там на Западных русских окраинах «не язык служит исключительным признаком той или другой нации, а непременно вероисповедание». Поэтому никакого противоречия между русификацией, проводимой российским правительством и развитием белорусского народа не было. Предки современных белорусов, а это в основном крестьяне, называли себя ни как иначе как русские. Как народ они сформировались из нескольких восточнославянских племен после Киевского Крещения в составе Древней Руси. Долгое время современная белорусская территория входила в состав Великого Княжества Литовского, Русского и Жаймотского, в котором государственным языком был западнорусский извод древнерусского письменного языка. Именно поляками западнорусский язык, или как его сейчас называют белорусские филологи старобелорусский (хотя современники называли его просто русским) был запрещен в 1696 году. К моменту вхождения белорусских земель в состав Российской империи во времена Екатерины II, вся местная элита, носительница высокой культуры, была ополячена, западнорусский язык был окончательно забыт, образование и делопроизводство было только на польском, а православие пребывало в плачевном состоянии. Иван Сергеевич Аксаков писал о том времени и Речи Посполитой «что русская народность подверглась в нём и политическому и социальному и духовному воздействию польской национальности, что три могучие силы: религия, цивилизация и землевладение служили в нём до последнего времени польской исторической идее».

Постепенное возвращение народа из унии в православие, с окончательным разрывом с ней на Полоцком соборе в 1839 году тоже можно рассматривать как русификацию в ключе возвращения белорусов к своим истокам и духовному возрождению. Строительство новых церквей и приходских школ, где давалась образование крестьянским детям – это пример просвещения белорусского народа. У белорусских крестьян для получения образования не было иного языка как общерусский литературный. При этом допускалось начальное обучение на понятном местном наречии. Таким образом русификация была процессом культурного возрождения белорусского народа. Решительную роль в этом сыграл именно граф Муравьев Виленский. Только за 2 года его пребывания на посту генерал-губернатора было построено 98 церквей с приходскими школами.

Интересно еще раз обратиться к тому, что в то время говорили славянофилы, и в частности Аксаков: «белорусский крестьянин ***«должен почувствовать себя, прежде всего белорусом»***. Сделать же из него великорусского мужика нет надобности». Поэтому Аксаков предлагал учить белорусского крестьянина «читать и писать сперва по-белорусски, а потом непременно и по-русски, и по церковно-славянски, что после белорусской грамоты ему дастся легко» «Белорусов, мы считаем своими братьями, по крови и по духу… и горе, и испытания, и труды, и победы, должны быть единые, общие, которую не напрасно вновь соединила история, но которой члены, как и в человеческой семье, нисколько не теряют от того своей личности и своей особенности». Вот в чем был на самом деле смысл политики русификации, в которой не было никакого угнетения, а только забота о просвещении и развитии народа. Именно этому следовал в своей деятельности граф Муравьев-Виленский, проводя крестьянскую и образовательные реформы в Северо-Западном крае.

В то же время, и параллельно с так называемой «русификацией», в среде польской шляхты в малороссийских и белорусских губерниях появилось движение «хлопоманство». После поражения польского мятежа его участники задались целью начать **контррусификацию** через пропаганду якобы настоящего украинского и белорусского языков, далеко стоящих от русского. Хлопоманы активно занимались изучением этнографии и истории с целью обоснования отдельности трех ветвей русского народа. Также они активно занимались литературной деятельность на смеси польского с малороссийским или белорусским наречиями, и зачастую на польской или чешской латинице. Это было такое заигрывание с бывшими холопами и отсюда получило название «хлопоманство».

Для литературного творчества и создания новых языков хлопоманы зачастую использовали речь панской дворни, говорящей в угоду своих хозяев на своеобразном «пиджин» - смеси своего наречия с польским.

Одними из первых «белорусских» хлопоманов были так называемые патриархи белорусской литературы: Винцент Дунин-Марцинкевич и Франциск Бенедикт Казимирович Богушевич. Оба польские шляхтичи, католики, один из них активно помогал польским повстанцам, а другой принимал непосредственное участие в польском мятеже 1863-1864 годов. Их родным языком был польским, на нем они в основном и писали, а так называемые «белорусские» произведения создавали на пиджин-польском и на латинской графике. Эти панове как раз и основали направление белорусской литературы и языка, который, однако, вплоть до революции был мало кому известен, а основной печатный орган на нем газета «Наша нива» не пользовался популярностью. Надо отметить, что в среде белорусских писателей были и те, кто стоял на славянофильских позициях и идеях русского единства. Самым ярким из них был поэт Максим Богданович, предки которого были из крестьянки православной среды. Например, на смерть Ивана Франко Богданович писал «В его лице одна из ***русских литератур*** — литература украинская — понесла тяжелую утрату».

Примечательно, что появлению гения Максима Богдановича белорусская культура обязана именно русификаторской политике графа Муравьева-Виленского. Отец поэта Адам Григорьевич, сын простого крестьянина из белорусского местечка Хлопеничи Борисовского уезда Минской губернии стал российским чиновником средней руки, благодаря тому, что получил начальное образование в приходской школе при Свято-Успенская церкви-муравьевке. И церковь, и школа были построены в 1863 году в рамках вышеупомянутого плана культурного возрождения и массового просвещения белорусского крестьянства, разработанного графом Муравьевым-Виленским. И как бы нынешние белорусские националистические круги уничижительно не говорили о «муравьевках» и приходских школах, но Максим Богданович и его отец являются яркой иллюстрацией подлинных целей и достижений «русификации», благодаря которой из крестьянской среды появилась народная белорусская интеллигенция, стоявшая на западнорусских позициях общерусского единства. Именно представители этого направления, в отличии от пропагандируемой ныне псевдобелорусских хлопоманов из польско-шляхетских кругов, дали белорусской культуре и науке целый ряд по-настоящему значимых и талантливых литераторов и ученых с мировым именем, явив собой феномен «западнорусского возрождения» во второй половины 19 - начале 20 веков. Это «западнорусское возрождение», как следствие «русификаторской» политики Муравьева-Виленского, с точки зрения А.Ю. Бендина «означал защиту социально-экономических интересов белорусского крестьянства; укрепление религиозных, социальных и культурных позиций православия; уменьшение влияния Католической церкви и развитие народного просвещения».

Однако, после Октябрьской революции естественный процесс белорусского просвещения в рамках более широкого «западнорусского возрождения» был искусственно и грубо прерван. В новообразованных национальных республиках в 20-30 годах советской властью проводилась политика «коренизации». На Украине и в Белоруссии за основу «коренизации» были взяты идеи национал-демократической интеллигенции, которые были идейными последователями хлопоманства 19 века. Эта политика советской коренизации, то есть отрыва белорусов и украинцев от общерусской культуры и стало называться украинизацией и белорусизацией.

Белорусизация не ограничивалась только языковой политикой, а была комплексной, включая и дехристианизацию и фальсификацию истории по лекалам, составленным еще хлопоманами от истории, такими как Владимир Бонифатьевич Антонович. Как раз учениками Антоновича в Киевском университете и были основоположники украинской и белорусской историографий, востребованные советской властью - Грушевкий и Довнар-Запольский. Эта искаженная белорусизация в форме хлопоманской контррусификации, модернизированной под большевистский запрос разделения русского этноса, в советское время периодически, то усиливалась вплоть до репрессий, то утихала, сходя почти на нет, уступая дорогу подлинной белорусской культуре, не противопоставлявшей себя общерусской.

Например, во время Великой Отечественной войны большинство представителей хлопоманской белорусизации большевистского извода, в силу своей изначальной русофобии и националистической природы, естественным образом оказались в рядах коллаборантов. Партизанское движение вело борьбу не только с оккупационными войсками, но и с многочисленными полицейскими формированиями, в ряды которых влились те, кто был воспитан в духе белорусского национализма во время «советской белорусизации» 20-30-х годов. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны на территории БССР, а также Украины, протекал в своей в горячей

фазе и цивилизационный конфликт, когда ряды национальных колаборантов пополнялись продуктами советской «коренизации», имевшей еще криптопольские хлопоманские истоки, а партизанское движение было подлинно народным со стихийно-западнорусской природой с самобытно-местным русским самосознанием (трагическое повторение этого цивилизационного конфликта со схожей природой сегодня переживает Украина, пребывающая под внешним американским управлением).

Говоря о сотрудничестве большевиков в 20-30-х годах прошлого века с националистами, как белорусскими так и украинскими в деле советского нациобилдинга, следует отметить, что имея во многом общие цели (давний союз мелкой польско-католической шляхты и российских революционеров всех мастей), советская власть в концу 30-х годов прошлого века, почувствовала, что дав свободу деятельности «хлопоманам» она рискует получить пятую колону при неизбежном военном столкновении с Европой, зараженной крайним национализмом в виде фашизма и национализма. Поэтому советская власть незадолго до второй мировой воны чисто своими репрессивными методами попыталось свернуть политику «коренизации». Были арестованы такие известные нацдемы еще с дореволюционным стажем как Вацлав Ластовский, Бронислав Тарашкевич, Язеп Лёсик и другие. В 1937-м органы госбезопасности репрессировали более 600 общественных и культурных деятелей Беларуси. Сейчас в белорусских националистических, а порой и в официальных СМИ, это трактуется как расправа над белорусской культурой с укорительными кивками в сторону России. Однако, как показали последующие события во время войны, эти превентивные меры большевиков были обоснованными – бывшие «коренизаторы» активно сотрудничали с немецкими оккупационными властями и в Белоруссии, и на Украине, а потом кто перебрался в западные подрывные и разведывательные центры, а кто «лег на дно» в СССР, «досидев», если не сами, то в лице потомков до развала СССР, получив в очередной раз шанс для реванша. Конечно, надо понимать, что это общие тенденции, и были разные примеры судеб, когда отдельные сторонники белорусского национализма сражались против оккупантов и наоборот.

После победы в Великой Отечественной в БССР к власти пришли бывшие партизаны - представители западнорусского самосознания, заложенного в народе еще в приходских школах «церквей-муравьевок». Самым ярким из них был Петр Миронович Машеров. Поэтому неслучайно при нем был самый плодотворный период белорусской культуры. Это ли не подлинная белорусизация в ее позднесоветской редакции без русофобского национализма и с элементами западнорусских идей? Благодаря тому, что в тот период белорусская культура не противопоставляла себя общерусской, а развивалась в синтезе и взаимодополнении с ней, были достигнуты, до сих пор непревзойденные вершины, и литературе, ив кино, и в балете, и в музыке. Одним из многочисленных примеров такого блестящего синтеза достаточно привести Владимира Мулявина – русского с Урала, создавшего высочайшие образцы белорусской музыкальной культуры, ставшими общерусским достоянием, и который очень часто обращался к творчеству именно Максима Богдановича.

После распада Советского Союза и до 1994 года белорусское общество вновь оказалось в тяжелейшей социально-политической ситуации с упаднических настроениями, подобными пораженческим на начальном этапе Великой Отечественной. Тогда вновь в хаосе смуты на первые позиции вышли, до того «спавшие», белорусские националисты, первым делом взявшиеся за проведение жесткой «хлопоманской» белорусизации, но уже в более актуальной для времени либерально-западнической обертке. На словах современные национальные демократы, особенно яростно отвергают все советское и особенно большевизм, благодаря которому они-то и смогли «укорениться» на белорусской земле (то же самое и на Украине – одни народ, один процесс). А на деле эти «демократы» навязывают обществу свои идеи чисто большевистскими методами (иначе не получается). Провозглашая себя истинными патриотами, эти «либеральные» националисты, борясь с русской природой белорусской идентичности, волей-неволей выдают то из чего вырос их избирательный национализм, проявляющийся исключительно в русофобии. На самом деле, это фантомные боли от утерянных «маёнткаў з польскага часу» и тоски по «Крэсам ўсходнім», с очередной попыткой цивилизационного реванша. История, длящаяся со времен графа Муравьева-Виленского и предыдущих эпох, с теми же идейными и зачастую генеалогическими истоками.

После референдума 1995 года, когда русский язык, на котором говорит подавляющее число белорусов получил государственный статус равный с белорусскому,

«хопоманство» опять отошло в тень. Однако, сейчас, когда в Республике Беларусь разработана и претворяется в жизни программа поддержки белорусской культуры и языка, в комплексе с духовным возрождения белорусского народа, включая возвращение его к христианской традиции, есть зримая опасность, что эта программа может приобрести негативные черты «хлопоманской» белорусизации.

Сегодня можно наблюдать множество примеров, когда белорусская культура и язык, которые могут и должны существовать наравне с общерусской культурой и языком, под влиянием националистически ориентированной интеллигенции противопоставляются друг-другу вплоть до виртуальных языковых битв в интернете с юридическими последствиями (при этом сам белорусский язык все более искажается) и «войны памятников» на улицах и площадях из-за различной — общерусской или криптопольской трактовки истории (многочисленные разногласия с памятниками Александру Невскому, Миндовгу, Ольгерду, Георгию Конисскому, Александру II, Винценту Калиновскому, Монюшко и Дунину-Марцинкевичу). Порой, под видом развития белоруской культуры, идет подмена ее ***криптополонизацией***, какой на самом деле является «хлопоманская» белорусизация как в литературе, так и в гуманитарных науках, с угодничеством и поклонением перед представителями польско-католической культуры, обосновывая их принадлежность к Белоруссии всего лишь по факту рождения их в местных «маентках» и поместьях.

Во многом наше время напоминает эпоху графа Муравьева-Виленского, с массовым строительством православных церквей, духовным возрождением и просвещением народа. И сегодня, вспоминая деяния графа Муравьева-Виленского следует учитывать его опыт, поскольку его совершенно обосновано можно назвать не только русификатором, но одним из первых подлинных белорусизаторов. Вспомним приведенные выше слова Аксакова «белорусский крестьянин ***«должен почувствовать себя, прежде всего белорусом»***.

Использованная литература:

1 . См.: Аксаков И.С. Сочинения. Т. 3. СПб., 1900.

2. Гильфердинг А. Несколько замечаний о Литовском и Жмудском племени // Газета День 1864. 22 февраля.

3. Газета "День". 1863. 22 июня.

4. Радченко А.А. Славянофилы и православная церковь в Западном крае Российской империи // Современные проблемы кооперативного образования и науки: Материалы региональной научно-практической конференции 28-29 апреля

5. Максим Богданович "Иван Франко" 1916 г. Сайт «Максим Богданович». Режим доступа htt ://maksimbogdanovich.ru/stories/238.htm Дата доступа 22.09.2016.

6. А.Ю. Бендин. Роль графа М. Н. Муравьева в русско-польском споре об идентичности Северо-Западного края Российской империи. Сайт «Западная Русь», режим доступа htt s://zapadrus.su/bibli/geobib/graf-muravev-v-russko-polskom-spore/994-rol-grafa-m-n-muraveva-v-russko-polskom-spore-ob-iden chnos -severo-zapadnogo-kraya-rossijskoj-imperii-chast-tretya.html Дата доступа 22.09.2016.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ К РОССИИ 1772 ГОДА В РЕЧАХ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО(*).

THE ACCESSION OF EASTERN BELARUS TO RUSSIA IN 1772 IN THE SPEECHES OF GEORGE KONYSKY (**).

УДК 821.161.3 (075.8)

Сомов Сергей Эдуардович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой литературы и межкультурных коммуникаций Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова

Somov Sergey Eduardovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature and Intercultural Communication of Mogilev State University named after A. . Kuleshov

РЕЗЮМЕ. В статье анализируется содержание официальных ре-чей Белорусского архиепископа Георгия Конисского, обращенных к Российской императрице Екатерине II и Польскому королю Станиславу Понятовскому, в контексте борьбы православного архиерея за свободу совести в Речи Посполитой, ключевым событием которой стал раздел Польши 1772 г., впервые за несколько столетий изменивший духовно-религиозное положение православных белорусов к лучшему.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Георгий Конисский, Могилевская епархия, Православная вера, единоверие, свобода совести, Отечество, воссоединение униатов, речь.

SUMMARY. The artic e analyzes the content of the offi al speeches of the Belarusian Archbishop Georgy Konyssky addressed to the Russian Empress Catherine II and the Polish King Stanislav Poniatowski in the context of the struggle of the Orthodox hierarch for freedom of conscience in Rzeczpospolita. The key event of the struggle was the parti on of Poland in 1772, which for the fi st time in everal Centuries changed the spiritual and religious position f Orthodox Belarusians for the be er.

KEY WORDS. George Konyssky, the Mogilev Diocese, Orthodox faith, unity, freedom of conscience, fatherland, uniates' reunion, speech.

Во второй половине XVIII века в Польском королевстве на фоне обострения общественно-политических противоречий, особенно ухудшилось и без того весьма плачевное положение православных белорусов. После папской буллы 1751 г., в которой католикам Польши и Литвы прощались все грехи на сто лет вперед за их преданность папе, поляки, как писал Афанасий Мартос, "обезумев от своего вероисповедного фанатизма, ...тиранили бедных православных белорусов и, ложно думая, что служат Богу, еще с большим ожесточением загоняли их в унию" [1, с. 203].

На территории Беларуси сохранилась только одна разоренная епархия – Могилевская, которую после смерти епископа Иеронима Волчанского в 1754 г. униаты при поддержке папы Бенедикта XIV активно пытались закрыть. Архипастырская деятельность нового Могилевского епископа Георгия Конисского (годы служения в архиерейском звании 1755–1795), бывшего ректора Киево-Могилянской академии, как и его предшественников, протекала в атмосфере издевательств и притеснений, связанных с многочисленными опасностями для жизни.

Свои надежды на изменение катастрофической для белорусского православия ситуации Конисский связывал с русской императорской властью. В 1762 г. он приехал в Россию и 29 сентября произнес "Речь Ея Императорскому Величеству Государыне Императрице Екатерине II ...по совершении священнаго Ея Величества коронования, в Москве", ходатайствуя о заступничестве за православных под властью Польши.

В этой речи белорусский архипастырь торжественно поздравляет русскую императрицу с восшествием на престол от имени всего белорусского народа, который называет одним из народов, подданных русского престола, не смотря на то, что вся

*.Текст доклада на научно-практической конференции, посвященной 300-летнему юбилею Святителя ГЕОРГИЯ (Конисского). Могилев. 24.07.2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html
(**) The text of the report at the scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of St George (Konissky). Mogilev. 07/24/2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html

территория Беларуси находилась под властью другого государства. Главным признаком единства российского и белорусского народов Конисский считает "единоверие" – общую православную веру, поскольку именно она в историческом плане явилась источником глубокого духовного родства восточных славян.

На фоне духовно-религиозной общности более отчетливыми становятся вопиющие различия в положении той и другой народности. Если в России, по словам Георгия, "светильник Веры, от дней Владимировых зажженный, блистает", то в Беларуси он во многих местах совсем потушен свирепствующими "от Запада" вихрями, под которыми оратор разумеет гонителей Православия – католиков и униатов [2, с. 83]; если в России храмы Господни "свободно гремят" славословием, то у белорусов они в большинстве своем отняты, "опустошены и запечатаны" и издают только "сов и вранов гнездящихся гласы"; если в русском обществе почитают древнее благочестие, то в белорусском именоваться "благочестивым" (Георгий подчеркивает это понятие и подразумевает – "православным", т.е. правоверующим) считается позорным делом, за которое избивают, сажают в тюрьмы, разоряют дома, а нередко и лишают "живота". При этом благополучие подданных российской короны и бедственное положение белорусов Конисский сравнивает с благословенной Богом Палестиной и "тесным" Египтом – символом места томления и заключения целого народа.

Параллель с ветхозаветным преданием об исходе евреев из рабства помогает оратору в самом начале своей речи определить бесспорный, с его точки зрения, вектор национально-исторической устремленности белорусов – восток, Россия, – который освящен высшим смыслом стремления к духовной свободе и культурной независимости, национальному достоинству.

Конисский утверждает, что с восшествием на престол Екатерины, белорусы связывают надежду избавления, которая их веселит, дает способность смеяться сквозь слезы и даже "в последнем утеснении" и "в горести души" торжествовать. Он не касается "присноцветущих" добродетелей Императрицы ("веры твердой, огненной ревности, любви к Богу и ближнему пречувствительной"), не раскрывает их, но, главное, говорит об уже известных народу "созрелых плодах" деятельности Государыни по утверждению в России "светильника Веры", которые обнадеживают православных белорусов, ожидающих принесения им Екатериной таких же плодов в будущем. Путь Екатерины на престол архиерей называет путем жертвенным, когда она за Веру и Отечество подвергла саму жизнь свою опасности.

В панегирической по существу речи Георгий Конисский утверждает высшее предназначение Императрицы, ее судьбы: Бог посадил ее на престол, Бог вручил ей скипетр (власть) для того, чтобы она трудилась для Веры, для Отечества, а помимо этого "еще же и для покровительства единородных", т.е. единоплеменных русским белорусов [2, с. 84].

Заканчивает свою пламенную речь Георгий молитвенным обращением к Богу о покровительстве Русской Императрице, и к самой Екатерине с возгласом: "не посрами нас, Надежда наша, в чаянии нашем! Спаси нас десницею Твоею, и мышцею Твоею покрый нас!". Таким образом главный смысл речи Георгия заключается в призыве к русской императрице взять под свое покровительство православных белорусов.

Тема бедственного положения последних была развита Конисским в его прославленной "Речи Польскому Королю Станиславу Августу, произнесенной в Варшаве" 27 июля 1765 г. на латыни и переведенной впоследствии на многие европейские языки. В ней Георгий обратился к Понятовскому от лица всех православных жителей западной России, принужденных "влачить оковы", возложенные на их совесть.

В речи Георгий не берется оправдывать православных, потому что безвинность их страданий и для него самого, и для всех слушателей очевидна. Белорусы, по словам Георгия, не сделали никакого преступления ни "пред любезным Отечеством", ни "пред Августейшими Королями". При этом Конисский как гениальный оратор и тонкий дипломат строит фразу о верности "Отечеству" с некоторой долей двусмысленности: с одной стороны, в ней, очевидно, подразумевается Польша и ее Государи, однако с другой стороны, Георгий дает понять, что содержание понятия "Отечество" шире понятия "власть", и для православных белорусов оно отождествляется со словом "Русь", которую некогда, по словам Георгия, "Казимир Великий, знаменитейший Польский Король", соединил с Польшею, не ущемляя при этом прав "Греко-Российской Церкви" [2, с. 84–85]. Указанная двусмысленность помимо прямых доводов Конисского должна была существенно повлиять на мнение польского короля, уже находившегося в известной зависимости от воли русской Императрицы Екатери-

ны II.

Однако рассмотрение мемориала, поданного Конисским польскому правительству, надолго затянулось. Георгий включился в кропотливую работу по сбору историко-юридических данных в защиту западно-русских православных, дело которых во второй половине 1760-х годов объединилось с делом польских протестантов под общим наименованием "диссидентского". Даже после утверждения польским сеймом в феврале 1768 г. трактата о правах диссидентов в реальной государственной и церковной жизни положение православных белорусов переменилось только после первого раздела Польского королевства между Россией, Пруссией и Австрией в 1772 году, когда к России отошла восточная часть Могилевской епархии.

Уже через месяц, в начале октября 1772 г. Конисский сообщал Священному Синоду о многочисленных просьбах со стороны священников и целых приходов вернуться в лоно Православной Церкви по их добровольному желанию.

В начале 1773 года г. Конисский приехал в Санкт-Петербург и 10 марта в придворной церкви вновь непосредственно обратился к русской царице с речью. "Речь Ея Императорскому Величеству Великой Государыне Императрице и Самодержице Всероссийской Екатерине II-й, по случаю присоединения Белоруссии к Российской державе" является образцом торжественного красноречия в ораторской прозе Конисского.

Вспоминая обращение десятилетней давности к "всепресветлейшей" Императрице, когда Конисский "от Епархии своей приносил слезы и жалобы" русскому престолу, оратор исполняется великой радости, принося теперь "торжество духа и благодарение" единоверных. Будучи пастырем и братом белорусов, Георгий ощущает себя среди них, как "между Израилем, от Египта исходящим, между пленом Сионским, от Вавилона возвращающимся, между Христианами времен Константиновых". Мотив "тесного Египта" получает здесь свое образное и идейное развитие. Радость и торжество, которые белорусский епископ живописует, прибегая к цитированию восторженных слов благодарения древних людей к Богу из книг Ветхого и Нового Завета [Исх.15,1; Псал. 125,3,5; и Лук. 1,68,78], по его мнению, ни в чем упомянутым "древним и великим примерам" не уступают [2, с. 101].

Доказывает это Конисский тем, что белорусский народ был связан самыми тяжелыми из возможных земных уз – узами духовной неволи. А свобода совести, свобода "души" представляется Георгию основой человеческого существования. Освобождение от уз, которыми было запрещено белорусам "не просто ходить, но ходить путем спасения", дает епископу моральное право сравнивать русскую Императрицу с величайшими фигурами освободителей древнего времени: пророком Моисеем, персидским царем Киром и, наконец, Равноапостольным Константином Великим, прекратившим в 325 году по Рождестве Христовом гонения на христиан, от крови которых Черное море было "очервленным" (кроваво-красным). Это сравнение станет сквозным в ораторской прозе Конисского, во всех последующих церковных проповедях, и в особенности в "Словах на дни царские" – дни рождения и именин Екатерины – Георгий будет называть русскую царицу во всем подобной "Константину Равноапостолу".

Георгий искренне радуется тому, что "времена знойныя" сменились наконец-таки "временами прохладными", благостными, и что "уже пленники толпами, яко потоки..., к матери своей Церкви, веселы текут".

Свершившееся событие для белорусов Георгий считает поистине великим, веками желанным, но даже нечаянным – своего рода общенациональным воскрешением из мертвых. Именно в этом залог благодарной памяти о русской Императрице, которая, по мысли Конисского, не умрет в веках: "Доколе Моисей во устах и благодеяние Кирово в памяти Иудеев, а Константин во святом почитании Христианам пребудут незабвенны, дотоле Имя Екатерины Вторыя во устах и лик Ея, сияющий благочестием, премудростию, человеколюбием пребудет написан в сердцах освобожденнаго сего народа" [2, с. 102–103].

Конисский восторженно желает Екатерине долголетия моисеева, тишины царствования константиновой и высшего небесного венца равноапостольного. Он надеется, что ревностное отношение к вере и к защите единоверцев продлится в лице наследника престола российского Великого Князя Павла Петровича.

В течение трех первых лет после разрешения униатам переходить в православие к Русской Церкви, по донесениям Конисского, было присоединено 112.578 жите-

лей. Процесс воссоединения униатов продолжался и в последующем, особенно усилившись после второго и третьего разделов Польши в середине 1790-х гг. В большинстве своем добровольное массовое возвращение к вере предков после почти двухсотлетнего пребывания в униатстве свидетельствовало не только о негативном отношении простого народа к унии – "холопской вере", как ее называла уже почти полностью окатоличенная шляхта – но и о существенных особенностях национально-исторического самосознания белорусского народа, полагающего братскую близость именно с русскими и украинцами, а не с поляками и литвинами, воспринимающего Отечество в облике единой Руси. Сила и жизнеспособность общего восточнославянского духа поразительна, он существовал и продолжает существовать среди простых людей не смотря на длительные периоды политической раздробленности, порабощения, иноверия и даже безверия.

Литература:

Мартос Афанасий. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. – Мн.: Белорусский Экзархат РПЦ, 1990, 299 с.

Слова и речи Георгия Конисскаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и литогр. Я.Н. Подземскаго, 1892, 470 с.

Священник Алексей Хотеев,
преподаватель кафедры церковной истории Минской духовной семинарии , магистр исторических наук.

Pr. Aliaksei Khatseyev,
lecturer of Church history department at the Minsk Theological seminary, Master of Historical Sciences.

ПИСЬМА АРХИЕПИСКОПА ГЕОРГИЯ (КОНИССКОГО) ИЗДАТЕЛЮ В.Г. РУБАНУ: К ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОГИЛЕВСКОГО СВЯТИТЕЛЯ КАК ПРОПОВЕДНИКА(*).

LETTERS FROM ARCHBISHOP GEORGE (KONISSKY) TO THE PUBLISHER VG. RUBAN: TO THE CHARACTERIZATION OF THE MOGILEV SAINT AS A PREACHER(**).

УДК – 93/94

РЕЗЮМЕ. В статье представлены результаты исследований истории издания проповедей Георгия (Конисского) в различных типографиях и издательствах. Проанализирована переписка Георгия Конисского с издателем В.Г. Рубаном.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Георгий Конисский, Могилевская епархия, Православная вера, проповеди

SUMMARY. The artic e presents studies of the history of the publication f the sermons of George (Konissky) in various printin houses and publishing houses. The correspondence of Georgy Konissky with the publisher V.G. The Ruban.

KEY WORDS. George Konyssky, the Mogilev Diocese, Orthodox faith, preaching

В числе разнообразных материалов, напечатанных в историческом журнале «Русская старина», есть публикация пяти писем свт. Георгия (Конисского) петербургскому издателю В.Г. Рубану (1742—1795). Эта малоизвестная публикация содержит в себе информацию о прижизненном издании проповедей могилевского святителя. В связи с его юбилеем и готовящимся переизданием слов и речей свт. Георгия названные письма могут представлять определенный интерес.

В первую очередь, необходимо отметить, что общение могилевского архипастыря и петербургского издателя не было случайным. Василий Григорьевич Рубан был учеником Конисского в Киевской духовной академии в 1751—1755 гг. После ее окончания он учился в Московском университете, затем работал переводчиком в коллегии иностранных дел. Карьерному росту В.Г. Рубана способствовала его служба в качестве секретаря при кн. Г.А. Потемкине. Так он стал заведовать новороссийскими училищами, потом перешел в военную коллегию. В 1772—1773 гг. В.Г. Рубан издавал в Петербурге альманах «Старина и новизна». В этом сборнике были впервые опубликованы две известные речи свт. Георгия (Конисского), а именно, его речь на коронацию имп. Екатерины II и выступление перед королем Станиславом-Августом [1].

Издание писем свт. Георгия в «Русской старине» в 1896 г. было подготовлено Б.Л. Модзалевским (1874—1928), в его бытность студентом Петербургского университета. Начинающий ученый работал тогда над биографией В.Г. Рубана, изучал его переписку и другие архивные документы, результатом чего стал литературно-биографический очерк этого писателя и издателя[2]. Модзалевский сопроводил публикацию писем могилевского архиепископа небольшой, но очень содержательной

*.Текст доклада на научно-практической конференции, посвященной 300-летнему юбилею Святителя ГЕОРГИЯ (Конисского). Могилев. 24.07.2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html
(**) The text of the report at the scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of St George (Konissky). Mogilev. 07/24/2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html
[1] Эти речи издавались затем неоднократно: Собрание сочинений Георгия (Конисского), Архиепископа Белорусского. / Изд. прот. И. Григорович — Санкт-Петербург: Тип. Российской Академии, 1835. Ч. 1. — С. 286—289, Ч. 2. — С. 82—87. Слова и Речи Георгия Конисского, архиепископа Могилевского. Могилев на Днепре: Печатня Я.Н. Подземского, 1892. — С. 82—87.
[2] Модзалевский Б.Л. Василий Григорьевич Рубан / Б.Л. Модзалевский. — Санкт-Петербург : тип. Общественная польза, 1897.

вводной статьей и примечаниями. Само издание было осуществлено с соблюдением археографических правил (сохранение орфографии оригиналов), но без повторения велеречивых обращений, принятых в то время[3]. Письма охватывают период 1778—1780 гг. и написаны в Могилеве.

Из этих материалов становится известно о существовании нескольких письменных проповедей свт. Георгия, которые предназначались автором для публикации. Инициатива их издания принадлежала В.Г. Рубану. В первом письме от 19 августа 1778 г. архиепископ говорит о проповедях, сказанных в день 10 июля 1775 г., а также в 1778 г. по случаю торжеств открытия в Могилеве наместничества. Когда было начало торжеств, святитель свою проповедь сумел произнести, а проповедь на самый день открытия была только заготовлена, но не произнесена, «понеже так быть тому наместник государев судил»[4]. Наместником в то время был ген. М.В. Каховский (1734—1800). В «Описании Могилевской губернии» А.С. Дембовецкого говорится, что это торжество состоялось 4 июня 1778 г.[5] Однако, как будет сказано ниже, в самой изданной проповеди указан другой день.

Во втором письме к В.Г. Рубану, датированном 22 апреля 1779 г., речь идет о присылке двух экземпляров записок путешественника монаха Василия Григоровича-Барского (1701—1747). До этого издания записки украинского путешественника ходили во множестве списков, поэтому В.Г. Рубан проделал немалую критическую работу, чтобы подготовить текст к печати. Популярность сочинения Василия Григоровича-Барского обусловливалась живостью впечатлений и множественностью описаний. Автор побывал в Польше, Австрии, Венеции, Италии, Сирии, Турции, на Афоне и Кипре. Из письма к В.Г. Рубану узнаем, что один экземпляр книги Барского был выслан свт. Георгию, а другой он дополнительно просил для Могилевской семинарии.

Из третьего письма Рубану от 22 января 1780 г. становится известно, что могилевский архиепископ ожидал издания своих проповедей. Очень заботило святителя, чтобы в тексте не было опечаток: «Без ошибок, прошу покорнейше»[6]. В следующем письме от 5 февраля 1780 г. сообщается о присылке святителю корректурных листов. Конисский, между прочим, сообщает, что из могилевской типографии, которая находится в ведении католического епископа Станислава Богуша-Сестренцевича, ему уже делались предложения подать что-либо для издания по тарифу 2 руб. за печатный лист[7]. Наконец, из пятого письма от 22 апреля 1780 г. узнаем, что в Могилев были присланы два пакета с напечатанными проповедями свт. Георгия. Однако автора постигло горькое разочарование: «Как вычитал напечатанное, весьма был тронут опечатками, не теми, которые легко чтущем узнаются и типографщикам причитаются, но которые на сочинителя падают, состоящие в пропущении не только слов, но и целых речений»[8]. В результате, архиепископ приказал все присланные экземпляры сжечь, так же просил он поступить и с оставшимися свободными экземплярами самого издателя. Но поскольку печатные тексты все-таки стали уже распространяться, так что и его другу еп. Смоленскому Парфению (Снапковскому) достался один, святитель подумал предпринять повторное и более исправное издание в типографии Московского университета или в Могилеве — «другим разом не положимся на таких типографщиков»[9]. Автор утешал себя при этом латинской сентенцией, извлеченной из собрания античных пословиц Эразма Роттердамского, Ictus piscator sapiet (уколовшийся рыбак станет мудрее)[10].

Кроме этих исторических деталей, открывающихся в письмах свт. Георгия, обращают на себя внимание особенности написания и произношения некоторых слов. Характерный для украинской фонетики переход «ы» в «и»: *посилаю, присилки* (наряду с *присылкою*), *видать, которий.* Кроме того можно отметить церковнославянизмы: *зде, понеже, обойтитися, оныіа*. Замет но фрикат ивное «г»: *недосугы*.

[3] Конисский, Георгий, архиеп. Письма к В.Г. Рубану / архиеп. Георгий Конисский. // Русская старина. — СПб.: Печатня В.И. Головина, 1896. — Т. 88. — С. 468. Примеч. 1.
[4] Там же. С. 468.
[5] Дембовецкий А.С. Опыт описания Могилевской губернии в трех книгах. / А.С. Дембовецкий. — Могилев на Днепре : Тип. Губернского правления, 1882. — Кн. 1. — С. 111.
[6] Конисский, Георгий, архиеп. Письма к В.Г. Рубану — С. 470.
[7] Там же. С. 471.
[8] Там же. С. 471.
[9] Там же. С. 471.
[10] Bland R. Proverbs, chiefly taken from the Adagia of Erasmus, with explanations. / R. Bland. — London, 1814. — Vol. 1. —p. 19.

Что же можно сказать о главном предмете переписки свт. Георгия и издателя В.Г. Рубана, а именно о печатном сборнике проповедей 1780 г.? Действительно, они вышли небольшим тиражом и, как все прижизненные издания речей Конисского, представляют собой библиографическую редкость. В электронной базе данных «Русская книга гражданскойпечати XVIII века в фондах библиотек РФ» содержится указание, что сборник с тремя Словами свт. Георгия находится в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург)[11]. Книга сохранилась без титульного листа. Напечатана в типографии столичного Артиллерийского и кадетского корпуса, 28 страниц. Первая проповедь называется «Слово на торжество мира с Оттоманскою Портою, произнесенное 10 июля 1775 года», вторая — «Слово на торжественное открытие Могилевского наместничества 29 мая 1778 года» и третья — «Речь, сказанная Преосвященным Георгием, епископом Могилевским, Мстиславским и Оршанским, перед приведением к присяге новоизбранных чинов Могилевского наместничества 2 июня 1778 года». Ни одна из этих речей не была известна последующим издателям проповедей свт. Георгия.

Таким образом, из опубликованной в «Русской старине» части писем могилевского архиепископа издателю В.Г. Рубану становится известным, что в 1780 г. было предпринято издание нескольких его проповедей, что это издание было забраковано самим святителем по причине его типографской неисправности и потому предано огню. Щепетильность автора к печатанию своих речей понятна: существенное отступление от оригинала подавало повод винить не только типографов, но и самого проповедника. Вместе с тем, нужно отметить, что святитель желал видеть свои сочинения изданными. При его жизни это желание осуществилось не вполне. Думается, что новый труд по переизданию трудов свт. Георгия (Конисского) будет достойным чествованием его памяти.

Литература

1. Дембовецкий, А.С. Опыт описания Могилевской губернии в трех книгах. / А.С. Дембовецкий. — Могилев на Днепре : Тип. Губернского правления, 1882. — Кн. 1. — 783 с.

2. Конисский, Георгий, архиеп. Письма к В.Г. Рубану / архиеп. Георгий Конисский. // Русская старина. — СПб.: Печатня В.И. Головина, 1896. — Т. 88. — С. 467—471.

3. Модзалевский, Б.Л. Василий Григорьевич Рубан / Б.Л. Модзалевский. — Санкт -Петербург : тип. Общественная польза, 1897. — 23 с.

4. Русская книга гражданской печати XVIII века в фондах библиотек РФ. Российская национальная библиотека, 2008. Электронное издание. — С. 277. Режим доступа:h ps://donzip.nethouse.ru/static/00 /000/544/261/doc/fe/16/cf806b569d2f1c38ee451a4da58d05dc631f.pdf Дата доступа : 23.06.17.

5. Собрание сочинений Георгия (Коницкого), Архиепископа Белорусского. / Изд. прот. И. Григорович — Санкт-Петербург: Тип. Российской Академии, 1835. — Ч. 1—2.

6. Слова и Речи Георгия Конисского, архиепископа Могилевского. Могилев на Днепре: Печатня Я.Н. Подземского, 1892. — 474 с.

7. Bland, R. Proverbs, chiefly taken from the Adagia of Erasmus, with explanation . / R. Bland. — London, 1814. — Vol. 1. — 310 p.

[11] Русская книга гражданской печати XVIII века в фондах библиотек РФ. Российская национальная библиотека, 2008. Электронное издание. — С. 277. Режим доступа: https://donzip.nethouse.ru/static/000/000/544/261/doc/fe/16/cf806b569d2f1c38ee451a4da58d05dc631f.pdf Дата доступа : 23.06.17.

Кирилл Владимирович Шевченко,
доктор исторических наук, профессор Минского филиала РГСУ (Минск, Белоруссия)

Kirill Shevchenko, Ph.D., Professor, RGSU Branch in Minsk (Minsk, Belarus)

«ОДИН ИЗ САМЫХ ДОСТОПАМЯТНЫХ МУЖЕЙ МИНУВШЕГО СТОЛЕТИЯ…» СВЯТИТЕЛЬ ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ В ПУБЛИЦИСТИКЕ А.С. ПУШКИНА(*)

"ONE OF THE WORTHIEST MAN OF THE LAST CENTURY ..." THE ST GEORGY KONISSKY IN THE PUSHKIN'S PUBLICISM(**)

УДК 930.85

РЕЗЮМЕ. В своей публицистике, посвященной Георгию Конисскому, А.С. Пушкин изобразил тяжелое положение населения белорусских земель в составе Речи Посполитой в условиях постоянной национальной и религиозной дискриминации православного белорусского населения. А.С. Пушкин высоко оценил творческое наследие Георгия Конисского, подчеркнув его огромную роль в защите православия в белорусских землях от преследований со стороны католической церкви и польской шляхты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Георгий Конисский, Белоруссия, Православие, дискриминация, преследования

ABSTRACT . Famous Russian poet Alexander Pushkin in his journalistic works devoted to Belarusian Orthodox Archbishop Georgy Konisskiy described hard situation of the population of Belarusian lands in Polish-Lithuanian Commonwealth under the conditions of constant nationa and religious discrimination. Pushkin highly appreciated Georgy Konisskiy and his activitie stressing his enormous role in defending Orthodox Church and Orthodox believers in Belarusian lands against ongoing repressions from the Catholic Church and Polish gentry.

KEY WORDS. Georgy Konisskiy, Belarus, Orthodoxy, discrimination, epressions

Публицистическое наследие А.С. Пушкина в целом менее известно, чем его многогранное творчество в области художественной литературы. Между тем, публицистика А.С. Пушкина может служить ценным историческим источником, отражая не только личные взгляды автора на значимые политические и общественные процессы, но и настроения в русском обществе.

Размышления на различные темы славянской истории занимают существенное место в творческом наследии А.С. Пушкина. Так, рост освободительного движения югославянских народов против османского владычества вызвал пристальный интерес великого русского поэта к истории и эпосу славянских народов Балкан. Это нашло отражение в пушкинском поэтическом цикле «Песни южных и западных славян», в котором классик русской литературы, опираясь на работы известного сербского филолога Вука Караджича, в поэтической форме творчески переработал богатый эпос югославянских народов, прежде всего сербов, создав яркие образы борцов против турецкого ига Карагеоргия и Милоша Обреновича.

Не могли не привлечь внимания русского поэта и сложные вопросы русско-польских взаимоотношений, тем более, что в походе Наполеона на Россию в 1812 г., современником чего был Пушкин, активную роль сыграла польская армия Понятовского, оставившая о себе не самые лучшие воспоминания у русского населения, испытавшего тяготы французской оккупации. Мощным катализатором интереса поэта к русско-польским отношениям стало и польское восстание 1830-1831 гг., вызвавшее широкий международный резонанс, ответом на который стало знаменитое пушкинское «Клеветникам России».

Любопытно, что находившиеся в дружеских отношениях и высоко ценившие талант друг друга А.С. Пушкин и А. Мицкевич оказались по разные стороны баррикад в

(*).Текст доклада на научно-практической конференции, посвященной 300-летнему юбилею Святителя ГЕОРГИЯ (Конисского). Могилев. 24.07.2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html
(**) The text of the report at the scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of St George (Konissky). Mogilev. 07/24/2017

своей интерпретации русско-польских отношений, что особенно ярко проявилось в ходе восстания 1830-1831 годов. Противоположные общественно-политические взгляды поэтов, однако, стали важным источником их поэтического вдохновения. Так, в третьей части своей поэмы «Дзяды» А. Мицкевич, воспринимая Санкт-Петербург как средоточие самых темных сторон Российской империи, создал зловещий образ российской имперской столицы:

…Рим создан человеческой рукой
Венеция богами создана
Но каждый согласился бы со мной,
Что Петербург построил сатана…[1]

В скрытой полемике с великим польским поэтом А.С. Пушкин в своем «Медном всаднике» предложил совершенно иной образ Петербурга. Русский поэт воспел столицу Российской империи как «юный град, полнощных стран красу и диво», который «из тьмы лесов, из топи блат, вознесся пышно, горделиво...».

Исторический контекст русско-польского противоборства влиял и на интерес Пушкина к личности Г. Конисского. Непосредственным толчком к обращению великого русского поэта к теме Г. Конисского стало для Пушкина издание «собрания сочинений Г. Конисского, архиепископа Белорусского», осуществленное протоиереем Иоанном Григоровичем в Петербурге в 1835 году. Данное издание сразу обратило на себя внимание великого русского поэта, который откликнулся на него пространной рецензией, опубликованной в журнале «Современник» в 1836 году.

Наряду с развернутой характеристикой творчества Г. Конисского Пушкин в своей рецензии представил общественности красочное и весьма любопытное описание эпохи и условий, в которых пришлось жить и творить Георгию Конисскому. По словам А.С. Пушкина, «Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась еще под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были униатам. Миссионеры насильно гнали народ в униатские костелы, ругались над ослушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей…, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных… Георгий искал защиты у русского правительства, он доносил обо всем Св. Синоду и жаловался нашему посланнику в Варшаве…».[2]

Данная картина, нарисованная Пушкиным в 1836 году, очень примечательна, поскольку в ту эпоху далеко не все даже среди образованных кругов русского общества отдавали себе отчет в том, что восточные области бывшей Речи Посполитой в этноязыковом и конфессиональном отношениях не являлись частью Польши; что на данных территориях, имеющих историческое название «Белая Русь» проживает изначально православный народ, родственный великороссам и являющийся прямым потомком древнего населения Киевской Руси. В русском обществе в это время были довольно сильны полонофильские настроения, и был распространен взгляд на западные губернии России как на часть коренной Польши, доставшейся Российской империи в ходе разделов. Примечательно, что офицер четвертого русского пехотного корпуса М.Д. Лихутин, принимавший участие в венгерском походе русской армии в 1849 г. для подавления венгерской революции, вспоминал об удивлении, охватившем русских офицеров, когда те узнали, что большинство населения Галиции составляют родственные малороссам униаты-русины, а вовсе не поляки. «Незадолго перед этим, - признавал М.Д. Лихутин, - у нас полагали, что и наши западные губернии заселены сплошь поляками…».[3]

А.С. Пушкин, таким образом, уже в то время отчетливо осознавал этноязыковую и религиозную специфику белорусских земель, попавших под польское господство, и распространял эти, крайне дефицитные в то время знания, среди широкой русской общественности.

Деятельность Георгия Конисского, направленная на защиту православия, по словам Пушкина, еще более озлобила его гонителей. «Доминиканец Овлачинский, про-

[1] Мицкевич, А. Избранная поэзия. Москва: Панорама, 2000. С. 244.
[2] Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. Том 5. Критика, история, публицистика. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 118.
[3] Лихутин, М.Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году. Москва: Типография А.И. Мамонтова, 1875. С. 58.

славившийся ненавистью к нашей церкви, - отмечал А.С. Пушкин, - замыслил принести Георгия в жертву своему изуверству. В 1759 г. Георгий, презирая опасности, ему угрожающие, поехал обозревать сетующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Орше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон и с воплями ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеинского монастыря, откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свирепый Зенович, предводительствуя езуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиерейский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг, но, к счастью, не нашли Георгия, скрывшегося в подвале своего дома».[4]

Пушкин подчеркивал, что «дерзость гонителей час от часу усиливалась», поскольку «польское правительство им потворствовало. Миссионеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли к унии не только простой народ, но и священников. Георгий снова жаловался России…».[5] Жалобы Георгия Конисского имели своим следствием то, что императрица Елизавета Петровна и император Петр III требовали от польского двора прекратить преследование православных. Особое внимание Пушкин обращал на обращение Г. Конисского к Екатерине II в 1762 г. в Москве после ее коронации. По словам поэта, вслед за русским духовенством Георгий принес ей «вместе с поздравлениями тихие сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиям войны. Екатерина с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных, и когда, несколько времени спустя, Св. Синод думал вызвать Георгия и поручить в его управление Псковскую епархию, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгий нужен в Польше». В 1765 г. Георгий явился в Варшаве и пред троном Станислава с жаром заступился за тех, которые именовались еще подданными Польши. Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам… Но гордые польские магнаты, презрев посредничество России и Пруссии, отвергли справедливые требования диссидентов».[6]

Подчеркивая большую роль Г. Конисского в защите православия в Речи Посполитой как члена Слуцкой конфедерации Пушкин замечал, что он «деятельно занялся объяснением древних грамот, на коих основаны были права диссидентов. Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность».[7] После первого раздела Речи Посполитой Г. Конисский явился в 1773 г. «пред Екатериною уже как подданный, радостно приветствуя избавительницу и законную владычицу Белоруссии. С тех пор Георгий мог спокойно посвятить себя на управление своею епархиею. Просвещение духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству, а часы досуга посвящал ученым занятиям…».[8]

Касаясь собственно творческого наследия Г. Конисского, Пушкин писал, что его проповеди «просты и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна. Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине, по совершении ее коронования…». [9] В свою рецензию Пушкин включил наиболее интересные, с его точки зрения, фрагменты проповедей Г. Конисского.

Очень высоко оценил А.С. Пушкин исторический труд Г. Конисского «История Малороссии», который, как подчеркивал поэт, был написан «с целию государственною». По мнению классика русской литературы, в данном труде удачно сочетается «поэтическая свежесть летописи с критикой, необходимой в истории».[10] Наряду с характерной для исторического труда Конисского достоверностью и исследовательской добросовестностью его работа, как отмечал Пушкин, обнаруживает некоторое пристрастие. Данное «пристрастие» Пушкин не был склонен считать серьезным недостатком, объясняя его вполне естественной и органичной ненавистью Конисского к «изуверству католическому и угнетениям, коим он сам так деятельно противился».

[4] Пушкин, А.С. Указ. соч. С. 119.
[5] Там же. С. 119.
[6] Там же. С. 120.
[7] Там же.
[8] Там же. С. 121.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 126.

[11] Примечательно, что классик русской литературы счел необходимым включить в текст своей рецензии пространные отрывки из «Истории Малороссии» Г. Конисского, включая сюжет о насильственном введении унии и борьбу малороссийских казаков с поляками. «И таким образом, - цитирует Пушкин Конисского, - Малороссия доведена была поляками до последнего разорения и изнеможения…».[12]

Свою рецензию Пушкин завершает мыслью о том, что «как историк, Георгий Конисский еще не оценен по достоинству, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и мало доступное для большого числа читателей…».[13] Издание сочинений великого архиепископа Белоруссии протоиереем И. Григоровичем, как подчеркивал Пушкин, «оказало обществу важную услугу. Будем надеяться, что и великий историк Малороссии найдет себе, наконец, столь же достойного издателя». [14]

* * *

Статья А.С. Пушкина о собрании сочинений Георгия Конисского, опубликованная в журнале «Современник» в 1836 г., имела колоссальное значение для информирования русского общества об истинном положении белорусских земель в составе Польши, об угнетении православной церкви и о борьбе православного белорусского населения за свои права, ярким представителем которой был архиепископ Г. Конисский. В условиях широко распространенных полонофильских симпатий русского либерального общества, воспринимавшего белорусские земли как органичную часть Польши, публицистика Пушкина была своего рода «лучом света», который показывал плохо информированной русской публике истинную картину исторических реалий Западной Руси и деятельность одного из ее главных героев – архиепископа Георгия Конисского. При этом замечание А.С. Пушкина о том, что Георгий Конисский «еще не оценен по достоинству», ничуть не потеряла своей актуальности и в наше время.

По сути, А.С. Пушкин успешно выступил в роли продолжателя дела Конисского. Если Конисский, по словам поэта, донес до императрицы Екатерины «тихие сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиям войны», то сам Пушкин своей публицистикой постарался донести эти «тихие сетования издревле родного нам народа», то есть белорусов, до широкой российской общественности.

[11] Там же. С. 127.
[12] Там же. С. 135.
[13] Там же. С. 135.
[14] Там же.

ТАБУНОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин, заведующий аспирантурой учреждения образования “Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова”.

TABUNOV VASILI VASILIEVICH .

Ph. D. in History, docent, docent at the Chair of Archeology and Special Historical Disciplines, the Head of the Postgraduate Course at the Educati nal Establishment “Mogilev State A. Kuleshov University”.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИЙ КОСТЁЛ В БОРЬБЕ ЗА ВЛИЯНИЕ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЙ(*).

THE ORTHODOX CHURCH AND THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN THE STRUGGLE FOR INFLUENCE IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES(**)

УДК 94 (476) «18/19»: 28

РЕЗЮМЕ. В статье анализируются взаимоотношения между православной церковью и римско-католическим костёлом на белорусских землях в конце XIX – начале XX столетий. Столкновение российских и польских интересов в Северо-Западном крае в конце XIX – начале XX столетий переплеталось с борьбой между православием и католицизмом за сферы влияния. Составной частью этой борьбы являлись противоречия между католическим и православным клиром, распространявшиеся и на простых верующих.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Белорусские земли, Российская империя, православная церковь, римско-католический костёл, духовенство.

ABSTRACT. The artic e analyzes the relatio ship between the Orthodox Church and the Roman Catholic Church in the Belarusian lands in the late XIX – early XX centuries. The confl ct of Russian and Polish interests in the North-Western region in the late XIX – early XX centuries was entwined with the struggle between Orthodoxy and Catholicism for spheres of influence. A omponent of this struggle was the contradicti ns between the Catholic and Orthodox clergy, and distributed to believers.

KEY WORDS. The Belarusian lands, the Russian Empire, the Orthodox Church, the Roman Catholic Church, the clergy

Религия всегда занимала заметное место в жизни белорусов. Не утратила она своей значимости и на рубеже XIX – XX веков. Специфика конфессиональной ситуации в Беларуси на протяжении многих веков определяется поочерёдным доминированием католицизма и православия. Другие религии также оставили заметный след в истории Беларуси, но первая роль в религиозной жизни белорусских земель почти всегда принадлежала православной церкви и римско-католическому костёлу. Изучение же вопроса взаимоотношений между двумя ведущими христианскими конфессиями позволит более правильно осмыслить и понять религиозные процессы современности.

Взаимоотношения между основными христианскими конфессиями на белорусских землях конца XIX – начала XX столетий – православием и католицизмом, складывались непросто. Помимо различий в области догматики и культа сказывалось и негласное соперничество за влияние на местное население, которое, в свою очередь, дополнялось противоречиями политического характера. Православная церковь активно выступала за тесную интеграцию Северо-Западного края в общеимперский организм. Римско-католический костёл, наоборот, стремился содействовать сохранению и, по мере возможности, укреплению в крае идеи былого могущества Речи Посполитой. Ситуация усугублялась ещё и тем, что в сознании населения прочно закрепилось отождествление вероисповедной принадлежности с национальной: православный – русский, католик – поляк. Власти Российской империи путём предоставления различных льгот и привилегий православию и ограничения деятельности римо-католицизма также оказывали влияние на характер взаимоотношений между церковью и костёлом, тем самым вольно или невольно способствуя сохранению определённой напряжённости между ними.

Противоречия на конфессиональной почве зачастую возникали именно в повседневной жизни белорусов. Так, начальник Витебского губернского жандармского управления 25 сентября 1900 г. докладывал витебскому губернатору о том, что его

(*).Текст доклада на научно-практической конференции, посвященной 300-летнему юбилею Святителя ГЕОРГИЯ (Конисского). Могилев. 24.07.2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html
(**) The text of the report at the scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of St George (Konissky). Mogilev. 07/24/2017

помощником подполковником А.В. Озерецковским в Двинском, Режицком, Себежском и Люцинском уездах были выявлены несколько случаев проявления местным ксендзом нетерпимости и презрения к лицам православного вероисповедания.

Первый случай заключался в том, что «крестьянка М.О. Жунба, римско-католического вероисповедания, находясь в любовной связи с каноником четвёртой батареи первой резервной артиллерийской бригады С.В. Гвоздевым, православного вероисповедания», 9 сентября умерла во время родов. Умер и родившийся ребёнок. Когда же знакомые покойной обратились с просьбой к настоятелю Креславского костёла, ксендзу В. Малаховскому совершить не обходимые духовные требы над умершей, то он не только отказался, но и воспретил это другим викарным ксендзам [1, л. 1-1об.].

Второй случай произошёл 23 июня 1899 г. в деревне Мателях Креславской волости: «родные крестьянина Д.Ю. Силова, 86 лет, просили того же ксендза Малаховского об исповеди названного крестьянина, находившегося в тяжёлом болезненном состоянии». Прибывший для исполнения этого обряда Креславский викарный, ксёндз К. Терелеус «отказался исповедовать больного старика в его квартире, а требовал, чтобы его вынесли для исповеди на улицу», так как внук крестьянина Силова, Л.Ф. Носович, живший с ним, был женат на православной и в доме Силова были православные иконы. Требование ксендза К. Терелеуса не было исполнено и он уехал, не исповедовав больного старика. Последний был исповедан вечером того же числа, младшим викарным ксендзом С. Епилевичем, причём, во избежании повторения отказа от исповеди, православные иконы, принадлежащие Л.Ф. Носович, были сняты со стены и спрятаны в сундук [2, л. 2-2об.].

Подполковник А.В. Озерецковский при этом был убеждён, что поступок ксендза К. Терелеуса был вызван влиянием ксендза В. Малаховского [3, л. 2об.-3]. В итоге действий правительственных органов ксёндз В. Малаховский был отстранён от своей должности настоятеля Креславского костёла [4, л. 16].

Пересечение интересов православной церкви и римско-католического костёла происходило и в сфере образования. В Северо-Западном крае важное политическое значение придавалось правительственной школе. Суть дела заключалась в том, что при твёрдо выдержанном направлении учебно-воспитательной деятельности школа, «помимо своих прямых задач, могла бы развивать в сознании учеников, а через них и в массе иноверного населения, уважение к русскому правительству» [5, л. 39].

Доходило до того, что в «классных комнатах вешали православные иконы, и преимущественно тех православных святых, которые не канонизированы римской церковью, чтобы при каждом удобном случае стараться пропагандировать православие». Такие «передовые» методы приводили к тому, что «крестьяне целыми волостями стали отказываться отдавать детей в школы, говоря, что их детей там будут обращать в православие» [6, с. 104].

В плане укрепления позиций правительственной школы в крае много сделал попечитель Виленской учебной округи Н.А. Сергиевский. При нём были открыты четыре учительские семинарии, в которых для усиления влияния православной религии на учащихся было введено обязательное посещение богослужений. По ходатайству Н.А. Сергиевского 7 февраля 1892 г. вышел указ о признании русского языка обязательным для обучения закону божьему в начальных училищах представителей римско-католического вероисповедания [7, с. 107]. Практически не изменилось положение и при его преемнике В.А. Попове.

Заметим, что указом Николая II от 25 июня 1897 г. практика общей молитвы перед занятиями для всех учащихся-христиан была заменена индивидуальной молитвой по вероисповеданиям. Это «произвело благоприятное воздействие на неправославное население» [8, с. 106].

На ошибки, допускаемые в сфере начального образования, обращал внимание императора виленский генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирский. Для снятия напряжённости он счёл нужным пойти на некоторые уступки католическому духовенству: с января 1904 г. ксендзам, преподававшим закон божий в народных училищах, стали выдавать деньги. Был несколько снижен штраф за тайное обучение [9, с. 97-98, 106]. Но существенных перемен так и не произошло.

Православные священники были убеждены, что тайные школы «имели большое значение в деле перехода населения в католицизм». Однако «связь римско-католического духовенства с этими школами нельзя рассматривать односторонне –

она имела разные формы, изменялась в связи с переменой политической ситуации, положения костёла и политики властей в этом вопросе». Тайные школы с польским языком обучения получили распространение в силу нескольких причин. В первую очередь необходимость изучения польского языка была вызвана религиозными потребностями. К тому же в восприятии населения, да и самого духовенства деятельность на ниве образования рассматривалась как одна из функций костёла [10, с. 65]. Считалось, что настоящим католиком был только тот, кто умел читать молитвенник. Именно этот стимул являлся ведущим в стремлении католиков дать своим детям образование [11, с. 60, 87-88]. Обучение в тайных школах носило преимущественно религиозный характер, осуществлялось учителями с низким уровнем образования, которые сами едва умели читать и писать по-польски [12, s. 151].

Для борьбы с распространением тайного обучения 3 апреля 1892 г. властями были приняты правила, согласно которым лица, уличённые в открытии тайных школ, подвергались штрафу до 300 рублей или аресту сроком до трёх месяцев [13, л. 38-38об.].

Несмотря на предпринятые меры, факты обучения детей в подпольных школах продолжали иметь место. Из числа выявленных в 1899–1902 гг. тайных школ большинство было учреждено для христиан – 146, для евреев – 50 и только в 2-х школах совместно обучались и те, и другие. По губерниям они распределялись следующим образом: Гродненская – 54, Минская – 49, Виленская – 19, Витебская – 18. Могилёвская – 3. В христианских школах большинство учащихся – 90% – составляли католики (из 1081 ученика их было 944). Зачастую грамоте обучались совместно православные и католики. Учителями в тайных школах были преимущественно католики. Обучением занимались и лица, имеющие право преподавания в частных домах. Они тоже подпадали под действие правил от 3 апреля 1892 г. [14, л. 4об.-5, 11об.].

Поскольку вводившиеся санкции против тайных школ не приносили должного результата, правительство было вынуждено внести коррективы в проводимую политику. 1 апреля 1902 г. появилось положение о церковно-приходских школах. С этого времени они предназначались специально для учащихся православного вероисповедания, а с 1904 г. сеть церковно-приходских школ расширялась только в Витебской, Могилёвской и Минской губерниях. В Виленской и Гродненской губерниях рекомендовалось распространять начальные школы Министерства народного просвещения [15, с. 338].

Римско-католическое духовенство в целях ограничения влияния православных священников на своих прихожан запрещало им отправлять детей в низшие учебные заведения Синода, полагая, что детям католиков не идёт на пользу посещение церковно-приходских школ.

В июне 1899 г. Виленский епископ С. Зверович обратился к министру внутренних дел И. Горемыкину, отмечая ненормальное положение религиозного воспитания в народных училищах и церковно-приходских школах для детей-католиков, которые должны были молиться по православному обряду. Он требовал выдать во всех начальных школах учебники для учащихся-католиков, ввести свободное посещение ими костёла, а также иметь в каждой школе законоучителя-католика.

Министр посоветовал в случае возникновения недоразумений обращаться к генерал-губернатору. 22 января 1902 г. в письме к гродненскому губернатору епископ писал, что главной целью церковно-приходских школ является «борьба с католицизмом и насаждение среди детей поляков чужих религиозных принципов». Ответа не последовало [16, с. 64].

12 февраля 1902 г. Виленский епископ С. Зверович в циркуляре за № 509, обращенном к духовенству епархии, писал об отрицательном влиянии церковно-приходских школ и школ грамоты на католическое население [17, л. 2об.-3]. Всему духовенству епархии предписывалось следить за тем, чтобы «католические дети не посещали сказанных школ» [18, л. 4]. За свои действия епископ Зверович был отстранён от занимаемой должности и сослан в Тверь. Но уже в начале ноября 1902 г. по императорскому указу он был назначен сандомирским епископом, а министр внутренних дел В.К. Плеве признал, что С. Зверович стал жертвой ошибочной политики местных властей, которые активно распространяли православие среди католиков [19, с. 65].

20 марта 1902 г. гродненский губернатор рекомендовал полицмейстерам и исправникам губернии обратить особое внимание на деятельность римско-

католического духовенства в отношении школ, поскольку после циркуляра епископа Зверовича в некоторых уездах губернии (Сокольский, Волковысский, Слонимский, Бельский, Пружанский) церковно-приходские школы были «фактически упразднены», из них начался массовый уход учеников-католиков [20, л. 9об.-10]. Например, в Виленской губернии в Дукштанской школе из 41 ученика осталось 5, в Гелванской из 75 – 38, Ширвинской из 89 – 62 и так далее [21, с. 96].

Примечательно, что циркуляр не был отменён ни одним из преемников епископа С. Зверовича.

Желая выяснить ситуацию с учебными заведениями и преподаванием в них учащимся-католикам закона божьего, могилёвская римско-католическая консистория указом от 18 сентября 1903 г. потребовала предоставить ей соответствующую информацию. Выяснилось, что преподаванием данного предмета учащимся-католикам в основном занимались православные священники или светские учителя и редко – ксендзы. Бывали случаи, когда такой предмет католикам вообще не преподавался [22].

Борьба правительства с тайным обучением не могла принести успехов одними запретительными мерами, поскольку тайные школы были тесно связаны с костёлом. Католическое же духовенство, используя своё влияние в данных школах, стремилось к культурной ассимиляции белорусских крестьян-католиков, причислявших себя к полякам [23, с. 60, 87-88].

Сложными были взаимоотношения между православной церковью и римско-католическим костёлом в области заключения смешанных браков. Смысл проблемы заключался в том, что обе стороны рассматривали данное явление как одно из средств по укреплению своего положения в крае. К тому же одну из главных причин переходов в католицизм православное духовенство видело в смешанных браках. На это обращали внимание в своих донесениях священники Минской и Полоцкой епархий [24, с. 111].

Учитывая конфессиональную пестроту населения белорусских губерний, где смешанные браки были достаточно распространённым явлением, а также желая взять процесс их заключения под свой контроль, правительство 11 мая 1891 г. вводит новые правила о вступлении в брак лиц, принадлежащих к разным вероисповеданиям. Согласно этим правилам, бракосочетание «лица римско-католического исповедания с лицом православного исповедания» могло быть совершено только в православной церкви при условии, что католическая сторона представляла православному притчу удостоверение, выданное местной полицией, о своём внебрачном состоянии и «правоспособности ко вступлению в брак» [25, л. 121].

Несмотря на эти правила, католики, вступающие в брак с православными, продолжали обращаться за предбрачными свидетельствами к ксендзам, которые, зная, что брак будет заключён по обычаям православной церкви, под разными предлогами затрудняли выдачу свидетельств [26, л. 4–4об.–5, 9, 12].

Так, 12 июня 1900 г. из витебской губернской администрации в Министерство внутренних дел поступила информация о факте проявления нетерпимости по отношению к православной вере ксендзом Мацкусом, который, «будучи в селении Куркино, Велижского уезда Псковской губернии, внушал католикам не вступать в браки с православными, утверждая, что это большой грех» [27, л. 4–4об.]. По этому случаю властями было решено произвести дознание свидетелей, которые дали следствию показания о неоднократных выпадах ксендза Мацкуса против православных.

Из показаний крестьянина Придруйской волости Дриссенского уезда Витебской губернии Юхневича от 8 августа 1900 г. вытекало, что «ксендз Мацкус, приезжая в селение Куркино, обращаясь к прихожанам-католикам, говорил: большой грех делает католик, который жениться на православной, или католичка – выходя в замужество за православного и что родившееся от таких браков не дети, а щенята» [28, л. 16].

Свидетельство крестьянина Юхневича было подтверждено дворянином А.М. Филимоновичем, а из показаний крестьянина К.О. Кусеня деревни Абаруны Ликсянской волости Двинского уезда Витебской губернии было видно, что «Велижский ксендз Мацкус отказал ему в выдаче разрешения на вступление в брак дочери его Паулины в брак с крестьянином Маклаковской волости Велижского уезда Витебской губернии Л. Сергеевым, православного вероисповедания, потому что она выходит в замужество за русского» [29, л. 20]. Показания крестьянина К.О. Кусеня были подтверждены показаниями крестьянина деревни Лядинники Л. Сергеевым, который по-

казал, что хотел жениться на дочери крестьянина К.О. Кусеня – Паулине, римско-католического вероисповедания», и два раза обращался к ксендзу Мацкусу с просьбой о выдаче Паулине Кусень разрешения на вступление в брак, но ксёндз в этом отказал [30, л. 20об.].

Смысл поступков католических священников заключался в руководстве ими папским декретом «Ne temere», распространение которого было разрешено Департаментом духовных дел иностранных исповеданий среди римско-католического епископата в 1904 г. Этот декрет являлся очень важным для католиков в каноническом отношении. Поэтому власти и не стали его задерживать, хотя его положения и противоречили законодательству империи. Так, браки, заключённые католиками с представителями другого вероисповедания не по правилам католической церкви, признавались недействительными. Департамент высказал надежду, что наличие соответствующих законодательных актов по данному вопросу не будет провоцировать католическое духовенство на нарушение законов. Однако эти надежды не сбылись. Ксендзы нарушали законы, ссылаясь на папский декрет [31, с. 112].

Таким образом, столкновение российских и польских интересов, в котором концепции «большого русского народа» (великорусы-малорусы-белорусы) противостояла почти зеркальная польская конструкция (поляки-литвины-русины), а польским соответствием западных губерний служили восточные кресы, в конце XIX – начале XX столетий переплеталось с борьбой между православием и католицизмом за сферы влияния на белорусских землях. Составной частью этой борьбы являлись конфликты между католическим и православным клиром, распространявшиеся и на простых верующих. Иногда католическое население переносило свои обиды за религиозные ограничения со стороны властей на православных [32, с. 94].

Между православным священником и католическим ксендзом «иногда можно было наблюдать добрососедские отношения», от чего выигрывали обе паствы – и православная, и католическая, поскольку «при мире пастырей устранялись разные несогласия и между их пасомыми» [33, с. 388]. Однако такие отношения между католическим и православным духовенством являлись исключением. Обычно они с недоверием относились друг к другу. Суть вопроса заключалась в том, что взаимоотношения между православием и католицизмом чаще всего строились на идее собственного вероисповедного превосходства.

Использованная литература:

1. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44507.
2. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44507.
3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44507.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44507.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 413.
6. Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. – Москва: Наука, 2005. – 383 с.
7. Снапкоўская С.В. Канфесіянальная палітыка ў галіне адукацыі ў Беларусі (60-я гг. XIX ст. – 1917 г.) // Адукацыя і Выхаванне. – 1999. – № 5–6. – С. 106–111.
8.Всеподданнейший отчёт Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / падрыхтавалі да друку М. Біч, В. Пінчукоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 2. – С. 94–117.
9. Всеподданнейший отчёт Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатор П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / падрыхтавалі да друку М. Біч, В. Пінчукоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 2. – С. 94–117.
10. Ганчар А.І. Тайная польская школа і рымска-каталіцкі касцёл ў Беларусі (1864–1905 гг.) // Весці Нацыянальная акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2006. – № 1. – С. 65–73.
11. Токць С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці ся лянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарад зеншчыны XIX – першай трэці XX ст.). – Гродна: ГрДУ, 2003. – 191 с.

12. Radzik R. Miedzy zbiorowoscia etniczna a wspolnota narodowa. Bialorusini na tle przemian narodowych w Europe Srodkowo-Wschodniej XIX stulecia. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej, 2000. – 301 s.
13. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2001. – Оп. 1. – Д. 2044.
14. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2001. – Оп. 1. – Д. 1922.
15. Асвета і педагагічная думка на Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г. / пад рэд. С. Лазарука. – Мінск: Народная асвета, 1985. – 464 с.
16. Смалянчук А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. – Гародня: Ратуша, 2000. – 204 с.
17. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 853.
18. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 853.
19. Смалянчук А.Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. – Гародня: Ратуша, 2000. – 204 с.
20. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 1081.
21. Смалянчук А.Ф. Касцёл і царква: змаганне за уплыў // Адукацыя і Выхаванне. – 1993. – № 3. – С. 94–100.
22. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1781. – Оп. 5. – Д. 39.
23. Токць С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці ся лянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарад зеншчыны XIX – першай трэці XX ст.). – Гродна: ГрДУ, 2003. – 191 с.
24. Яноўская В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
25. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 1. – Оп. 9. – Д. 44.
26. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 42945.
27. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44399.
28. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44399.
29. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44399.
30. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 44399.
31. Яноўская В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. – Мінск: БДУ, 2002. – 199 с.
32. Токць С. Беларуская вёска на мяжы эпох. Змены этнічнай самасвядомасці ся лянства ва ўмовах распаду традыцыйнага грамадства (па матэрыялах Гарад зеншчыны XIX – першай трэці XX ст.). – Гродна: ГрДУ, 2003. – 191 с.
33. Шавельский Г.В. Русская церковь перед революцией. – Москва: Артос-Медиа, 2005. – 512 с.

Протоиерей Георгий Соколов, настоятель прихода Свято-Петро-Павловского храма-памятника д. Лесная Славгородского района (Могилевская епархия), кандидат богословия, доцент кафедры церковной истории Минской духовной семинарии.

Archpriest Georgy Sokolov, Abbot of St. Peter and Paul Memorial Church, Lesnaya Village, Slavgorod District (Mogilev Diocese), Candidate of Theology, Associate Professor of the Department of Church History of the Minsk Theological Seminary.

ЖИЗНЬ И ЦЕРКОВНЫЕ ТРУДЫ ИВАНА КОНСТАНТИНОВИЧА ПЯТНИЦКОГО (1856-1912).(*)

LIFE AND CHURCH WORKS OF IVAN KONSTANTINOVICH PYATNITSKY (1856-1912) (**)

УДК – 93/94

РЕЗЮМЕ. В статье даются известные на сегодняшний день краткие биографические сведения об историке Церкви Иване Константиновиче Пятницком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Могилевской духовной семинарии, Могилевская духовная семинария, Православная Церковь, истоиия Церкви, Георгий Конисский, Иван Константинович Пятницкий

SUMMARY: The ar cle gives the brief biographical information kn wn to date about the historian of the Church Ivan Pyatnitsky.

KEYWORDS. Mogilev theological seminary, the Orthodox Church, the history of the Church, George Konysky, Ivan Pyatnitsky

В год славного юбилея святителя Георгия (Конисского) хочется вспомнить имена и церковные труды многих замечательных людей, самоотверженно потрудившихся на ниве духовного просвещения в Белоруссии. К их числу принадлежит Иван Константинович Пятницкий, преподаватель Могилевской духовной семинарии и редактор неофициальной части «Могилевских епархиальных ведомостей».

Биографические данные о И.К.Пятницком скудны. Родился он 25 ноября 1856 года в селе Вахтино Даниловского уезда Ярославской губернии. Происходил, очевидно, из духовного сословия. О времени и месте получения начального и среднего духовного образования сведения разыскать не удалось. В 1884 году И.К. Пятницкий окончил Санкт-Петербургскую духовную академию и был назначен преподавателем церковной истории Могилевской духовной семинарии. В этой должности И.К. Пятницкий прослужил 18 лет. Преподавательские труды отнимали много времени. Но, тем не менее, И.К. Пятницкий смог оставить заметный след в научно-исследовательской и литературной работе. Сначала Белоруссия была для Ивана Константиновича «неизведанной землей». Пятницкий полюбил наш многострадальный край и смиренный народ, в течение веков в неимоверно тяжелых условиях сохранявшие верность Православию и русской цивилизации. Вместе со своим современником Евдокимом Романовичем Романовым И.К. Пятницкий свидетельствовал, что белорусский народ вынес иго, во многом превосходившее монголо-татарское, ведь ордынцы не покушались на веру и Церковь Северо-Восточной Руси. А вот Русь Юго-Западная истекала кровью в борьбе с чуждой ей западной ориентацией. Изучение исторических документов Могилевской епархии времен Брестской церковной унии (многие из этих документов впервые были введены в научный оборот Иваном Константиновичем Пятницким) привело автора к мысли написать серию очерков о вы-

(*).Текст доклада на научно-практической конференции, посвященной 300-летнему юбилею Святителя ГЕОРГИЯ (Конисского). Могилев. 24.07.2017
https://zapadrus.su/2012-04-11-14-59-43/2017-g/2017-06.html
(**) The text of the report at the scientific and practical conference dedicated to the 300th anniversary of St George (Konissky). Mogilev. 07/24/2017

дающихся иерархах Могилевщины и святынях Белоруссии. Так появилась обстоятельная статья «Тупичевский Свято-Духов монастырь», опубликованная в «Могилевских епархиальных ведомостях» в 1889 году, и ряд других. В это время И.К. Пятницкий включился в трудоемкую работу по новому изданию творений святителя Георгия (Конисского), организованному редакцией «Могилевских епархиальный ведомостей». Была проведена огромная текстологическая работа с рукописным сборником проповедей XVIII века и изданием начала XIX века протоиерея Иоанна Григоровича. В результате в 1892 году в Могилеве вышла в свет книга «Слова и речи Георгия Конисского, архиепископа Могилевского». На сегодняшний день это единственное издание, сохранившее стиль и речь великого архиепископа Белоруссии. Неслучайно в нынешнем юбилейном году выходит в свет переиздание данной книги. За сто с лишним лет ничего лучшего так и не было сделано. И.К. Пятницкий был научным редактором «Слов и речей», составителем предисловия и необходимых примечаний.

В начале XX века И.К. Пятницкий тяжело заболел и был вынужден в 1902 году выйти в отставку. Болезнь прогрессировала, но Иван Константинович не сдавался. Практически прикованный к инвалидному креслу, он продолжал работать на посту редактора епархиальных ведомостей. В это время И.К. Пятницкий смог переработать свое давнее сочинение, составленное еще на родной Ярославщине: «Секта странников и ее значение в расколе». Работа была замечена академической наукой и опубликована двумя изданиями в г. Сергиевом Посаде.

Скончался И.К. Пятницкий 11 ноября 1912 года. Чин погребения совершил глубоко ценивший покойного бывший ректор Могилевской духовной семинарии епископ Минский и Туровский Митрофан (Краснопольский) в сослужении 12 клириков – сотрудников и учеников И.К. Пятницкого. Прах покойного был предан земле на кладбище Кафедрального собора (уничтожено богоборцами).

Имя И.К. Пятницкого, запрещенное и забытое при Советской власти, вернулось в начале 1990-х годов. Краткие сведения о труженике церковной истории Белоруссии появились в энциклопедических справочниках (Мысліцелі і асветнікі Беларусі. Мінск, 1995; Рэлігія і царква на Беларусі. Мінск, 2001). Обстоятельная работа об этом выдающемся человеке еще ожидает своего исследователя.

БОЛЬ, КОТОРАЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ…О РОМАНЕ НИКОЛАЯ ЧЕРГИНЦА «ОПЕРАЦИЯ «КРОВЬ»

PAIN THAT DOES NOT END ... ABOUT THE NOVEL BY NIKOLAI CHERGINETS "OPERATION BLOOD"

УДК – 82.09

Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, публицист, литературный критик, член Союза писателей России, почетный член Союза писателей Беларуси, член-корреспондент Российской Академии поэзии и Петровской Академии наук и искусств (Минск, Белоруссия).

Anatoly Avru n, poet, publicist, literary cri c, member of the Writers 'Union of Russia, honorary member of the Writers' Union of Belarus, corresponding member of the Russian Academy of Poetry and the Petrovsky Academy of Sciences and Arts (Minsk, Belarus).

РЕЗЮМЕ. Рассматривается новый роман известного прозаика Николая Чергинца "Операция "Кровь", в котором автор описывает малоизвестные страницы войны -- специальные лагеря в Беларуси, где фашисты полностью забирали кровь у малолетних на "нужды немецкой армии". Параллельно дается многогранная картина жизни узников минского гетто --история героизма одних и предательства других. Роман вместе с другими произведениями автора выдвинут на соискание Премии Союзного Государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Николай Чергинец, роман "Операция кровь", премия Союзного Государства.

RESUME. A new novel by Nikolai Cherginets, the famous prose writer Nikolai Cherginets, in which the author describes the li le-known pages of the war-special camps in Belarus, where the Nazis completely took the children's blood for "the needs of the German army." In parallel, a multi aceted picture of the life of the prisoners of the Minsk ghe o - -The history of heroism of some and the betrayal of others.The novel, along with other works of the author, is put forward for the Prize of the Union State.

KEY WORDS. Nikolai Cherginets, the novel "Operation Blood", the prize of the Union State.

И читатели, и критики, да и сами писатели вроде бы уже давно склонились к мысли о том, что все лучшие произведения о Великой Отечественной давно написаны. Да и сама тема, по прошествии стольких лет, вроде бы во многом утратила остроту и современность… Действительно, было время, когда страна зачитывалась симоновскими «Живыми и мертвыми», бондаревским «Горячим снегом», знаменитой «лейтенантской прозой» Виктора Астафьева, Василя Быкова, Григория Бакланова, Ивана Стаднюка, «Тяжелым песком» Анатолия Рыбакова… О минувшей войне писали литераторы всех союзных республик бывшего СССР…

Но канула в небытие великая страна, далеко не везде на бывших советских просторах празднуют День Победы, ушли из жизни почти все наши легендарные писатели-фронтовики… И нынче даже серьезные писатели, не говоря уже о либерал-модернистах, о войне вспоминают все реже, а если и пишут, то о каких-то ранее запретных теневых сторонах, заметно приземляя легендарных героев и все больше напирая на то, что, де, и у партизан не все было гладко во взаимоотношениях с местным населением, и в атаку солдат гнали злыдни-заградотрядовцы, а вовсе не стремление разбить ненавистных оккупантов, во имя чего не жаль и жизнь отдать за Родину…

На этом фоне новый роман Николая Чергинца «Операция кровь» представляется удивительной по своей мощи попыткой не только восстановить теряемые приоритеты – война была именно народной, советская власть – родная, партизаны – народные заступники, а полицаи с бело-красно-белыми повязками – враги и изменники Родины, но и на строго документальной основе показать, как же все происходило на самом деле. Показать без парадности и трескотни, практически не оставляя героям романа права на пресловутую белорусскую толерантность. Исподволь внедряемое националистами в людские умы мнение о том, что война была неправедной схваткой двух тоталитарных режимов, а белорусы – всего лишь пострадавшая сторона в этой схватке, для автора совершенно неприемлемо. По его убеждению полицаи не могли быть «хорошими хлопцами» -- если пошел в услужение к врагу, значит и сам стал врагом, а если все же сохранил совесть – помогай своим…

Вообще, для Николая Чергинца описываемые в книге события – отнюдь не авторская фантазия. Более того, роман этот куда более автобиографичен, чем может показаться на первый взгляд. Не зря подпольщицы Елена Стасевич и ее дочь Женя

носят именно такую фамилию и имена, а в случае опасности уезжают к родственникам в деревню Узборье… Написав в свое время документально-художественную повесть о Николае Чергинце, прослушав километры магнитофонных записей с его рассказами о той поре, я прекрасно знаю, что героини книги не просто однофамилицы матери и сестры автора. Именно эти женщины во многом являются прототипами основных действующих лиц книги. Здесь практически все правда. И то, что отец многодетного семейства, Иван Платонович, в самом начале войны все же выбрался из Минска и ушел в действующую армию. Уже после Победы он вернулся в Минск без ноги… И то, с какой женской мудростью вела себя в сложнейших житейских ситуациях Елена Петровна, не только сберегшая собственных детей, но и долгие месяцы прятавшая в своем доме спасенную из гетто еврейскую девочку… Другую сестру Николая Чергинца, Зину, имя которой в книге упоминается разве что вскользь, гитлеровцы за связь с партизанами едва не казнили, с отбитыми внутренностями и выкрученными суставами она на всю жизнь осталась инвалидом…

О зверствах гитлеровцев и их прислужников в оккупированной Белоруссии написано немало. Но лишь сравнительно недавно вскрылись жутчайшие детали того, как на территории республики оккупанты создали целую сеть детских лагерей, где полностью высасывали из детишек кровь «на нужды немецкой армии». Сами фашисты понимали, что творят величайшее преступление, а потому держали информацию об этих лагерях в строжайшей секретности. Операции по спасению свыше пятисот детишек из такого лагеря в поселке Семково, что на Минщине, посвящены многие страницы романа. Собственно, и название свое новая книга Н. Чергинца получила именно поэтому. Командир партизанской бригады полковник Гринев, советская разведчица, действующая под псевдонимом Анна Фишер, начальник штаба Позняков – все эти люди видят свою главную задачу в том, чтобы не позволить фашистам осуществить свои черные планы – заметая следы преступлений, полностью уничтожить малолетних узников…

Второй и ничуть не менее важной сюжетной линией романа является история уничтожения оккупантами евреев в минском гетто. В этой связи вспоминается достаточно давняя история. В конце семидесятых годов выдающийся белорусский художник, бывший узник Бухенвальда Михаил Андреевич Савицкий написал цикл полотен

«Цифры на сердце», одно из которых – «Летний театр», вызвало невиданный по тем временам скандал в обществе. По обе стороны бульдозера, сгребавшего в яму тела расстрелянных узников, художник изобразил две черные фигуры – с одной стороны эсэсовец, с другой – полубезумный на вид заключенный со звездой Давида на груди, пособник оккупантов. Либеральная общественность обвинила художника в оскорблении памяти жертв нацизма. Вскоре из ЦК КПБ поступило указание – звезду закрасить… В то время на эту тему в обществе вообще было принято говорить полушепотом, а уж о том, что среди евреев оказывались и те, кто помогал оккупантам грабить и уничтожать собственных соплеменников и подумать было страшно. Но факты – упрямая вещь и сегодня доподлинно известно, что на сотни тысяч невинно убиенных

мирных жителей находились десятки тех, кто с немалым рвением, не только спасая собственную шкуру, но и надеясь личной жестокостью заслужить милость оккупантов, служил в юденратах, а зачастую и принимал участие в казнях… Образ одного такого Иуды по фамилии Абрам Липкович автор выписывает особенно тщательно. Для этого подонка нет ничего святого – он с радостью участвует в массовых казнях евреев, не жалея ни грудных младенцев, ни стариков. Заслужив невиданной жестокостью временное доверие оккупантов, самолично обрекает соплеменников на дополнительные мучения, поклоняясь своему единственному божеству – невиданному чувству наживы. Липкович убежден, что награбленные золото и бриллианты спасут его даже в том случае, если немцы вдруг проиграют войну. Не спасли…

Полнейшей противоположностью Липковичу автор изображает узника гетто, пятнадцатилетнего Абрама Рабиновича. Чудом спасенный партизанами после гибели всей родни, подросток снова пробирается в Минск и организует взрыв, уничтоживший коменданта гетто Готтенбаха, олицетворявшего для мальчика весь ужас фашизма. А когда в качестве мести за смерть полковника фашисты собираются публично казнить двадцать ни в чем неповинных заложников, Абрам демонстративно выходит из толпы, и, спасая людей, с гордостью признается в том, что взрыв организовал он. После жесточайших пыток подростка публично казнят… Не раз, будучи совсем малышом, Коля Чергинец видел подобные казни. А потому описывает финальные сцены романа с такой удивительной силой, что эти страницы физически больно читать…

Для непосвященных напомню, что Николай Иванович Чергинец – автор четырех с лишним десятков романов и еще в советские времена был одним из самых читаемых писателей страны. Правда, большинство его тогдашних произведений относились к детективному жанру – «Вам --задание», «За секунду до выстрела», «Финал Краба»… Это и не удивительно – большую часть своей сознательной жизни Николай Иванович прослужил в органах внутренних дел, дослужившись до звания генерал-лейтенанта внутренней службы. Потом был Афганистан, итогом службы в котором стали романы «Сыновья» и «Тайна черных гор»… Еще позднее, занимая высокий пост в белорусском Парламенте, Чергинец много внимания уделял дипломатическим вопросам, что не могло не отразиться и на тематике его творчества. В романе «Илоты безумия» он первым в отечественной литературе поднял тему угрозы международного терроризма, а в наделавшем немало шума из-за приведенных там пикантных подробностей жизни американской верхушки романе «Тайна Овального кабинета» основательно вскрыл изнанку политической жизни США… При этом от произведения к произведению Чергинец рос и продолжает расти, как творец, как художник слова, как мастер, умеющий писать на злободневные темы не теряя при этом художественных высот…

На мой взгляд, «Операция «Кровь» -- лучшее на сегодняшний день произведение автора. Произведение, которое еще предстоит серьезно оценить критикам и литературоведам. Но уже сейчас очевидно, что роман этот вписывает новую страницу в историю художественного осмысления минувшей войны. Образно говоря, вливает в нее «свежую кровь»… Еще раз оправдывая этим свое название.

Журнал «Аспект» - международное электронное периодическое издание, предназначенное для публикации произведений в области социальных и гуманитарных наук.

Журнал издается совместно :

- «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Србија) www.carsa.rs
- Сетевой научно-просветительский проект "Западная Русь" (Минск) http:// apadrus.su

Доступ к изданию: Сайт журнала — http:/ aspects.su/

Периодичность выпуска: ежеквартально (четыре номера в год).

Журнал зарегистрирован **Национальным ISSN центром Сербии**

при Национальной библиотеке Сербии в Белграде:

Аспект (Online)

ISSN **2560-3752** (Online)

Адрес редакции:

Војводе Мишича 1/5,

15000 Шабац, Србија

aspect.journal@gmail.com

Главные редакторы:

- Зоран Милошевић, доктор социальных наук, директор «Центар академске речи» (Београд-Шабац, Србија);
- Игорь Федорович Зеленковский, член Союза писателей России, руководитель научно-просветительского проекта «Западная Русь» .

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд 14.03.2017.

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_Аспект (Online)__

Добила је свој ISSN 2560-3752 . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN 2560-3752 (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

ISSN INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић

Редакционный совет:

- Александр Юрьевич Бендин, доктор исторических наук (Минск)
- Александр Викторович Гегальчий, публицист, попечитель Международного фонда «Русская премия»(Прага)
- Александр Дмириевич Гронский, кандидат исторических наук (Минск)
- Александр Александрович Киселев, кандидат исторических наук (Минск)
- Анатолий Юрьевич Аврутин, поэт, член Союза писателей России и Беларуси (Минск)
- Валентина Анатольевна Теплова, кандидат исторических наук (Минск)
- Всеволод Владимирович Шимов, кандидат политических наук (Минск)
- Кирилл Владимирович Шевченко, доктор исторических наук (Минск)
- Юрий Глебович Аверьянов, историк, публицист (Москва)

Правила представления авторами рукописей:

1. Рукописи публикаций в журнале «Аспект» (далее – Журнал) представляются авторами по электронной почте с помощью встроенной формы по адресу aspect.journal@gmail.com

2. Рукопись предоставляется в редакцию на русском, сербском, английском языках в формате doc или r . Параметры оформления: размер листа А4, ориентация страницы – книжная, сноски — концевые, список литературы в конце. Обязательно указание УДК статьи. Название статьи на языке автора, русском и английском, ключевые слова на языке автора, русском и английском, аннотация на языке автора, русском и английском. Также к статье в отдельном файле подается фотография автора, информация об авторе на языке автора, русском и английском,

инициалы, фамилия, на языке автора, русском и английском.

Иллюстрации пронумерованы и соответствуют отдельно приложенному списку иллюстраций, указанных в тексте.

3. Материалы, поступающие в редакцию, проходят научную экспертизу. Рецензии автору не высылаются. Редакция вправе отказать в опубликовании статьи без объяснения причин. Плата за публикацию не взимается. Гонорары авторам не выплачиваются. Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редакции журнала.

4. В случае принятия решения о публикации материала в Журнале редакция сообщает об этом автору (авторам) по электронной почте. Затем им высылается файл с текстом, прошедший редактуру. В случае согласия на публикацию материала в Журнале в таком виде, автор (авторы) пересылают в редакцию скан текста со своей подписью. По опубликовании статьи автор получает уведомление об этом и актуальную ссылку.

Правила пользования журналом

Полное или частичное воспроизведение публикаций в любой форме возможно только с официального разрешения редакции и с обязательным указанием источника (при размещении в сети Интернет активная и индексируемая ссылка обязательна).

ASPECT - Humanities and Social science magazine.
It published four issues a year.
Magazine website: http:/ aspects.su/
Аспект (Online)
ISSN **2560-3752** (Online)

Published jointly by:
- "Center for Academic word" (Belgrade-Sabac, Serbia) www.carsa.rs
- Scientific d educati nal project "Western Russia" (Minsk) http:// apadrus.su

Editor in Chief:

- Zoran Milosevic Doctor of Social Sciences, Director "Center for Academic word"(Belgrade)
- Igor F. Zelenkovsky, member of the Union of Writers of Russia, head of the project "Western Russia"

Editorial address:

Војводе Мишича 1/5,
15000 Шабац, Србија
aspect.journal@gmail.com

Editorial Council:

- Alexander Y. Bendin, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Gegalchy, publicist, Trustee of the International Fu d "Russian Award" (Prague)
- Alexander Dmirievich Gronskii, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Alexander Kiselev, Candidate Historical Sciences (Minsk)
- Anatoli Yurevich Avrutin, oet, member of the Union of Writers of Russia and Belarus (Minsk)
- Valentin A. The heat, Candidate of Historical Sciences (Minsk)
- Vsevolod Shimov Candidate Politi al Science (Minsk)
- Kirill Shevchenko, Doctor of Historical Sciences (Minsk)
- Glebovich Yury Averyanov, historian, publicist(Moscow)

НАРОДНА БИБЛИОТЕКА СРБИЈЕ
Национални ISSN центар Србије
Београд, Скерлићева 1, тел./факс 011-244-7362

Београд **14.03.2017.**

Поштовани,

Обавештавамо Вас да по стандардима ISSN-а исти наслов серијске публикације на различитом медију, мора да има различит ISSN за сваки медиј (Online, CD-ROM, итд). Самим тим и Ваша публикација_**Аспект (Online)**__

Добила је свој ISSN **2560-3752** . Додељени ISSN треба да буде постављен на насловни екран online публикације на следећи начин:

ISSN **2560-3752** (Online)

Као и код штампане верзије наслова Ваше публикације и ISSN за online верзију је важећи све док се не промени наслов публикације. Ако намеравате да промените наслов молимо Вас да нас информишете (заједно са одговарајућим фотокопијама или можда са новом URL адресом), тако да можемо да одлучимо да ли је нови ISSN потребан, или не.

Остале промене као што су место издања, издавач, периодичност, URL adresa, итд. не мењају ISSN, али је пожељно да нам их јавите да бисмо могли да ажурирамо библиографске податке у нашој бази.
За све додатне информације можете да се јавите на телефон 011-244-7362 или e-mail slobodanka.komnenic@ nb.rs.

INTERNATIONAL STANDARD SERIAL NUMBER

С поштовањем
Национални ISSN центар Србије
Слободанка Комненић